

Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук
Институт социологии

О. Н. Яницкий

**ЖИЗНЬ В БЛОГАХ:
короткие заметки по истории
социологии и других наук**

Москва
2019

Federal Center of Theoretical and Applied Sociology
of the Russian Academy of Sciences
Institute of Sociology

O. N. Yanitsky

**A Life in the Blogs: Short Notes on the History
of Sociology and other Sciences**

Moscow
2019

УДК 316
ББК 60.5
Я 62

Публикуется по решению Ученого совета ФНИСЦ РАН

Рецензенты:

д-р социол. н., проф. А. В. Тихонов
д-р социол. н., проф. М. В. Рыбакова

Яницкий, Олег Николаевич.

Я62 **Жизнь в блогах: короткие заметки по истории социологии и других наук**
[монография] / О. Н. Яницкий. – Москва: ФНИСЦ РАН, 2019. – 176 с. – Электрон.
текст. дан. (объем 1,96 Мб). – URL: http://www.isras.ru/index.php?page_id=1198&id=7080

ISBN 978-5-89697-311-9

Современный мир все более сжимается и ускоряется, а вслед за ним сжимается и ускоряется процесс изучения истории и теории социологии и смежных с ней наук. Автор полагает, что участие в публичной сфере, в частности в форме публикаций в блогах и социальных сетях, является этической нормой современного процесса научного познания. Книга содержит короткие заметки и комментарии автора к названным выше процессам, опубликованные им на официальном сайте ФНИСЦ РАН в 2000-х гг. Эти заметки по большей части «персонифицированы», так как, по убеждению автора, историю и теорию науки делают, прежде всего, личности. Книга снабжена именным и предметным указателями, а также списком основных публикаций автора.

Книга адресована широкому кругу читателей, так как может быть интересна как социологам-профессионалам, так и всем, кто интересуется историей русской науки.

УДК 316
ББК 60.5

ISBN 978-5-89697-311-9

© Яницкий О. Н, текст, 2019
© ФНИСЦ РАН, 2019

Published by the decision of the Scientific Council of FCTAS RAS

Reviewers:

Dr. of Sociology, Professor A. V. Tikhonov

Dr. of Sociology, Professor. M. V. Rybakova

Yanitsky Oleg N. A Life in the blogs: Short Notes on the History of Sociology and other Sciences [monograph]. – Moscow: FCTAS RAS, 2019. – 176 p. Available at: http://www.isras.ru/index.php?page_id=1198&id=7080 (Accessed 28 May 2019).

ISBN 978-5-89697-311-9

Modern world continue to compress and becoming faster, and the processes of scientific researchers in the history of sociology and other sciences are compressing and becoming faster as well. I convince that the participation of any scholar and scientist in public sphere and in the blogs and social networks is the ethical norm of modern science. The book contains the author's short notes and comments related to the above processes published at the Official Site of the Institute of Sociology of the FNIS of the Russian Academy of Sciences in the run of the 2000s. The majority of the notes are personified because the author is deeply convinced that the history and theory of any science are, first of all, is a result of individual efforts. The book is supplied with the Subject Index and the Index of Names, and contains the list of the main publications of the author.

The book is addressed to the social and natural scientists as well as to those who are interested in the history of Russian science.

ISBN 978-5-89697-311-9

© Yanitsky O. N, text, 2019

© FCTAS RAS, 2019

Оглавление

Предисловие (жизнь в блогах и сетях)	6
От автора	8
ЧАСТЬ I НА ЧЁМ Я СТОЮ	9
1. Как я стал социологом, роль семьи и её окружения	9
2. In memoriam	12
3. Об истории русской науки и культуры; просветители и популяризаторы науки	37
4. Глобализация как социокультурная проблема	50
5. Как я постепенно становился глобалистом	55
6. О глобализации сегодня	79
7. Современная глобализация: характеристики и тренды	84
8. О войне и мире	104
ЧАСТЬ II О РОССИЙСКОЙ СОЦИОЛОГИИ	124
9. Какая социология сейчас на дворе?	124
10. О конгрессах и конференциях	134
11. Императив междисциплинарного подхода	139
12. Еще раз о конгрессах и съездах	144
13. От исследования – к публикации	149
Заключение: некоторые мысли о будущем социологии	157
Предметный указатель	161
Именной указатель	166
Список основных публикаций О. Н. Яницкого	169

Предисловие (жизнь в блогах и сетях)

Социолог не только исследует социальные явления и процессы, пишет научные статьи или записки для «руководящих органов». И вчера, и сегодня социолог еще и *публичная фигура*, включенная в противоречивый ход общественной жизни. Раньше мы просто собирались в комнатах или библиотеках, писали друг другу письма, а сегодня с развитием интернета мы все больше «живем» в блогах и социальных сетях.

Этот жанр короткого письма не только трудный, но подчас и опасный: вдруг заденешь за живое какую-то важную персону, и посыплются на тебя обвинения в искажениях, передержках, а то и просто будут угрожать судом или внесудебной расправой. Как только социолог выходит в это публичное пространство, он по существу становится научным журналистом, и тогда жесткий «ответ» вполне возможен.

Но участие в этой публичной сфере является этической нормой современной социологии. Тем более что социальный мир все ускоряет свой бег, и если ты не ответил на какой-то его «вызов», то ты просто выпадаешь из процесса развития данной науки. Этим общественные науки отличаются от естественных и технических наук, в которых дискуссии и полемика имеет более цивилизованные формы. Но, впрочем, тоже не всегда. Все науки, так или иначе, вписаны в ход общественной жизни со всеми её неожиданными поворотами. Вспомним печально знаменитую дискуссию в ВАСХНИЛ по генетике в августе 1948 года.

Но в данном случае я просто хотел сохранить некоторые свои мысли – возможно, они понадобятся кому-то другому. В истории науки не раз случалось, что некоторая идея (мысль, комментарий) через несколько десятков лет вдруг «оживала», но уже в ином социальном контексте. Тем более, что соотношение моих публикаций в социальных сетях и блогах и научных публикациях примерно одинаковы.

Если говорить о нашем времени, то сначала были возможности (публичные площадки) для личной и открытой, в том числе междисциплинарной, полемики. Но сегодня, благодаря интернету, мы все более общаемся дистанционно, и для меня такая ситуация – большая потеря. Я привык видеть своего собеседника или противника в лицо. Его эмоциональная реакция на мои мысли и слова столь же важна, так и его трактовка обсуждаемой проблемы. К сожалению, ученые ведут свою борьбу, все более, не видя друг друга и часто не зная ничего о нем, кроме 2-3 опубликованных его собеседником или оппонентом текстов. А читать длинные статьи или книги ни у кого нет времени, *мир в котором мы живем, сегодня сжался до системы абстрактов и ключевых слов*. Поэтому данный сборник содержит как опубликованные, так и некоторые короткие рукописные тексты моих выступлений на конференциях и съездах.

Я всегда считал необходимым выдвигать и обсуждать какие-то гипотезы в контексте текущего исторического и социального времени. Этому меня научила моя семья, ближайшее окружение, а главное – работы наших великих ученых независимо от того, в какой области они работали. Поэтому я не хотел и не мог себя ограничивать такими слишком общими и потому малозначащими градациями, как малый город, средний город и т.п. потому что их конкретный социальный контекст мог резко

разниться. Динамическая связь «агент–контекст» была для меня всегда принципиально значима.

Старшие коллеги, опять же независимо, были ли они историками и социологами или математиками или биологами, приучили меня быть внимательным к мыслям и трудам наших предшественников. Непрерывность научного поиска и преемственность идей и поколений – важнейшее условие самосохранения науки как социального института и научного работника как его участника.

В процессе сбора и подготовки материала этой книги (а он растянулся на несколько десятилетий) мне помогали не только мои оппоненты, но друзья и коллеги. Я благодарю Галину Ивановну Кузину, мою жену, которая была много лет моим постоянным советчиком и редактором. Я благодарю также моих ближайших коллег – Ольгу Александровну Башеву (Усачеву), Дмитрия Николаевича Кавтарадзе, а также безвременно ушедших моих друзей и товарищей Владислава Павловича Волкова и Владимира Борисовича Гольдмана.

Апрель 2019 г.

От автора

Мир сжимается, становясь все более тесным, а время не только «уплотняется», но все более ускоряется. Эти два утверждения справедливы для субъектов действия любого масштаба, государств, региональных систем, местных сообществ и отдельных личностей. Я – не профессиональный блогер, а научный работник, стремящийся жить в ногу с этим сжатием и ускорением. Прожив долгую жизнь в разных ситуациях и культурных средах, я старался не только анализировать названные динамические процессы глобального сообщества, но и оценить свое место в этом бесконечном круговороте.

Критики моих работ старались убедить меня в другом. Они утверждали, что если что-то и изменяется, то только в худшую сторону. Не могу с этим согласиться, изменения идут по всем направлениям, начиная от ситуации в семье, на работе и до кардинальных перемен в глобальных институциональных структурах. Проблема в том, что мы и весь мир находимся сегодня в очередном «переходном периоде», который всегда нелегко. Еще 10–15 лет назад можно было, овладев какой-то специальностью, потом лишь постепенно наращивать свой социальный капитал. Сегодня это уже невозможно – нужно непрерывно учиться и переучиваться. Английский социолог Дж. Урри назвал это состояние всеобщей и непрерывной мобильностью. И этот неустойчивое, неопределенное состояние глобального социума порождает новые опасности и риски.

Чтобы хоть как-то успевать за этой постоянно «убегающей» от меня реальностью, я обратился к наиболее быстрому и эффективному способу реакции на нее, к коротким заметкам на злобу дня, не требующих долгого стояния в очереди в редакциях наших периодически изданий. Однако я не был репортером, а старался быть аналитиком в отношении наблюдаемых мною процессов, сопоставлять их с ходом истории и с развитием собственного взгляда на прошлое и настоящее. Отдельные факты и даже их последовательность – это еще не история. История есть осмысление множества фактов в рамках некоторой гипотезы или теории. Моя большая семья, мое окружение и длительное пребывание в разных научных средах научили меня сравнивать, думать и строить собственные гипотезы и теории.

Сегодня мы живем в сетевом обществе, что порождает риск «цифрового аутизма», ведущий, в конечном счете, к информационной версии «одиноким толпы». Поэтому я старался, чтобы вокруг меня были не бесконечные смайлики и лайки, но те реальные индивиды и сообщества, которые делали и делают социальную историю СССР и России.

Яницкий О. Н. Апрель 2019 г.

ЧАСТЬ I

НА ЧЁМ Я СТОЮ

1. Как я стал социологом, роль семьи и её окружения

Поначалу я и не думал им становиться! С детства я мечтал стать живописцем и даже кое в чем преуспел: были выставки моих этюдов, я иллюстрировал книги и др. В годы, когда я рос и учился, не было у нас никакой социологии, но была масса других интересных вещей. Но сначала было главное: очень интересное и разнообразное мое окружение, которое делилось примерно пополам: с одной стороны – выдающиеся ученые, исследователи Арктики, полярные летчики, а с другой – художники и музыканты. Психологи говорят, что полушария человеческого мозга «отвечают» за разные сферы нашей деятельности: одно – за разум и способность к рациональной активности, другое – за чувства и эмоции. Так я разрывался примерно до 21 года, когда разумное начало, наконец, перевесило, и я сделал выбор в пользу науки.

Мне очень повезло: с самого начала сознательной жизни я был окружен интеллигентными людьми, которые не просто «работали», но стремились сделать (изучить, открыть) что-то новое. Это было весьма непросто, когда более трети моего детства и взрослой жизни общество находилось под гнетом коммунистической идеологии и сконструированного ею политического режима. Да, революция, гражданская война, коллективизация, Великая Отечественная война нанесли гигантский урон нашему обществу – эти потери ощущаются и сейчас.

Но нельзя отрицать того факта, что российская интеллигенция продолжала существовать, по крайней мере по трем причинам. Первая, без интеллигентных образованных людей никакое социалистическое строительство было бы невозможным. И никакое социальное управление, при всей условности этого термина, тоже. Вторая, эта интеллигенция продолжала воспроизводиться, в урезанных, подчас просто карикатурных формах, но продолжала воспроизводиться. Третья, не вся русская интеллигенция эмигрировала на Запад, и старшее поколение оставшейся в СССР интеллигенции передавало свои знания и опыт молодым. Кроме того, русские революционеры верили в преобразующую силу просвещения и образования. Эта их внутренняя раздвоенность – на революционеров и просветителей – позволила не только ликвидировать неграмотность, но и создавать принципиально новое знание и новую технику.

Здесь не место анализу судеб русской интеллигенции, но когда интеллигентные люди окружают ребенка с самого детства, эта среда – книги, семейное общение,

встречи с первопроходцами и первооткрывателями – имеет для ребенка решающее значение, кем бы потом он ни стал. Заглянем на полку, где стоят несколько книг моего детства и отрочества. В основном это книги о великих географических открытиях, а позже научная фантастика и дневники великих путешественников. «Плутония» акад. В. А. Обручева и «Тайна двух океанов» Григория Адамова были моими любимыми книжками. Вот такое окно в будущий мир.

Вторая обучающая меня среда, это мой дядя, акад. АН СССР Михаил Викторович Кирпичев и двоюродный брат Владимир Оттович Шмидт, среда, которая удовлетворяла мой ненасытный интерес к технике. Мне опять повезло, в семье был автомобиль, и я часами не отходил от него. Третьей средой была жизнь в эвакуации во время войны, когда я фактически был долгое время предоставлен самому себе – отец был в разъездах, а мама работала в госпитале. Эта «среда» делилась на две. Одна – это постепенное изучение совершенно другой, незнакомой мне среды обитания, включая воровскую малину, которая, как оказалось, была в подвале того дома, куда нас, эвакуированных, поселили. Другая – это счастливые часы у мамы в госпитале, когда я, сидя на полу среди раненых, смотрел вместе с ними очередной советский фильм. До войны был еще двор как отдельная среда обитания, но поскольку дом был поначалу кооперативный и заселен в основном интеллигенцией, то двор тоже был относительно тихий и интеллигентный.

Третьей такой средой был Московский Дом Ученых, он был недалеко от нашего дома, и я там не просто бывал, но занимался в кружках, а позже – неоднократно бывал там, на концертах классической музыки и спектаклях. Дом Ученых был тогда «нашим домом», поскольку отец участвовал в его создании и становлении. Нашим он был также потому, что там всегда была очень привлекательная человеческая атмосфера. Позже, в старших классах школы таким моим домом стала Московская городская художественная школа (рядом с Планетариумом), где после напряжения и суеты школьной жизни я погружался в мир тишины и любимого творчества, то есть занятия живописью.

И конечно, с раннего детства таким моим домом была дача на Николиной Горе. Там я научился ходить и жил каждое лето где-то до 23-х лет. В те годы Николина Гора была средоточием выдающихся фигур российской культуры, от А.В. Неждановой, всемирно известной певицы, А.Б. Гольденвейзера, выдающегося пианиста и до десятков известных писателей, ученых, художников, общественных и политических деятелей и т.д. Да, были там и дачи государственных деятелей, например А.Я. Вышинского или Д.Ф. Устинова. Первого я никогда не видел, хотя наши друзья жили с ним «забор в забор». А вот у Устинова я бывал неоднократно, и Дмитрий Федорович не только общался с нами, подростками, но показывал нам фильмы, например, там я впервые увидел знаменитый фильм «Жизнь и приключения Марко Поло».

В жизни почти каждого человека бывают «счастливые случаи», некие поворотные точки. Первой такой была встреча с участниками первой советской экспедиции на Северный полюс в 1936–37 гг. Я был на этой встрече, но мало что помню, так как мне был всего четыре года. Однако автограф от всех четырех участников экспедиции я получил.

Вторым таким случаем была встреча в Москве с знаменитым бразильским архитектором Оскаром Нимейером, одним из создателей новой столицы Бразилиа, после которой я начал учить португальский язык и замыслил написать книгу о нем. Нас с моим сокурсником высмеивали: видано ли дело, какие-то недоучки взялись за работу, которую тогда разрешалось делать лишь избранным (и проверенным). А через несколько лет книга все-таки вышла, и мы с товарищем срезом стали знаменитыми. Но тогда я уже работал в НИИ общественных зданий Академии архитектуры СССР, в

подразделении, изучавшем сети торгово-бытового обслуживания. Тоска была смертная: все вокруг что-то проектируют, строят, а я лазаю по подсобкам, подвалам, вынужден общаться с «торгашами» и т.д. Но вот опять: меня засадили изучать американский опыт строительства торговых центров, и я набрел на «золотую жилу», изучив в деталях концепции Чикагской школы человеческой экологии, о которой тогда здесь никто не знал!

Но это не все. Раз в холле нашего НИИ я наткнулся на человека, который спрашивал (ни к кому конкретно не обращаясь!): а кто здесь занимается городами? Так моя судьба была решена: в 1967 г. я перешел в только что созданный Институт международного рабочего движения. А там мое знание города изнутри оказалось очень кстати: близился юбилей 50-летия Октябрьской революции. И снова я попал в интеллектуальную атмосферу высочайшего уровня: М.А. Заборов, А.Я. Гуревич, М. Мамардашвили, П.П. Гайденок, Ю.Н. Давыдов, Ю.Н. Замошкин, Н.В. Новиков, Э.А. Араб-Оглы и многие другие.

Уже через два года после моего перехода в ИМРД АН СССР я организовал международную конференцию по урбанизации, были социологи из-за рубежа. Но этим дело не закончилось: я вошел в состав интернациональной команды, работавшей по программе ЮНЕСКО «Человека и биосфера», и началась очень интересная работа по эко-социологии. Я признателен судьбе, окунувшей меня в водоворот этой программы. Там я научился междисциплинарному подходу, общению с людьми разного уровня образования и культуры. А потом бы еще один «урок» социологии: работа под руководством А. Турэна по проекту «Новые социальные движения в России» (1991–94 гг.). С 1993 г. – я в Институте социологии РАН, и ни минуты об этом не жалею.

Не надо думать, что все так гладко и счастливо складывалось само собой. Да, детство я провел на Николиной Горе (дачный поселок под Москвой), где была особая атмосфера сплава науки и искусства. Однако время эвакуации в Казани я был целиком предоставлен самому себе, и однажды близко познакомился с воровской малиной. Как они меня не убили, не понимаю до сих пор. В 1952–53 гг. вся моя семья была на волоске от ареста, так как мы были близки с одним из кремлевских «врачей-убийц в белых халатах». Когда потом все выяснилось, и хотя у меня уже были публикации, комсомол не дал мне рекомендации в аспирантуру, написав в характеристике, что я «индивидуалист и карьерист».

Но летом 1957 года в Москве проходил VI Международный фестиваль молодежи и студентов, на котором я работал гидом-переводчиком у двух молодых бразильских инженеров, строивших тогда ту самую столицу, город Бразилиа. Сегодня социология интенсивно изучает массовые процессы, проводя опросы общественного мнения, обрабатывая СМИ и т.д. Но пребывание внутри любого массового процесса, то есть быть его инсайдером, для меня значило очень многое. Сегодня социологи нечасто используют метод включенного наблюдения, а зря.

Директор НИИ общественных зданий, где я тогда работал, был ярким сторонником идеи «обобществления быта», в частности по образцу китайских коммун того времени. Я был против такого подхода, и мне, в конце концов, пришлось искать новое место работы, так как директор обвинил меня в ревизионизме. Уже в ИМРД АН СССР его директор решил «возвысить голос», я – ответил, и как шутили мои коллеги по работе, «Яницкого сослали в экологию». Но и здесь не было худа без добра: моя 15-летняя работа по программе ЮНЕСКО проходила под эгидой Министерства иностранных дел СССР, и директор ничего не мог с этим поделать. Периодическое пребывание в штаб-квартире ЮНЕСКО в Париже дало мне дополнительный бесценный опыт пребывания в этом кипящем котле взглядов и культур. Все подобные «кейсы» лишь прибавляли знаний и закаляли характер. Положительный и негативный опыт в жизни всегда идут рука об руку.

Уважая тех, кто работает методами массовых опросов, я предпочитаю качественные методы. Изучение гражданских инициатив и социальных движений невозможно без понимания целей и мотивов их участников. Поэтому мой рабочий инструментарий – это изучение «случаев», построение хроник событий, глубинные полу-структурированные интервью (мой их архив сегодня насчитывает более 400 интервью), изучение человеческих документов, графоаналитические методы. Иногда со своими респондентами я периодически встречаюсь в течение 20–30 лет. Так делала и моя мама, врач-кардиолог, наблюдая за своими пациентами. И, конечно, мое главное занятие – это теоретические и методологические исследования. Без знания того, что делается в мире по моей и смежной проблематике, я не мыслю своей работы.

С годами выработалась привычка рассматривать каждую новую проблему с разных сторон, «сверху» и «снизу». По-научному это называется проблемно-ориентированный междисциплинарный подход. Конечно, как социологу мне интересны, прежде всего, социологические выводы. Но в современном глобальном мире все так тесно связано, что всякий «социологический вывод» имеет также биологические, технологические и культурные последствия.

И последнее. Всем, чего мне удалось достичь, я обязан также своей семье, в том числе и «большой семье» и кругу ближайших друзей и коллег, которые каким-то незаметным образом меня направляли, поддерживали и учили. Мне трудно взвесить влияние каждого из них, но каким-то странным образом более всего на меня повлияли мой дед, Федор Феодосьевич Яницкий, военный врач, участник трех войн (русско-турецкой, русско-японской и Первой мировой), и его дочь, Вера Федоровна, психоаналитик и педагог, автор трудов по психологии детства. Не парадокс ли: деда и тети Веры нет на свете уже более восьмидесяти лет (они оба умерли в один год), когда мне было всего четыре года, а я продолжаю соотносить свои дела с их жизненными принципами и делами. И чем дальше, тем больше растет их влияние на мою теперешнюю жизнь.

Текст данного сборника построен по принципу от общего к частному, однако я не считал нужным соблюдать хронологию времени написания отдельных текстов.

2. In memoriam

Напомнить о тех, кто уже ушел – не только мой гражданский долг, но способ развития научного знания, которое, напомню, исторически преемственно и контекстуально по своему характеру. Удивительный, но неопровержимый факт: в условиях все ускоряющегося бега социального времени мемуарная литература продолжает притягивать внимание, не меньшее чем каждое новое слово в науке.

Наш выдающийся коллега социолог Ю.Н. Давыдов вообще считал, что история социологии и есть её теория. Но до него по этому пути шли многие люди русской науки. Например, В.И. Вернадский не писал некрологов по ушедшим в мир иной коллегам – он писал, о том, чего они достигли в науке и какие их гипотезы или теории надо продолжать развивать. Вернадский попытался сделать большее: написать «поверх» истории русской науки историю нашей страны, и фрагменты его рукописи на эту тему сохранились и были опубликованы. Однако в своих блогах In memoriam я ставил гораздо более скромную задачу: еще и еще раз напомнить в наш быстротекущий век о значимости работ тех, кто уже ушел в мир иной.

Однако труд комментатора научных трудов, если он делается профессионалом, не менее важен, чем результаты конкретного исследования. Биография ученого важна для понимания и интерпретации этих результатов. Приведу только один пример. Мой школьный товарищ и историк науки геохимик В.П. Волков не расшифровал и просто

подготовил к изданию 6 томов дневников Вернадского. Всякий кто работал в архивах, знает, что это за адский труд. Фактически, Волков сделал достоянием исследователей социальный, политический и научный контекст работы Вернадского. Знание жизненного пути таких российских исследователей как историк А.Я. Гуревич или социолог И.С. Кон помогали мне понять смысл и направленность их изысканий.

В этой части я писал лишь о тех, с кем я встречался лично или чье творчество оказало на меня сильное влияние.

Акад. АН СССР Владимир Иванович Смирнов (29.05.1887 – 11.02.1974)

По рассказам моего отца, он познакомился со Смирновым в Крыму, в 1918 г., где они оба должны были преподавать в только что открывшемся Таврическом университете, ректором которого был назначен В.И. Вернадский. Но обе семьи надолго застряли в Крыму. Молодая жена Владимира Ивановича был расстреляна как заложница во время сплошного красного террора в Крыму, организованного Бела Куном и Розалией Землячкой. Не знаю, каким образом, но Смирнову и отцу удалось вернуться, Владимиру Ивановичу в Петроград, а моему отцу – в Москву.

Позже Смирнов стал известным ученым-математиком, академиком АН СССР, лауреатом Сталинской премии, он был награжден орденами Ленина и Красного Знамени. Но Владимир Иванович ни на йоту не изменил своим убеждениям, до конца жизни он оставался верующим православным христианином, помогая всем, кто к нему обращался, даже если это были люди с улицы, чему я сам неоднократно был свидетелем.

Если последний наш семейный выезд был в Киев, за неделю до начала войны, то первый послевоенный – в 1946 г. в Ленинград, к Смирновым. Позже, когда он большую часть жизни проводил на даче в Комарово под Ленинградом, я много раз ездил к нему туда. Помимо общения с ним, его женой и сыном, на той даче собиралось очень интересное общество: ученые, писатели, художники. Для меня это был еще один пример (и урок) того, как эти очень разные люди не только понимали друг друга, но они явно нуждались в таком общении. Основой такого общения была общая культура и понимание того, что нельзя быть «узким специалистом» только в своем деле.

Владимир Иванович периодически приезжал в Москву, по делам, но обычно – на общие собрания АН СССР. А вечером приходил к нам, на Смоленский бульвар, д. 13, где они с отцом играли в четыре руки. Для меня его приезды и визиты к нему в Ленинград всегда были праздником. Но человеческая атмосфера в Комарово была какая-то особенная. Вероятно потому, что там соседствовали и часто встречались такие люди как акад. Д.С. Лихачев, писатели Д. Гранин и С. Маршак. То было соседство высокой пробы, потому что это были люди много пережившие и повидавшие. Недаром А. Ахматова, С. Маршак и В.И. Смирнов похоронены на кладбище в Комарово.

Позже такими праздниками души стали для меня приезды в санаторий «Узкое», сама атмосфера пребывания там располагала к многостороннему общению. Именно в «Узком» я воочию увидел, как выдающиеся наши математики, конструкторы нуждаются в общении с гуманитариями. Я убежден, что логика научного исследования не противоречит многообразию нашей жизни. Тем более тревожно, если это многообразие будет нивелировано «цифровой культурой».

05.06.1996

Бразильский архитектор Оскар Нимейер (15.12.1907 – 05. 12.2012)

Умер Оскар Нимейер, великий архитектор XX века, создавший свой собственный неповторимый стиль в истории современной архитектуры. Он заставил бетон быть легким, пластичным, создав за свою долгую творческую жизнь из этого материала удивительное разнообразие форм.

Нимейер стал широко известным благодаря своим новаторским постройкам в новой столице страны г. Бразилиа (её планировщиком был урбанист Л. Коста). Думаю, что изначально Нимейер находился под влиянием двух направлений в архитектуре начала XX века: работ немецкой школы «Баухаус» и концептуальных построек американского архитектора Ф.Л. Райта. Но творчество Нимейера никогда не было бессмысленным копированием. Он переосмыслил опыт этих школ в соответствии со спецификой культуры и природно-климатических условий Бразилии.

И все последующие годы, строя и проектируя по всему миру, Нимейер был верен своему принципу легкости и пластичности свои железобетонных творений, неважно строил ли он собственный дом или проектировал комплекс правительственных зданий для новой столицы страны, для города Бразилиа. Конечно, стилистика его работ доставляла немало хлопот инженерам и конструкторам, воплощавшим в жизнь его замыслы, но тут он был неумолим. И, как показала история, был совершенно прав.

Я пишу об этом потому, что сам начинал как архитектор, потому что, как уже отмечал в Предисловии, еще в студенческие годы мне выпало счастье встретиться с ним, здесь, в Москве, а потом долгие годы он, снабжал моего коллегу Владимира Хайта и меня материалами о его работах. И такими великолепными фотографиями с его построек, которым и сегодня может позавидовать любой коллекционер (к сожалению, эта коллекция не сохранилась). Кончилось все тем, что мы с моим товарищем «заболели» этой архитектурой и еще студентами начали писать книгу о творчестве Нимейера, которая вышла в 1963 году. Вышла только потому, что Нимейер получил международную Ленинскую премию за мир между народами, но и потому, что был коммунистом. Политические соображения в очередной раз взяли верх над идеологическими установками лидеров СССР в отношении литературы и искусства.

Дело даже не в том, что это была моя первая книга, а в том, что, благодаря Нимейеру и его коллегам нам открылся совсем иной мир культуры, мир за пределами спецхранов и вообще советской цензуры. Я благодарен этому человеку за то, что он своим творчеством заставил меня прочесть десятки книг, выучить начатки португальского языка, свел с интереснейшими людьми и вообще – вытащил меня из замкнутого мира идеологических установок того времени и «хрущевой» среды бетонных пятиэтажек, в частности.

06.12.2012

Ульрих Бек (15.05.1944 г. – 01.01.2015)

Ушел из жизни Ульрих Бек, выдающийся социальный философ и социолог, крупнейший теоретик в сфере глобализации и постиндустриального общества, экологического просвещения и многих других областях социологии и смежных с ней наук. По моему мнению, такие фигуры, как З. Бауман, У. Бек и Э. Гидденс – лицо современной социологии развитого мира, со всеми его достижениями и противоречиями.

Бек создал концепцию общества риска, а позднее, в конце 1990-х гг., – глобального общества риска с акцентом на таких его социетальных характеристиках, как неконтролируемость, неопределенность и отсюда – трудность прогнозирования его динамики и социально-политических и экологических последствий. Бек совместно с Э. Гидденсом и С. Лэшем создали и развивали концепцию рефлексивной модернизации (reflexive modernity). Эта концепция, была по сути, одной из первых систематических

попыток создания междисциплинарной концепции глобальной социодинамики. Начиная с его первой книги «Общество риска. На пути к другому модерну» (немецкое издание 1986, англ. издание 1992, русское издание М., «Прогресс-Традиция», 2000), экологические проблемы всегда были в центре внимания Бека. Как отмечал в Послесловии к русскому изданию А.Ф. Филиппов, «"Общество риска" – в точном смысле этого слова *эпохальная* книга. Труд Ульриха Бека принадлежит к тем важным сочинениям, которые задали (по меньшей мере, в европейской науке) *новый тон* социологического рассуждения» (с. 367). И я сказал бы, в равной мере мышления социально-политического.

Потому что эта и все последующие работы Бека были написаны в жанре социального и политического активизма. Бека всегда интересовал вопрос: кто же те акторы (агенты, субъекты социального действия), которые создают критические социетальные ситуации и, одновременно, кто те, кто препятствует их возникновению и их разрешает. Поэтому одним из принципиальных моментов концепции «Общества риска» является моральное право простых людей на сопротивление давлению этого общества, на социальный протест.

Позже исследователи творчества Бека по-своему расставят акценты, но, по моему мнению, с годами он все более чувствовал остроту проблемы «общество – природа». Собственно говоря, эти проблемы всегда были в центре его внимания. В последние годы жизни Бек инициировал и был лидером международного исследовательского проекта по изучению «методологического космополитизма», в центре которого были именно социальные и политические проблемы изменения климата (The Cosmo-Climate Research Project). К сожалению, Бек руководил им всего полтора года из отведенных на проект пяти лет.

Бек всегда был открыт и доброжелателен к людям, безразлично к теоретикам, политикам или к простым гражданам. Мне посчастливилось изредка лично общаться с ним, иногда переписываться, но эти краткие контакты дали мне очень много как исследователю и человеку.

03.02.2015

Мирский Георгий Ильич (27.05.1926 – 27.01.2016)

Ушел из жизни выдающийся востоковед-арабист, социолог и политолог, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник человек Института мировой экономики и международных отношений РАН. Это был человек, умевший соединять научный анализ и публицистику. Ушел в возрасте почти 90 лет, когда большинство из нас, старших, подводит итоги, а он не только исследовал настоящее, но и пытался заглянуть в будущее столь сложного и многогранного региона мира, как Ближний Восток.

Хотел написать, что Георгий Ильич по своему возрасту и интеллектуальному потенциалу принадлежал к поколению старой русской интеллигенции. Однако он начал свою трудовую биографию с 15 лет, работая санитаром в военном госпитале, был на трудовом фронте (большинство наших молодых социологов не знает, что это такое). А также он работал помощником газосварщика, был шофером. Тем не менее этот человек не сломался, а стал одним из ведущих востоковедов СССР/РФ. Он знал пять иностранных языков, был как ученым, так и преподавателем, читал лекции во многих университетах мира.

Когда в последние годы Ближний Восток стал для нас снова очень близким, огромная радио-аудитория РФ прислушивалась к мнению Георгия Ильича, обладавшего в свои почти 90 лет не только ясным аналитическим умом, но и способностью столь же ясно и понятно аргументировать свою точку зрения для непрофессиональной аудитории. Несмотря на тяжелую болезнь, он изучал и объяснял

этой аудитории, что же происходит на Ближнем Востоке. «Кто ясно мыслит, тот ясно излагает» – эта максима в полной мере относится к трудам и выступлениям Георгия Ильича.

Я не знал Георгия Ильича лично, но странным образом наши пути иногда пересекались. А в последние годы я старался читать все то, что он писал, и слушать его выступления по радио. И вообще – все более пристально приглядываться к методам научного анализа, которые практикуют востоковеды. Судите сами, могли ли эти исследователи проводить полевые социологические или политологические исследования? Конечно, нет. Что же им оставалось? А оставалось множество других важных источников информации, помимо массовых опросов общественного мнения.

И, в первую очередь, это *знание истории данного региона*, его этических, конфессиональных, политических и других особенностей. Как сказал недавно ушедший из жизни немецкий социолог У. Бек, «история возвращается». Может быть, под маской нового, но возвращается. Может быть, в обличье новых идей или массовых миграционных потоков, но «возвращается»! Во-вторых, это умение работать с вторичными источниками и, в первую очередь, с материалами, продуцируемыми средствами массовой информации. В своих выступлениях Мирский не раз замечал: «как я сегодня прочел в американских газетах...». Или в английских, немецких и т.д. Вот в таком «чтении» – сила научного анализа. Не помню уже где, я читал, что разведслужбы всего мира широко пользуются открытой информацией. Только вот читать её надо уметь. В-третьих, это – личный опыт, включенного наблюдения или просто наблюдения, причем как в самих «горячих точках», так и вдали от них, там, где находится глобальная геополитическая кухня. Вот почему так важны командировки в зарубежные университеты и архивы.

В-четвертых, это были личное общение и интуиция, приводящие к «догадкам». Сегодня мы продолжаем болеть занесенными с Запада методологическими «инфекциями», то вводя или отменяя ЕГЭ, то выдвигая на первый план «компетенцию», то «протокол». Но если снова обратиться к опыту великих русских ученых, то будет видно, сколь существенными были в их повседневном труде «догадка» и интуиция. Мы уже стали такими рационалистами, что практически забыли об этих инструментах научного познания. И, наконец, пятое, интегрирующее все предыдущие пункты. Это навыки междисциплинарного подхода. Если вы возьмете наугад несколько статей Г.И. Мирского и посмотрите на них именно с этой точки зрения, то увидите, что навыками междисциплинарного анализа, умением сопоставлять и соединять несоединимое, Георгий Ильич владел в совершенстве. Светлая память Г.И. Мирскому, и давайте будем поменьше замыкаться в наших узких дисциплинарных рамках.

27.01.2016

Зигмунт Бауман (19.11.1925 – 09.01.2017)

Ушел из жизни крупнейший ученый, социолог мирового уровня, наиболее близкий, по моему мнению, менталитету большинству российских социологов. Недаром его книги и статьи переводились на русский язык, изучались и комментировались чаще других западных социологов из первой десятки. По моему представлению, Бауман был представителем старой (энциклопедической) школы в мировой социологии, с равным профессионализмом и доступностью исследовавший самые разные процессы и проблемы современности.

Однако у Баумана была некоторая центральная тема его интереса: современное общество в процессе его глобализации и проблема индивида, личности в нем, одновременно как ее агента и зависимой от нее фигуры в самых разных аспектах: ее формирования, семьи, местного сообщества, проблем современного образования,

непрерывного обучения и многих других. Одной из первых переведенных на русский язык книг Баумана на тему современной ситуации в мире была его работа «Глобализация и индивид», изданная более полутора десятка лет назад. Если бы наши специалисты в области социализации детей и взрослых внимательно вчитались в размышления Баумана по поводу неизбежных перемен в системе воспитания и образования, мы бы, как минимум, не испытывали перманентной перетряски принципов российского среднего и высшего образования.

А центральная, «сквозная» идея многих работ Баумана была, в общем, проста: коль современное общество находится в процессе непрерывного изменения, значит, и его институты первичной и последующей социализации индивида, включая семью, местное сообщество и специализирующиеся на образовании и обучении, должны находиться в процессе непрерывных перемен. Отсюда и интерес Баумана к вопросам «вторичного» и «третичного» обучения (непрерывного образования), к роли обучающих практик гражданского общества и т.д.

Бауман написал шесть или семь монографий по проблемам непрерывно изменяющегося современного общества или, как он его называл, «текучей современности» (*liquid modernity*), включая само общество и различные его институты и стороны. Но Бауман был не чужд и изучению его противоречий. Он неоднократно подчеркивал, что одни его члены сверхмобильны (его излюбленный образ преуспевающего индивида как человека «в легких тапочках и с мобильником в руке»), тогда как другие обречены на пожизненную привязанность к жизни в одном городе или поселке. Более того, Бауман считал это неравенство проявлением глобального социального неравенства современного общества и источником его противоречий и конфликтов.

Бауман в отличие от многих своих коллег по социологическому цеху никогда не боялся рассуждать о проблемах «текучей современности» в терминах острых социальных противоречий, классовой структуры и классовой борьбы и т.д. Его перу принадлежит, пожалуй, единственная в своем роде работа по проблемам тотальной социальной «эксклюзии», когда общество вообще перестает нуждаться в своих гражданах, в их знаниях и умениях. Эта его работа 2004 г. так и называется «мусорные люди», или, по привычной для старшего поколения терминологии, отверженные (“*The Wasted Lives. Modernity and its Outcasts.*” Malden, MA: Blackwell Publishing Inc., 140 pp.). Бауман полагал, что проблема «отверженных» является ключом для понимания социальных проблем самого разного масштаба, от глобальных до сугубо личностных проблем и конфликтов.

Но сегодня, на мой взгляд, наиболее актуальной является последняя работа, изданная уже после его смерти) работа, анализировавшая европейский кризис 2011-2016 гг. Она называется «Хроника кризиса: 2011-2016 гг.». (*A Chronicle of Crisis: 2011-2016.* London, UK: Social Europe Edition, 163 pp.). В ней Бауман, опираясь на идею А. Грамши о «промежуточном обществе» (*interregnum*), показал, что это состояние «между» является особым состоянием любой социальной системы в процессе ее развития. Оно характерно тем, что сложившиеся структуры и институты уже не работают, а новые только находятся в процессе разработки или тестирования. То есть возникает, своего рода, «смутное время», но не в одной стране, а в огромном конгломерате стран, именуемом Европейским Союзом, но возможно и в мире в целом.

Ход времен неумолим, и мировая социология теряет своих наиболее глубоких и ярких мыслителей: У. Бек, Д. Урри и вот теперь – З. Бауман. Кто придет им на смену?

10.01.2017

Рыжов Юрий Алексеевич (29.10.1930 – 29.07.2017)

Ушел из жизни акад. РАН Ю.А. Рыжов, ученый, дипломат, общественный и политический деятель, доктор технических наук, Чрезвычайный и полномочный посол, экс-посол РФ во Франции, всю жизнь отстаивавший интересы науки и отдельных ученых. Акад. Рыжов был одним из немногих, кто продолжал отстаивать значимость движения ученых мира за мир во всем мире. Речь идет о «Пагуошском движении», основанном в середине 1950-х гг. Я практически не был знаком с акад. Рыжовым, виделся всего один раз, да и то мельком. Но эта встреча с ним и его немедленная помощь спасла мне жизнь в прямом смысле слова.

Дело было в Париже, осенью 1992 г., где была очередная научная конференция, после которой по приглашению французской стороны я должен был остаться и прочитать несколько лекций по истории русского и советского экологического движения.

Однако случилось непредвиденное – у меня начался абсцесс с высокой температурой, лицо распухло и т.д. Я бросился к французскому организатору и куратору моего визита, но, как оказалось, страховки у меня нет, хотя моя поездка, как это обычно бывало, готовилась долгое время. Каково же было мое удивление, когда человек ответственный за мой визит с той стороны, сказал, что мое свидетельство о рождении, видите ли, не отсканировалось! Я бросился в Министерство иностранных дел Франции, но там сказали, что заявления принимаются только на французском языке. Тогда я обратился к всемирно известному проф. А. Турэну, куратору нашего совместного проекта по новым социальным движениям в России. Он (какой стыд!) ходил со мной и в полицию, и в префектуру, но французская бюрократия была неумолима: сделать ничего нельзя. «Нельзя» – это значило ни лечиться там, ни выехать в Москву, то есть полный тупик.

И тогда я пошел в Посольство РФ во Франции. Тех, кто не был в этом здании-крепости, уверяю, что войти туда было очень непросто. Однако Юрий Алексеевич принял меня немедленно, отдал какие-то распоряжения, и уже через час-полтора я был в самолете, летевшем в Москву, а еще через несколько часов меня прооперировали в специальной больнице.

Я по гроб жизни буду признателен Ю.А. Рыжову, подарившему мне еще годы работы и жизни! Предвижу также, что в скором времени придется реанимировать Пагуошское движение. Сегодня политически действенным инструментом является не только «уличный коллективизм», но и объединение ученых, ответственных за то, что они перестали контролировать дальнейшую судьбу своих открытий и технических инноваций.

01.08.2017

Яблоков Алексей Владимирович (03.10.1933 – 10.01.2017)

На 84-м году жизни ушел из жизни выдающийся ученый мирового уровня, защитник природы и политик Алексей Владимирович Яблоков. Член-корреспондент РАН, доктор биологических наук, профессор. Поскольку я имел счастье встречаться с ним, писать о нем, а иногда и совместно работать, я не буду, как это принято, обозревать его путь как ученого и публичного политика. Последний раз я виделся с ним на российско-финском семинаре по истории российского природоохранного движения. Докладчиками были он, проф. В.И. Данилов-Данильян, И. Блоков (Гринприс-Россия) и ваш покорный слуга. Мы тогда решили, что нужно издать наши экологические архивы, я взялся за это дело, но потерпел поражение. Никакие фонды не хотели спонсировать такую работу и т.д. Поэтому все нижесказанное – это мои личные впечатления и оценки.

Поскольку в силу семейных обстоятельств я хорошо знал академическую жизнь изнутри и в годы советской власти, и после нее, то могу сказать, что такому талантливому ученому, известному на мировой арене как Яблоков, сидеть бы и ждать, когда через несколько лет он станет академиком. Ведь еще несколько лет назад быть академиком значило иметь почти все: интересную работу, свой институт или лабораторию, и быть обеспеченным всеми материальными благами. А также – выезжать за границу, работать по международным программам, встречаться с очень широким кругом специалистов и т.д. и т.п.

Но Яблоков выбрал иной путь: он стал публичным политиком от экологии, причем политиком национального и международного уровня. Он сознательно оставил карьеру ученого (во всяком случае, свел свою научную работу зоолога к минимуму) и вступил на зыбкую почву политической борьбы в защиту природы. Конечно, история науки России знает такие примеры. Достаточно вспомнить акад. В.И. Вернадского, бывшего в досоветские времена земским гласным Моршанского уезда Тамбовской губернии, а потом членом ЦК кадетской партии. Соединение научной работы и гражданского долга было характерно для многих выдающихся лиц русской науки: от выдающегося хирурга Н.И. Пирогова до Нобелевских лауреатов, физиков акад. П.Л. Капицы и В.Л. Гинзбурга. Были и другие, менее известные примеры, когда академики просто ежедневно помогали сотням бедных и обездоленных людей, вступались за репрессированных, подписывали письма протеста. Путей гражданской активности в действительности очень много и сейчас, было бы желание и чувство ответственности.

А откуда берется это чувство? Прежде всего, оно исподволь воспитывается в семье, в кругу её друзей и единомышленников, и здесь Яблоков не исключение. Затем он был председателем КЮБЗа, Клуба юных биологов Московского зоопарка. Потом возглавлял Молодежную секцию Всероссийского общества охраны природы. И он был не единственным на этом пути. Так что некоторые мои уважаемые коллеги неправы, когда не придают значения факту ранней гражданской социализации. Все мои респонденты из Российского экологического движения, которое я изучал в течение более 40 лет, прошли такую школу или в кружках по месту жительства, при школах и домах пионеров. Потом стали членами общесоюзного, а потом российского, Студенческого движения охраны природы, которое существовало с начала 1960-х гг. А затем сохранили себя как профессионалы и как личности.

Именно в ходе такой научной работы, соединенной с гражданской активностью, сформировались десятки молодых специалистов, сочетавших в своей деятельности два основополагающих принципа успешной деятельности: проблемно-ориентированный и междисциплинарный подходы. И Алексей Владимирович неоднократно блестяще демонстрировал эту способность на самых разных российских и международных публичных площадках. Ведь одно дело кабинетная работа над очередным проектом реорганизации дела охраны природы в РФ, и совсем другое – участие в очередной массовой кампании в защиту природы.

Яблоков был скуп на похвалы, иногда его считали слишком резким, «колючим». Но те, кто постоянно борется в защиту природы, знали цену его похвал. Когда в 1989 г. вышла книга американского историка Д. Вайнера, десять лет изучавшего историю охраны природы в России, Яблоков сказал: «Из этой книги мы узнали больше, чем знаем мы все вместе взятые». И это была высшая оценка.

Яблоков был признанным авторитетом в области российской и международной экологической политики, сочетая в себе качества ученого, политика и гражданского активиста. В своей последней работе, написанной совместно с коллегами-биологами («Очерки биосферологии». СПб: Свое издательство, 2018 г.), он поставил вопрос об управляемой эволюции биосферы. При всей спорности применения этого

политического инструмента к эволюционному процессу, утверждение Яблокова и его коллег, что глобальный кризис характеризуется чрезвычайно быстрой деградацией жизнеобеспечивающих механизмов биосферы, представляется мне бесспорным.

14.02.2017

Гинзбург Виталий Лазаревич (04.10.1916 – 08.11.2009)

Ушел из жизни крупнейший российский ученый-физик, акад. РАН Виталий Лазаревич Гинзбург. Нобелевский лауреат, ученый, удостоенный многих других правительственных и международных премий и наград. Имеет ли этот уход какое-то отношение к нам, социологам? Ведь он был физиком: это другая наука, другие принципы.

Да наука другая, а вот этические принципы, отношение к своему делу, к людям и обществу – общие. Я имею в виду то, что в нашей терминологии именуется этосом ученого (понятие, введенное Р. Мертоном). Постараюсь подтвердить этот тезис не только своими личными впечатлениями – мне посчастливилось общаться с этим удивительным человеком в 1980-х гг., – но прежде всего фактами его биографии.

Прежде всего, Гинзбург был не только выдающимся ученым нашей страны, но и гражданином. Будучи физиком-теоретиком, он реально работал на укрепление её обороноспособности и сохранение мира. Некоторым «сохранение мира» сегодня кажется чем-то устарелым, относящимся к прошлой эпохе. Сомневаюсь и весьма! Место глобальных войн заняли множество региональных и местных войн и конфликтов, чаще всего «замороженных»; само понятие войны трансформировалось, но от этого войны не стали более «мирными». Интересуемся ли мы, социологи, сохранением мира? Или считаем, что на это есть дипломаты и военные? А ведь современные газовые, рыбные, равно как и «гуманные», то есть точечные, войны суть остроконфликтные формы социальных отношений.

Но в гражданственности этого человека была и другая, не менее сильная сторона: он резко, с отчаянным упорством боролся против самых разных, в том числе клерикальных, форм лженауки, против шарлатанства и всего того, что не может быть подтверждено научным экспериментом, верифицировано опытом. Компьютеризация и гуманизация общества – не одно и то же. Вернуться в пещеры, говорил он, можно и с карманными компьютерами. Наука, по Гинзбургу, была борьбой за истину.

В науке акад. Гинзбург, вслед за Ч. Дарвиным, Г. Спенсером, И. Павловым, В. Вернадским и многими другими, в течение десятков лет был приверженцем одной фундаментальной проблемы. Нет, конечно, были и её ответвления, и прямые «задания сверху», но всегда существовала и продолжалась его любимая магистральная тема. Можем ли мы это сказать о себе? Мне возразят: мир стал столь текучим («текущая модернити», по З. Бауману), что социологу приходится все время перестраиваться. Верно. Но тот, кто знаком с историей отечественной науки, знает, какая бешеная гонка была тогда, в 1930-50-80-х гг. Одинаково плохо быть прикованным всю жизнь к одному месту работы и жить «короткими перебежками», от дверей одного учебного заведения к другому.

Возразят и по-другому: так то же физика, там каждый год открывали что-то новое! А что в нашей науке, если только ученый окончательно не оуклился в кругу любимых теорий и стереотипных лекционных курсов. Разве глобальный мир, в котором мы уже давно живем, что еще раз показал текущий кризис, когда любой чих на американской бирже или просто цифра месячного колебания безработицы в США, обваливает наши фондовые рынки, не несет нам каждый новый день что-то новое, непредсказуемое, рискованное?

И вот тут я перехожу к третьему удивительному свойству акад. Гинзбурга: его семинару, в котором за 50 лет прошло более 1700 заседаний, и всегда при полном зале!

Мы часто горюем, что у нас не сложились научные школы. Да, это так. То, что иные мои коллеги называют школой ленинградской или новосибирской, это все же не школы, а скорее различия, обусловленные местом и временем. Школа – это, прежде всего лидер, вокруг которого группируется, нарастает дискуссионный, а потом и научный коллектив, живущий долго во *времени*. Академики Тамм, Ландау, Гинзбург и ученые их масштаба на своих семинарах и дискуссиях собирали *критическую массу мыслителей*, откуда потом постепенно вырастали принципы и подходы научного анализа и этика самих исследователей. Эпистемологию, как показал Мертон еще в 1940-гг., невозможно просто сконструировать, она тоже рождается эмпирически и только потом оформляется как система научных правил и этических норм.

Несомненно, 1700 заседаний семинара, которыми бесценно руководил Гинзбург, сегодня в нашей среде и представить невозможно. Но все же примеры были. Был студенческий семинар в Историко-архивном институте, которым руководил в течение полувека акад. РАО, проф. С.О. Шмидт. Были знаменитые 47 пятниц Б.А. Грушина, которые и до сих пор являются непревзойденным примером. А ведь это был семинар только по одному проекту! Наконец, был в 1980-х гг. Гуманитарный семинар при Президиуме АН СССР.

Кстати, об Академии. Гинзбург мыслил её как организацию *гражданского общества*, где принципиальную, если не центральную, роль играет независимая научная экспертиза. В перестройку эту идею поддерживали, если мне не изменяет память, В. Шейнис, А. Фурсов и другие уважаемые гуманитарии. Хотя АН СССР была государственным учреждением, в её структуре активно действовали многочисленные научные Советы и временные комиссии, бывшие фактически ячейками гражданского общества. Это были организации «перекрестного опыления», преодолевавшие дисциплинарные размежевания внутри науки. И семинар Гинзбурга, несомненно, был лидером среди них. Где они сейчас? Далее, во всем мире (а у нас только в нескольких теоретических журналах естественнонаучного профиля) высокий уровень научного сообщества, независимо от отрасли знания, поддерживается жесткой независимой экспертизой статей (т.н., peer reviewers), поскольку эти публикации являются, помимо всего прочего, основанием для закрепления приоритета идей и концепций их авторов. Знаю по собственному опыту, сколь трудно прохождение этого экспертного скрининга.

Еще одно соображение по поводу семинара как научного института. Или обучающего? Гинзбург, да и не только он, доказали, что обучать научному ремеслу можно и в стенах высоко ученого заведения. Я ничуть не собираюсь противопоставлять НИИ и вуз. Дело тут в другом. При огромной нагрузке студентов и принципиальном различии в «упаковке» знаний в процессах дидактического обучения, даже по канонам Болонской системы (у студента все равно вырабатывается алгоритм: «выучил–сдал–забыл»), и проблемно-ориентированного накопления знаний и мышления в процессе работы над исследовательским проектом, этот разрыв трудно преодолимым.

Гинзбург был гражданином, для которого судьба РАН и науки в целом были его непосредственным делом, личной заботой. Он не стеснялся писать письма Президенту Российской Федерации, другим высоким государственным деятелям. Приведу цитату из его последнего интервью: «Чиновники в России любую идею загонят в гроб. Вот четыре условия, которые необходимы для нормальной научной работы: зарплата, оборудование, жилье и быстрота» (Известия, 10.11. 2009. С. 4). Не странно ли: быстрота? – Нет, ничуть. Мы могли бы работать именно гораздо быстрее, зная, что средства по гранту можно тратить уже в феврале (а не в сентябре, когда полевой сезон практически закончился!), не ждать тендеров на расходные материалы, иметь возможность маневрировать даже теми мизерными суммами, которые мы получаем и т.д. и т.п.

Но может быть, еще более важно, что Гинзбург думал о судьбе своей науки после его окончательного ухода. В 2001 г., незадолго перед тем, как он ушел с поста руководителя семинара, он выпустил препринт «Недодуманное, недоделанное» (Новая Газета, 10.11.2009. С. 16). Это были вопросы и ко всем нам: каков итог нашей работы (что мы оставляем после себя), и что мы недодумали, недоделали?

Чисто человеческие качества Гинзбурга, были не менее высоки, чем профессиональные. Он был прост и абсолютно доступен для всякого, кто был готов сформулировать свою идею, мысль, мнение. Его энциклопедические знания сочетались с простотой мысли и открытостью собеседнику. Когда-то по наивности, я спросил другого уважаемого ученого – математика акад. В.И. Смирнова: «Вы, наверное, много пишете за письменным столом?» Каково же было мое удивление услышать: «Нет, и завтра, и послезавтра я буду сидеть в библиотеке и читать труды Эйлера». Совсем не случайно их старший коллега, акад. В.И. Вернадский, не только считал для себя необходимым изучать историю науки, но про тех своих старших коллег, кто ушел в мир иной, он писал не некрологи, а критические обзоры их научных достижений. Еще более интересно, что параллельно Вернадский писал хроники своего времени, надеясь написать социальную историю России и СССР за 100 лет. Напомню еще раз, что наш выдающийся социолог Ю.Н. Давыдов говорил: «История социологии и есть социология».

Последнее. По моему глубокому убеждению, только личности, подобные акад. Гинзбургу, которые одержимы жаждой познания и просвещения, «тянут» за собой и воз науки, и коллег, и студентов, и общественное мнение. Их сегодня в России осталось очень немного, этих выдающихся людей, которые к тому же часто вынуждены идти против течения. «Человеком быть трудно», говорил Гинзбург. Альтернатива, предложенная научному сообществу З. Бауманом, – или «башня из слоновой кости» или «все на продажу» – продолжает быть актуальной. Однако Гинзбург всей своей жизнью опровергал её. «Новая Газета» о нем написала: «Он был великим гражданином России. Но не сегодняшней, не вчерашней – завтрашней». Не могу с этим согласиться: он был человеком на все времена. Именно такие люди, как Виталий Лазаревич Гинзбург, – истинные инициаторы перемен, модернизаторы, если угодно, причем далеко не только в физике. Так давайте же будем прислушиваться к ним, хотя бы иногда.

11.11.2009

Петр Леонидович Капица (26.06.1894 – 08.04.1984) и его сыновья, Сергей Петрович и Андрей Петрович

С Капицей-старшим я познакомился еще в отроческом возрасте в середине 1950-х гг., когда он изредка приходил в гости на дачу к своему коллеге и другу Алексею Георгиевичу Калашникову, что на Николиной Горе. Мои родители и я часто бывали в этом гостеприимном доме, тем более что жена Калашникова, Антонина Зеноновна, и моя мама были врачами и подругами.

Конечно, в том возрасте, как и много позже, я ничего не понимал в теоретической физике, хотя в старших классах средней школы № 59 г. Москвы у нас был замечательный учитель физики, Сергей Макарович Алексеев. Но Капица-старший так интересно и увлекательно говорил о своей работе и о положении в мире, что все сидящие за круглым столом в большой столовой слушали его, затаив дыхание. Петр Леонидович никогда не «изрекал» – он просто говорил сам и умел слушать в других.

У Петра Леонидовича было еще одно редкое свойство: он сочетал в себе качества физика-теоретика и экспериментатора, который умел не только придумать некоторый прибор для проверки своей научной догадки, но и сконструировать его собственноручно. Позже в одной из своих книг он так и написал, что экспериментатор

часто важнее теоретика. Для меня – это та же проблема междисциплинарного синтеза: как соединить не соединимое в одном техническом изделии или приборе.

Академик, Лауреат Нобелевской премии, дважды Герой социалистического труда, дважды Лауреат Сталинской премии Петр Леонидович Капица, основатель Института физических проблем АН СССР и со-основатель Физико-технического института был настолько знаменит, что пересказывать его биографию не имеет смысла – проще заглянуть в Википедию. Но для меня, подростка, тогда, как и многих других моих сверстников, увлекавшихся техникой, было чрезвычайно интересно и поучительно именно это сочетание теоретика и экспериментатора в одном человеке. Тем более что в школе нас этому систематически не учили.

Но помимо его популярных книг, которые я старался не пропустить, Петр Леонидович очень помог мне в минуту жизни трудную, хотя и помог косвенно, возможно сам того не зная. В начале 1960-х гг. я с коллегами написал первую в СССР монографию по социологии города. И по глупости отнес её в Стройиздат, где недавно вышла монография об Оскаре Нимейере. Как скоро выяснилось, Г.А. Градов, мой бывший директор, написал на нее разгромную рецензию. Но мы были уже научены жизнью и решили бороться за свое детище до конца, и пошли в суд. Не помню уже по чьей рекомендации, нам рекомендовали адвоката, который легко выиграл дело. Книга не была издана, но 100% гонорара мы получили. И уже после решения суда я узнал, что этот адвокат помогал Петру Леонидовичу получить свой гонорар за научно-технические разработки – ведь он продолжал оставаться блестящим изобретателем.

Оказывается, была какая-то ведомственная инструкция, ограничивающая подобные гонорары определенной суммой, кажется, двумястами тысячами рублей. А П.Л. Капица зарабатывал тогда в 5 раз больше! Тот же адвокат помог Петру Леонидовичу получить всю сумму, и он тут же передал ее на благотворительные цели.

Сергея Петровича Капицу (14.02.1924 – 08.11.2012) я знал только заочно, по телепередачам как блестящего популяризатора науки. Люди моего возраста помнят, сколь интересна и познавательно ценна была его программа «Очевидное – невероятное». То, что мы видим сегодня, это лишь её бледная тень. Сергей Петрович был также физиком, доктором физико-математических наук, профессором, главным редактором журнала «В мире науки», вице-президентом Российской академии естественных наук. Страшный XX век одновременно был веком не только научно-технического прогресса, но и веком Просвещения – такова диалектика исторического процесса.

С Андреем Петровичем Капицей (09.07.1931 – 02.04.2009) я был знаком лично с первых послевоенных лет, но настоящее знакомство, чрезвычайно важное для меня, состоялось уже тогда, когда Андрей Петрович уже не мог работать в полную силу. Андрей Петрович был, прежде всего, знаменит своим четырьмя экспедициями АН СССР в Антарктику и открытием подледного озера «Восток» в Антарктиде. Были и другие экспедиции. А.П. Капица был членом-корреспондентом АН СССР и РАН, профессором и заведующим кафедрой в МГУ им. М.В. Ломоносова.

Для меня, выросшего в семейной атмосфере всеобщего интереса к Северному полюсу и Северному ледовитому океану, встреча с Андреем Петровичем была продолжением этой атмосферы. Встречаясь несколько раз с ним в «Узком», мы говорили о причинах падения общественного интереса к этой проблематике. Но не прошло и 10 лет как Северный ледовитый океан, морской путь через него из Европы и Америки в Азию, а также природные богатства шельфа этого океана снова вышли не первые строчки глобальной геополитики.

Но, как всегда, моя родная социология не спешит заниматься социальными проблемами, порождаемыми борьбой за эти природные и геополитические ресурсы. Довлеет старая методика сбора информации: большой город, средний, малый и т.д. Как

будто нет людей на нефтяных платформах, в городах-сообществах, специально сконструированных для этих критических природно-климатических условий, как и нет вахтового образа жизни тысяч россиян вообще.

Арон Яковлевич Гуревич (12.05.1924 – 05.08.2006)

С профессором Гуревичем, нашим выдающимся медиевистом, я познакомился сначала через его книги («Категории средневековой культуры» и др.), а уже потом – лично, в Ленинской библиотеке. Стоя у знаменитой балюстрады вокруг парадной лестницы, мы периодически обсуждали проблему: что есть социология. Гуревич весьма нелестно отзывался о социологах за их, как он выражался, «птичий язык». Но все же постепенно общий язык был найден, и состоялось несколько поучительных для меня бесед о связи социологии и исторической науки. К тому времени я уже прочел «Апологию истории» Р. Блока и другие работы, посвященные работе французской Школы Анналов. К сожалению, со временем наши встречи становились все реже. Как я узнал много позже, свою знаменитую книгу («История историка», М.: РОССПЭН, 2004) Гуревич сначала изложил устно, а потом наговорил на диктофон, что свидетельствовало о его исключительной памяти и недюжинном интеллекте.

А.Я. Гуревич – историк-медиевист, культуролог, доктор исторических наук, профессор, Лауреат государственной премии в области науки, автор более 500 научных трудов, включая несколько коллективных монографий, автор или соавтор множества школьных и вузовских учебников по истории. Гуревич имел высокий международный статус, он был избран членом многих международных академий, ассоциаций и союзов. Однако его жизнь была далеко не безоблачной. В годы Великой отечественной войны он работал на военном заводе, позже уже как ученый не раз подвергался гонениям со стороны своих советских оппонентов.

Гуревич достаточно подробно изложил историю своей профессиональной жизни в биографической книге «Истории историка», поэтому обращу внимание читателя на его принципы и подходы к работе как ученого и популяризатора науки. Гуревич, проработав в 1960-х гг. некоторое время в Институте философии АН СССР, заключил, что большинство из его старших и именитых коллег – верхогляды, так как, по его мнению, их философствования никак не соотносились с конкретным историческим материалом. Его главным «козырем» в научных дебатах были источники. Поскольку мой отец, Н.Ф. Яницкий, был историком Руси XVI века, я с детства усвоил огромную роль первоисточников и, прежде всего, архивных материалов. Борьба была настолько острой, что, как вспоминал Гуревич, на защите его докторской диссертации был пять оппонентов!

Моя докторская защита тоже шла не гладко, но на защите моей кандидатской диссертации случился уникальный казус: за 15 мин. до начала защиты, когда Ученый Совет был уже в сборе, его секретарь (шепотом) сообщил мнение председателя Совета. Он сказал, что «такой темы не может быть никогда!». 15 мин. общего шока, и тот же секретарь сообщил, что председателя Совета срочно вызвали в ЦК КПСС, и все прошло благополучно. Но вернусь к мыслям и заветам Гуревича.

Арон Яковлевич, призывая к знанию исторической конкретики, одновременно считал необходимым искать и обнаруживать «общий субстрат» исторического процесса. Гуревич всегда подчеркивал значимость роли учителя в судьбе молодого ученого. Но, когда это необходимо (речь идет о времени, когда Гуревича обвиняли в ревизионизме и структурализме), «надо сопротивляться, надо показывать зубы». Опять вспоминаю собственную жизнь тех же 1960-х гг. Директор института, где я тогда работал, был сторонником «обобществления быта», а я был противником этой концепции. Тогда он обвинил меня в ревизионизме, но, как выяснилось позже, это был подлог, или, как теперь говорят, фейк.

Гуревич не раз подчеркивал значение персоналий. Он подчеркивал, что органическая связь человека и его творчества всегда существенна. Какова личность того, кто выражает свой взгляд на исторический процесс, пересматривая существующие точки зрения? Каков его характер? Способен ли этот человек сопротивляться давлению научного сообщества, выражающего противоположные взгляды? Особенно такая позиция очень важна в периоды «идеологической растерянности» и даже «душевной смуты», по определению Б.Л. Пастернака. Или именно того состояния «между» (*interregnum*), о котором писали А. Грамши и З. Бауман. И снова: Гуревич призывает вдумываться в содержание сознания людей конкретной исторической эпохи.

Этот ученый понимал, что его новаторские идеи будут отвергнуты старшим поколением историков. Поэтому, говорил он, надо обращаться к молодым, к студентам, аспирантам, начинающим ученым. Надо выступать в самых разных научных средах: философов, социологов, психологов, а также в институтах естественнонаучного профиля. Например, после выступления в Институте белка в Пушкине Гуревич понял, что гораздо больший интерес и отдачу он может получить от специалистов, находящихся на периферии исторического знания, нежели от коллег историков-медиевистов. Но для такого отзыва, подчеркивал он, надо очень много читать на разных языках. Думаю, во многом, поэтому книга Гуревича «Категории средневековой культуры» вышла на 15 языках.

Гуревич сетовал, что он не создал научной школы, утверждая, что ученый без учеников – это нечто ненормальное. Но если их нет, то необходим «микроклуб» из 3-5 единомышленников, и он должен существовать так долго, сколько живы его участники. Однако, возможно ли создание идеального типа личности в наш переходный век, вот ключевой вопрос. Гуревич завершает свою книгу «История историка» двумя напутствиями следующему поколению: необходимо сохранить память о потрясениях, пережитых нашей наукой и её носителями, и передать свой жизненный опыт новым поколениям историков. Думаю, к этим советам надо прислушаться. Боюсь только, что в наш электронный век этот поучительный опыт немногих утонет в массе информационного шума.

05.12.2006

Кон Игорь Семенович (21.05.1928 – 27.04.2011)

Кон был специалистом во многих областях: социологии личности, социальной антропологии, сексопатологии и методологом в сфере общественных наук, особенно когда они соприкасаются или с естественными науками и медициной или заимствуют их результаты.

Как и с А.Я. Гуревичем я познакомился с Коном сначала через его книгу «Социология личности» (М.: Политиздат, 1967 г.), но скоро и лично на каком-то семинаре или конференции, сейчас уже точно не вспомню. Однако Кон, живший долгое время в Ленинграде, не всегда был доступен, особенно в 1960-е гг. – время становления советской социологии. Кон сам говорил, что он – не публичный человек, что в его жизни мало «внешних событий». Но что меня с самого начала привлекало в этом человеке, это его многознание, междисциплинарный подход. Будучи сам таким по своей первой профессии – каким я мог быть архитектором, если не знал основ сопротивления материалов, строительной физики, прикладной медицины и еще полутора десятка специальностей, да еще не умея их свести воедино в предмете своего исследования или объекте конструирования? – я всегда интересовался многознайками и бывалыми людьми. Тем более что я вырос в среде «первопроходцев» и «первооткрывателей».

Однако Кон предупреждал: многие относятся к тем, кто практикует междисциплинарный подход, нейтрально, и если у них возникают проблемы, никто их защищать не будет. Барьеры между отраслями наук, особенно если это касается отношений между общественными и естественными науками, создают монодисциплинарную мораль и этику, которую лучше не переступать.

Но все же Кон был для меня авторитетом, который как минимум разрешал преодолевать междисциплинарные барьеры, тем более что современная медицина и многие другие отрасли знания-практики уже не могут работать без использования знаний из других наук. Это, в свою очередь, означало, что социальная реальность – и тем более многогранная – не сводится к дискурсивным практикам в рамках одной или даже нескольких общественных дисциплин. Отсюда – следующий шаг в направлении помещения индивида (личности) на пересечение локальных и глобальных практик, высокого и низкого, официального верха и смехового низа, по меткому замечанию культуролога М.М. Бахтина.

Приведу отрывок из автобиографической книги Кона «80 лет одиночества» (М.: Время, 2008). «Междисциплинарность, – писал Кон, – имеет и личностный аспект. Если твоя проблематика представляет широкий общественный интерес, это приносит популярность, но одновременно обрекает на интеллектуальное одиночество. Хотя тебя все вроде знают, ты везде более или менее остаешься посторонним. В трудные моменты никто не будет тебя защищать – не надо было лезть в чужие дела. С возрастом чувство посторонности генерализуется и усиливается. Даже если этот новый, незнакомый и быстро меняющийся мир тебя интересует..., ты уже не можешь рассчитывать на взаимность. Максимально – на вежливую терпимость: «говорят, что он когда-то что-то сделал...» (с. 392-393).

Но и без этого принципиально важного вклада в науку с Коном меня связывала еще одна тема: история семьи. Когда я принес ему первое издание своей «Семейной хроники» (2002 г.), он чрезвычайно заинтересовался, и мы с ним несколько раз обсуждали эту проблематику. Но все же центр научных интересов Кона лежал в другой плоскости, и поэтому наше межличностное общение, едва начавшись, прекратилось.

На последней странице цитированной книги Кон возлагает надежду на грядущую смену поколений. Он полагал, что поколение более образованной и самостоятельной молодежи не захочет возвращаться ни к тоталитарному, ни к домостроевскому прошлому. Возможно это так. Но сегодня происходят глобальные перемены, которые не зависят ни от уровня образования, ни от уже пройденных исторических этапов. Грядущие экологические и геополитические риски пока никто не может предсказать. А уже полученное образование с каждым днем теряет свою ценность, если его постоянно нее пополнять и т.д.

Поэтому я до сих пор не могу понять, почему в непрерывно изменяющихся условиях *российские социологи так мало уделяют внимания изучению изменяющейся личности*, ее предпочтений, устремлений и связей? Почему сегодня большая политика все явственней становится политикой отдельных личностей, а не международных институтов? Почему, наконец, так скупо изучается среда, порождающая подобных лидеров?

То же можно отнести и к нашей науке. О её лидерах можно скорее что-то сказать, если они награждаются званиями и премиями, нежели по тому вкладу, который они вносят в жизнь науки и гражданского общества. Телевизор забит информацией о международных событиях или встречах высоких персон, но о том, как сегодня живут и работают люди науки, мы практически ничего не знаем. А если долго не знаем, то и перестаем интересоваться ими.

Западные «охотники за головами» придают огромное значение изучению предшествующего жизненного пути (life-story) потенциального соискателя. Наши же

подобные «охотники», подчиняясь требованиям заказчика, стремятся найти таких молодых специалистов, которые уже показали себя в данной профессиональной сфере. А каков их социальный и профессиональный потенциал, кругозор, способность переключаться на другие проблемы, их интересуют мало.

И уж совсем ушли на задний план общественного интереса просветители и популяризаторы науки. Сейчас главное – это подготовить такого специалиста, чтобы он мог сразу включиться в работу корпорации, НИИ или СМИ. А эти институции редко подают заявки на многосторонне подготовленного молодого специалиста, потому что им надо решать конкретные проблемы здесь и сейчас. Какой уж тут междисциплинарный подход, о котором говорил Игорь Кон.

27.05.2011

Татьяна Ивановна Заславская (09.04.1927 – 23.09.2013)

Академик АН СССР/РАН и ВАСХНИЛ, социолог и экономист, общественный деятель, доктор экономических наук, профессор, Президент советской социологической ассоциации (1986-91), создатель и директор Всесоюзного центра изучения общественного мнения (ВЦИОМа), народный депутат СССР. В 1983 г. Заславская опубликовала концептуальный доклад «О совершенствовании социалистических производственных отношений и задачах экономической социологии», вызвавший широкий общественный резонанс в СССР и за рубежом. В США и ФРГ он был опубликован как «Новосибирский манифест». Этот доклад обозначил начало её политической карьеры и общественного деятеля всесоюзного масштаба. Позже Заславская была инициатором и руководителем многолетнего исследовательского проекта «Куда идет Россия?»

С Заславской я был знаком давно, но мельком. Дело в том, что я с начала 1960-х гг. я периодически приезжал в Академгородок под Новосибирском, но там меня интересовали исследования по бюджетам времени и возможность их применения для целей градостроительства. Мельком также потому, что Татьяна Ивановна вела полевые исследования села и специфики социально-экономических отношений там. Регулярно мы стали встречаться, когда Заславская вернулась в Москву, и я участвовал практически на всех ежегодных конференциях по проекту «Куда идет Россия?» и публиковался в его материалах.

Наибольшее сближение наших точек зрения и какое-то человеческое взаимопонимание произошло на финальной конференции по проекту, получившей название «Куда пришла Россия». Потом был 75-летний юбилей Татьяны Ивановны, когда, как и многие другие, я получил в подарок Третий том ее сочинений под названием «Моя жизнь: воспоминания и размышления» м.: «Экономика», 2007. А я ей подарил свою «Семейную хронику. 1852-2002». М. ТАУС, 2002. Наверное, нас с Татьяной Ивановной также сближало то обстоятельство, что её родители, и она сама жили в Киеве, где жили мои дед, бабушка и мой отец и мать.

Но у меня был и чисто профессиональный интерес к истории жизни и карьеры Татьяны Ивановны. Она, как и я, не сразу нашла ту сферу деятельности, которой хотела заниматься. И будучи экономистом по образованию и роду занятий, увидела необходимость соединения экономических и социологических подходов к предмету своего исследования. Тем более что часть своей жизни Татьяна Ивановна занималась проблемой советского села, а крестьянскую жизнь, в отличие от городской, разложить по отдельным моно-дисциплинарным полочкам просто невозможно.

В заключительной главе «Осмысление прожитой жизни» упомянутого выше Третьего тома её сочинений, Заславская написала: «Мне кажется, что главное в идее «Годов жизни» – это взгляд на свою жизнь как на некоторое целое, воссоздание ее общего смысла и логики, а не отдельных периодов и событий. Это анализ и самооценка

того, как удалось распорядиться главным божественным даром – жизнью, что в ней на самом деле было главным, а что вторичным, чем можно гордиться, а чего надо стыдиться» (Том 3, стр. 755). Я согласен с этой ее итоговой мыслью. Я согласен также с другой мыслью Татьяны Ивановны о том, что «пожизненная гонка» препятствует глубокому осмыслению истории своей семьи, родственников и друзей. Но также и собственной жизненной траектории. Тем более что никто не знает, когда она вдруг оборвется. Эта мысль о возвращении к себе представляется мне чрезвычайно важной.

С одним тезисом из этой книги можно было бы поспорить. Заславская называет годы Великой отечественной войны «катастрофой». Это так, но тогда, в еще большей степени, распад СССР и годы перестройки тоже надо трактовать как национальную катастрофу. Только в первом случае при всех человеческих и материальных потерях страна все же сохранилась, а во втором случае не только распалась на части, но и качественно изменила свой общественный строй и утратила статус великой державы.

Подводя десятилетние итоги проекта «Куда идет Россия?», Татьяна Ивановна утверждала, что он строился на «трех китах»: мульти-дисциплинарном подходе, фундаментальных долгосрочных исследованиях и медленном размышлении. Тогда 25 лет назад, это, несомненно, был научный прорыв и адекватный подход. Но сегодня общественная жизнь непрерывно ускоряется, обгоняя не только «медленное мышление», но и «быстрое мышление» вычислительных машин. А «мульти» уже не значит междисциплинарный. Сегодня впереди те, кто теоретически и практически овладел синтезом наук и быстрой практической реализацией их результатов.

Но это – общие задачи научного познания. А я благодарен Татьяне Ивановне, что на склоне лет она поставила нелегкую задачу: самостоятельно обдумать собственную жизнь, её семейные корни, продолжение своего рода и свой вклад в развитие общественной жизни.

26.09.2013

Румянцев Алексей Матвеевич (03.04.1905 – 01.12.1993)

Я познакомился с ним совершенно случайно. Я был в кабинете директора ИМРД АН СССР член-корр. Т.Т. Тимофеева, когда одновременно в него вошли акад. Румянцев и акад. Заславская. Как говорил мне Румянцев много позже в «Узком», ему запомнилось мое лицо. Как полагали Ю.А. Левада и В.А. Ядов, акад. Румянцев был воплощением партийного либерала. Видимо он считали, что коммунистическая идеология, членство в КПСС и либеральная ориентация не совместимы. Как оказалось очень скоро – они очень даже совместимы. Многие члены КПСС после развала СССР стали «либералами».

Но первоначально меня связало с акад. Румянцевым совсем другое дело. Придя в ИМРД в 1967 г., я почти сразу стал готовить международную конференцию «Урбанизация и рабочий класс в условиях научно-технической революции». Кто-то очень важный должен был сделать вступительный доклад, выбор остановился на акад. Румянцеве, тогда вице-президенте АН СССР по общественным наукам. Я подобрал группу наших сотрудников, и мы стали готовить текст этого доклада.

Международная конференция прошла отлично. В частности, из Англии был проф. Кентского университета Раймонд Пал, с которым я познакомился в Варне на VII конгрессе МСА. Мы стали готовить сборник для издания материалов конференции, и вдруг запись устного выступления Румянцева исчезла! Был большой переполох. Как потом оказалось, кто-то из технических сотрудников поставил на магнитный диск записи доклада Румянцева металлический предмет, злые языки говорили, что это был обыкновенный утюг, которым сотрудники кололи орехи.

Время шло, и ничего не оставалось, как писать вступительный доклад заново, благо черновые наброски остались. Наконец, восстановили, отпечатали и отправили

акад. Румянцеву на подпись. Вскороости он вернул завизированный текст, и мы приступили к подготовке издания, благо нам очень помог «Советский фонд мира». Сборник вышел в 1970 г. и все было хорошо, и я через год впервые поехал лечиться в Карловы Вары, видимо, кто-то из академиков отказался.

Лечился я там лечился, как вдруг раздался звонок из Москвы, из Издательства «Наука», куда мы сдали вновь отредактированную рукопись. Новый главный редактор «Науки» исчеркал всю верстку рукописи красным карандашом. Срочно вернулся в Москву и спрашиваю у редактора: «А какие он сделал замечания»? А редактор отвечает: да, никаких замечаний, но кое-что исключить все же придется! – Но с какой стати, спрашиваю я? – А потому что без серьезных изменений рукопись будет вообще отвергнута!». Я тогда не знал, что в Москве уже шла волна гонений на социологов, а акад. Румянцева просто сместили с поста вице-президента.

Когда мы с акад. Румянцевым встретились в «Узком», это был уже другой человек. Я не знаю, были ли какие-то другие причины кроме гонения на социологию, но он сильно изменился. Мы всего несколько раз разговаривали, но он предпочитал быть одним, тем более что в санатории было очень мало народу. Но первый ротапринтный экземпляр, изданный в 1970 г. Советским фондом мира с его вступительным словом я берегу.

25.03.2002

Акад. Владимир Евгеньевич Соколов (01.02.1928 – 19.04.1998)

Акад. РАН Соколов был биологом, зоологом, проф. МГУ им. М.В. Ломоносова, академиком-секретарем отделения общей биологии РАН и академиком ВАСХНИЛ, директором Института проблем экологии и эволюции им. А.Н. Северцова АН СССР. Он был также главным редактором или членом редколлегии многих научных журналов, много лет возглавлял Советский комитет по программе ЮНЕСКО «Человек и биосфера» (сокращенно МАБ).

Он жил в Москве, в том же доме, где жил мой дядя акад. О.Ю. Шмидт, поэтому возможно мы случайно встречались, но я не предполагал, что я с Владимиром Евгеньевичем буду тесно работать много лет подряд, и это будут лучшие годы моей жизни.

А все получилось почти случайно. Как-то меня вызвал директор ИМПД Тимофеев и сказал, что раз я занимаюсь экологическими проблемами, то буду его сопровождать на заседание Секции наук о земле Президиума АН СССР, которую возглавлял акад. А.П. Виноградов, ученик Вернадского. Собрались почти все ведущие ученые в области естественных и технических наук. Заседание началось, и когда дошла очередь до Т.Т. Тимофеева, он встал и сказал всего три слова: «У нас в ЦК КПСС...». Повисла тягостная тишина, Тимофеев тут же ретировался, оставив меня своим заместителем. Когда заседание кончилось, я подошел к акад. Соколову и сказал, что могу предложить себя в качестве советского участника по направлению программы МАБ «Восприятие качества среды обитания», которым у нас никто не занимался. Он тут же согласился, и для меня началась совсем другая жизнь.

Владимир Евгеньевич был блестящим организатором научных исследований, особенно если они касались крупных международных проектов (а программа МАБ именно такой и была) и предполагали взаимодействие между естественнонаучными и социальными дисциплинами. Во многом благодаря ему, его коллективу и сотрудникам Министерства иностранных дел СССР, курировавших это межгосударственную программу, мне и моим русским и иностранным коллегам удалось осуществить междисциплинарный проект «Города Европы: участие населения в охране городской среды», в котором приняли участие ученые из 16 социалистических и капиталистических стран.

Владимир Евгеньевич был требователен, но всегда это касалось дела и только дела. Он был также ровен в общении со всеми, какое бы место в научной или политической иерархии они ни занимали. Благодаря ему, я смог наладить контакты со многими отечественными и зарубежными учеными и практиками природоохранного дела, и этот бесценный опыт служит мне до сих пор. Кроме того, участие в программе МАБ более 10 лет позволило мне накопить опыт научно-организационной работы, которым я пользуюсь до сего дня. Владимир Евгеньевич помогал многим и в житейских делах, но всегда делал это деликатно, незаметно.

Конечно, в таком сложном и ответственном деле не обходилось без курьезов. На первое заседание по программе МАБ в Париже меня взяли в качестве «стажера», то есть мне ничего самому не надо было делать – надо было только слушать и вникать, и я был счастлив такой неожиданной свободой. Но не тут-то было! В первом же перерыве ко мне подошла высокая и красивая молодая дама и строго спросила: «Это вы писали?» и показала мне незнакомый английский текст. А я в тот момент с упоением жевал бесплатный бутерброд...

Очень было трудно переключиться с бутерброда на научную дискуссию, да еще в такой императивной форме. Наконец, я сообразил, что это переведенный на английский текст нашей общей статьи с Владимиром Евгеньевичем. Но я-то уже забыл о ней, а этот перевод в глаза не видел! В общем, это была проверка «на вшивость», которая длилась более получаса. Через два дня на заключительном заседании эта дама подошла ко мне и (при всех!) вручила мне бутылку шотландского виски. Я понял, что выдержал экзамен. С проф. Энн Уайт из Канады, а это именно она меня экзаменовала, мы остались друзьями на много лет. Позже я рассказал об этом эпизоде Владимиру Евгеньевичу, и мы дружно посмеялись.

19.04.2002

Нина Федоровна Наумова (27.07.1930 – 16.05.2002)

Философ, социолог, специалист в области системного анализа социальных процессов как макросоциальных (проблемы «рецидивирующей модернизации»), так и микроисследований по проблемам социологии личности. Она впервые в российской социологии эмпирически исследовала такие проблемы как «личность в переходный период», «проблема человека в системе глобального моделирования», «время как социальная категория», «молчание как социальный опыт», «динамика и социально-психологическая структура терпения». Наумова впервые в отечественной литературе показала, что нет, и не может быть какой-то «конечной» модели человека, так как он есть постоянно развивающаяся система, то есть он – есть «мир человека». Наумова опирается на тезис К. Маркса, что человек находится в постоянном движении становления безотносительно к какому-либо заранее установленному масштабу.

Нина Федоровна была меня старше всего на три года, но мне всегда казалось, что я – её ученик, а она – мой учитель. Теперь я понимаю, что дело было не только в её безусловном таланте как ученого, в том числе социолога, но и в том, что она была из совсем другой культурной среды. Моя «большая семья» и среда архитекторов и градостроителей дала мне неоценимый опыт и знания, но философских знаний мне всегда не хватало. В конце её жизни случай свел нас, Нина Федоровна уже болела, и я часто вечерами бывал у нее дома.

То были мои «индивидуальные» учебные семинары, и знания, которые мне передавала она за чашкой чая, были мне чрезвычайно необходимы. Это не значит, что я стал философом, но приобрел нужный фундамент для моих последующих исследований, особенно в области эко-социологии, теории и практики ликвидации последствий природных и техногенных катастроф. И вообще – для всех тех областей знания, где был необходим междисциплинарный подход, а как мы уже знаем сегодня,

он необходим везде, даже если конкретный политик или отдельный индивид об этом не имеет никакого понятия.

В 1970–90-е гг. отдел Н.И. Лапина во ВНИИСИ АН СССР был на острие системного подхода к анализу глобальных проблем. Работавшие в нем Н. Наумова, В. Садовский, Э. Юдин были научным центром этого анализа, во многом опережавшим их западных коллег. Очень жаль, что этого подразделения сегодня уже нет, потому что, с моей точки зрения, он мог бы стать для российской социологии тем, чем для западных ученых является Массачусетский технологический институт.

Для такого человека как Наумова в перечислении ее официальных должностей и регалий нет нужды, её работы говорят сами за себя. Но для меня Нина Федоровна навсегда останется учителем, ученым и человеком с большой буквы.

26.05.2002

Глазычев Вячеслав Леонидович (26.02.1940 – 05.06.2012)

Вчера, 5 июня 2012 г., умер Вячеслав Леонидович Глазычев. Умер в Таиланде, работая над концепцией нового генерального плана Москвы, как передали СМИ. Официальные некрологи пусть пишут те, кому положено. То, что я скажу, – размышления о моем с ним 30-летнем знакомстве, сначала в качестве близких друзей-единомышленников, потом профессионалов, входивших в некоторый общий круг московских и международных интеллектуалов, затем – спорадические встречи двух людей, пути которых разошлись, но между ними осталась взаимная симпатия и обмен редкими телефонными звонками. Для меня и моей жены он был и останется просто Славой.

По своим способностям, широте знаний и интересов, уровню интеллекта, четкости мысли – Слава, безусловно, был человеком эпохи Возрождения. Но человеком, оказавшимся, волею истории, в условиях совсем другой эпохи. Хотя та эпоха тоже была полна не только высоких дум, науки и искусства, но и интриг, предательства и бесконечных войн. Слава был, вероятно, более чем кто-либо из нас, настоящим европейцем. Недаром он каким-то немыслимым образом заканчивал свое архитектурное образование в колледже иезуитов в Польше. И, несомненно, хорошо знал историю европейской культуры и архитектуры, особенно Италии. Один его перевод и примечания к трактату об архитектуре, созданном в XV веке Антонио Аверлино (Филарете), (Издательство Русский университет, 1999) чего стоит.

С начала 1970-х гг. и до середины 1980-х гг. Слава работал в Институте теории и истории архитектуры бывш. Академии архитектуры СССР, маленьком, элитарном институте. Но уже тогда ему там было тесно, и он все время стремился жить и работать в иных творческих средах: градостроительстве, искусствоведении, дизайне, экологии и даже в теории познания (по версии Г.П. Щедровицкого).

Одновременно, как человек творческий и амбициозный, он стремился как-то реализовать свою интеллектуальную энергию практически. Отсюда его бесконечные переходы и перемещения то в секретариат Союза архитекторов СССР, то в Фонд культуры или Общественную палату РФ. А затем уже в совсем иную, государственную сферу, выступив сначала в качестве кандидата на должность вице-мэра Москвы, а потом на несколько лет связав свою жизнь (в качестве консультанта? советника?) с такой неоднозначной фигурой как полномочный представитель Президента РФ в Приволжском федеральном округе. Отсюда же его многократные попытки создания собственной институциональной структуры – Академии городской среды или других подобных организаций. В.Л. много лет был профессором Московского архитектурного института, но зачем в конце жизни он перешел в АНХ и ГС, кузницу кадров для президентской администрации, я понять не могу.

Слава был человеком инициатив, «начинаний», но практически никогда не доводивший их до конца, поскольку это требовало длительных и не всегда безопасных усилий. Процесс возбуждения общественного интереса к какой-либо новой проблеме было его призванием. Но, сделав несколько ярких шагов и поведя за собой людей, особенно если это были просто городские жители, а не такие же интеллектуалы, как он сам, он быстро терял интерес к своим начинаниям. А люди, оставшись без лидера, без вожака, терялись и таили обиду на этого человека, который предлагал им «златые горы». Люди, которых он вовлекал в свои начинания, были недовольны не самой идеей, а институтами, то есть «правилами игры», которые противостояли любым начинаниям Славы.

Но он не хотел становиться настоящим политиком (случай с его выдвижением в вице-мэры не в счет, потому что это была явная инициатива его могущественного патрона). Потому что в той, политической сфере тоже были свои правила игры, которые ему претили. Собственно говоря, именно поэтому его и не избрали действительным членом Академии архитектуры и строительных наук РФ, хотя по своему вкладу в теорию и особенно историю архитектуры он был на две головы выше многих членов этой Академии, не говоря уже о её рядовом составе. Слава хотел самостоятельности во власти (в любой из тех областей, в которых он был профессионалом). Но не хотел окончательно становиться человеком корпорации, хотя и несколько раз фактически был им, точнее, находился где-то на её границе с гражданским обществом.

Говоря высоким стилем, Слава был человеком на рубеже двух культур: творческой, инновативной и бюрократической, охранительной. Или просто «лишним человеком», так, как определили это термин В.Г. Белинский и другие русские демократы XIX века. Друзья много раз говорили Глазычеву: «Слава, твоя профессия – публицистика, именно на этом пути “между” властью и гражданским обществом ты можешь выразить себя наиболее полно». Но он не хотел быть только публицистом. И вообще не хотел быть только «кем-нибудь одним»...

Трудно, очень трудно яркому, высокоодаренному человеку с идеями жить в нашем обществе. А тем более – пытаться воплотить свои идеи в жизнь. Иной дороги, кроме трансформации профессионала (или публициста) в публичного политика, здесь нет. За последние 20 лет некоторые интеллектуалы пытались совершить это преобразование. Но оно почти никогда не оканчивалось успехом. Если одаренный, с острым чувством гражданской ответственности интеллектуал хочет действительных перемен, пусть даже только в своей профессиональной сфере, он вынужден оставить свою профессиональную деятельность и стать политиком, лидером общественного движения. Иного пути нет.

06.06.2012

Владислав Павлович Волков (12.06.1934 – 15.12.2012)

Ушел из жизни Владислав Волков, ученый, доктор геолого-минералогических наук, действительный член Академии естественных наук, геолог-полевик, биограф В.И. Вернадского и ученик продолжателя его дела, акад. А.П. Виноградова. Мы были с Владиславом одноклассниками, и наша дружба с ним не прерывалась до последних дней его жизни. В.П. Волков был ученым старого закала: высокообразованный, преданный своему делу, абсолютно честный, принципиальный даже в мелочах. Окончив в 1956 г. геологический факультет МГУ по специальности геохимия, он долго работал в геологических экспедициях, а затем всю оставшуюся жизнь – в Институте геохимии АН СССР (РАН) имени В.И. Вернадского. Там, сначала занимаясь изучением геохимического состава поверхности планет, позже по инициативе акад. А.Л. Яншина

Волков посвятил последующие 35 лет своей жизни расшифровке и комментированию дневников и публицистических работ В.И. Вернадского.

Мало кто из моих коллег себе представляет, что такое ежедневный труд в архивах. Это сиденье по 6-8 часов в комнате, где температура была не выше 14 градусов по Цельсию, и расшифровывать каракули Вернадского, который, как и те из нас, кто привык писать на бумаге, пишут сокращенно, причем каждый сокращает слова по-своему, привычным для него образом.

За эти годы под его редакцией вышли 6 томов дневников Вернадского, от 29 до 60 а.л. каждый. Седьмой, подготовленный Волковым незадолго до смерти, ждет своей очереди. Я не могу оценивать его вклад в геохимическую науку. Но его вклад в изучение истории российской и советской науки трудно переоценить. Тому, кто не работал в архивах, трудно понять ту меру терпения и настойчивости, которую нужно было каждодневно проявлять в течение десятилетий, чтобы получить нужный результат, или... честно заявить, что искомая историческая нить так и не была им найдена.

Благодаря усилиям Волкова, его работе в государственных и частных архивах, библиотеках, его каждодневному многолетнему поиску тех людей, которые могли бы восполнить недостающие звенья его исторического труда, мы получили не просто блестящий комментарий к биографии нашего великого соотечественника (150-летие со дня рождения В.И. Вернадского будет отмечаться в марте следующего года). Расшифрованные Волковым дневники Вернадского и обширные комментарии к ним представляют собой в совокупности фундаментальный, основательно документированный труд по истории российской и советской науки.

Без многолетних усилий Владислава Волкова это пласт истории российской науки и культуры не всплыл бы на поверхность никогда. Волков, как и Вернадский, своими комментариями и историческими изысканиями, внес неоценимый вклад во «всеобщую и российскую историю науки». Владислав Павлович работал на пределе сил, понимая, что ученые и простые люди старшего поколения, которые могли бы сообщить необходимые ему факты о жизни Вернадского и его окружения, очень скоро уйдут из жизни, а имеющиеся у них документы исчезнут в частных архивах или просто будут выброшены на помойку.

Лишь очень немногие понимают, какую ценность представляют для истории науки и общества краткие записки, телефонные книжки, фотографии, письма родным и близким и т.п. Вместе с тем, сделанная Волковым работа представляет непосредственную ценность для нас, социологов, потому что она выявила всю многослойную и многоуровневую систему научных и социальных коммуникаций В.И. Вернадского, ученого, общественного деятеля и публициста, которая была научным, информационным и моральным «каркасом» его повседневного труда.

Владислав был моим одноклассником. И я не знаю другого человека, который со школьной скамьи и до кончины был бы столь целенаправленным и упорным в решении своих задач. Уже будучи тяжело больным, он работал не только над последним томом Дневников Вернадского, но и успевал еще писать статьи о жизни людей науки.

17.12.2012

Коган Леонид Борисович (12.12.1931 – 26.09.2014)

Ушел из жизни Леонид Борисович Коган, урбанист, социолог, живописец, педагог, мой ближайший друг с самого раннего детства. Уходят из жизни те, кто создавал и развивал урбан-социологию в СССР/России, что тогда было делом далеко не простым: ленинская формула «сближение города и деревни» была железобетонной. Леонид Коган – человек трагической судьбы, сначала ушел его отец, известный кремлевский врач проф. Б.Б. Коган, – а потом, начиная с «Дела врачей-убийц» 1952-

53 гг., постепенно Леонид Борисович потерял всех своих родных и близких, включая жену и дочь.

Тем не менее, Леонид Борисович был не только архитектором и урбан-социологом, он был еще и прекрасным портретистом. У Л.Б. была своя школа, явление, чрезвычайно редкое в наше время. Его аспиранты (ныне многие из них доктора и профессора) разбросаны по России и миру. В 1969 г. А.С. Ахиезер, Л.Б. Коган и я написали в журнале «Вопросы философии» статью «Урбанизация, общество и научно-техническая революция», сломав, наконец, представление об урбанизации как о «буржуазном явлении», которого не может быть в иных социальных условиях. Выступления на VII Всемирном социологическом конгрессе в Варне (Болгария) в г. группы советских социологов-урбанистов закрепили этот успех. Там же, в Варне был создана инициативная группа под руководством М. Кастельса, Р. Пала, Э. Претесея и Э. Минджоне, которая позже трансформировалась в Исследовательский комитет МСА «Социология городского и регионального развития». Но еще в 1964 г. в журнале «Вопросы философии» вышла статья Когана (в соавторстве) «Некоторые вопросы социологического моделирования городов». Так что советские социологи города вовсе не были таким отстающими, как их иногда пытаются представить на Западе.

Проф. Коган много лет работал в одном из университетов Сорбонны (Париж), где вел аспирантов, был членом Совета по защите докторских диссертаций. Он сотрудничал с социологами и урбанистами из Чехословакии, Венгрии, Болгарии, Германии. Однако травма, нанесенная его здоровью «делом врачей», постепенно подтачивала его здоровье. Тем не менее, он почти до последних дней своей жизни работал в Центральном научно-исследовательском институте по градостроительству Российской академии архитектуры и строительных наук, был избран её Почетным академиком. А до этого Леонид Борисович был постоянным автором журнала «Городское управление», написал несколько книг по социологии города (он предпочитал называть свою профессию урбанологией). Как-то он сказал мне: «мы, социологи и урбанологи, упустили из виду город как среду обитания человека. Город – это не легкая или тяжелая промышленность и не сервис, а это производство людей особого склада, горожан».

Несмотря на противоположность характеров, разницу в возрасте и образе жизни, Леонид Борисович Коган и Вячеслав Леонидович Глазычев в своем отношении к действительности были в чем-то похожи: оба они хотели изменить её. Поэтому я повторю (почти слово в слово) то, что я написал чуть более двух лет назад, когда ушел из жизни В.Л. Глазычев: очень трудно яркому, высокоодаренному человеку с идеями жить в нашем обществе. А тем более – пытаться воплотить свои идеи в жизнь. Иной дороги, кроме трансформации профессионала в публичного политика, здесь нет. За последние 20 лет некоторые интеллектуалы пытались совершить это преображение. Но оно почти никогда не оканчивалось успехом. Если одаренный, с острым чувством гражданской ответственности интеллектуал хочет действительных перемен, пусть даже только в своей профессиональной сфере, он вынужден оставить свою профессиональную деятельность и стать политиком, лидером общественного мнения или профессионального движения. Иного пути нет.

26.09.2014

Николай Яковлевич Мерперт (29.11.1922 – 29.01.2011)

29 января 2011 г. ушел из жизни доктор исторических наук, профессор, Николай Яковлевич Мерперт, археолог, историк, знаток Древнего Востока, участник Великой отечественной войны, настоящий русский интеллигент прошлого закала. Человек не только делавший серьезную науку, но, благодаря своим энциклопедическим знаниям и открытости и благожелательности к людям, передававший свои знания о целых

«блоках» русской, азиатской и европейской жизни конца XIX –XX веков следующим поколениям.

Есть история «книжная», а есть и «живая», в лицах, документах и событиях. Не знаю, были ли Николай Яковлевич сторонником французской исторической Школы Анналов, но по существу в наших длинных неспешных беседах за столом в санатории Узкое, он передавал своим слушателям именно эту живую историю в лицах. Но не фараонов или царей, а в «лицах повседневности».

Его с одинаковым вниманием и интересом слушали научные работники, гуманитарии, естественники и технари, младше его на 10-15-20 лет, и медсестры, врачи, подавальщицы, которым, как оказалось, очень важна создаваемая речью Мерперта атмосфера пребывания в той, давней эпохе. К тому же, Н.Я. прекрасно знал древнюю историю, он был сотрудником Института археологии РАН, профессором кафедры археологии МГУ, Библейского теологического колледжа им. Св. Андрея, воспитал десятки аспирантов.

Еще и еще раз убеждаюсь, что так называемые простые люди, вовсе не так просты. У них, может быть, даже более чем у нас, научных работников, силен голод по историческому знанию того, как это было на самом деле, в живых деталях быта и общения людей прошлого. Мне посчастливилось не только много раз сидеть с Николаем Яковлевичем за одним столом в Узком.

К тому же, как оказалось, что мы с ним – ученики одной и той же школы № 59, бывшей Медведниковской гимназии, что в Староконюшенном переулке, которую Н.Я. закончил на 11 лет раньше меня. Нас обоих с разрывом в 11 лет приобщал к истории великий педагог, Дмитрий Николаевич Никифоров. Был у нас с ним и общий учитель географии Н.Н. Булашевич. Из первых рук я узнавал историю своей школы, а, значит, и свою собственную.

Всем, кто не знал Николая Яковлевича лично, очень рекомендую прочесть вышедшую незадолго до его кончины книгу Мерперт Н.Я. «Из прошлого: далекого и близкого. Мемуары археолога». М.: Таус. 2011. 384 с., илл.

02.02.2012

Доктор Лиза (20.02.1962 – 25.12.2016)

Погибла в авиакатастрофе Доктор Лиза, Елизавета Петровна Глинка. Судьба не сберегла человека, отдавшего свою жизнь спасению детей, в какой бы стране они ни находились. Доктор Лиза умела все: искать нуждающихся, приходить им на помощь, лечить, находить помощников и единомышленников, мобилизовывать, если было необходимо, самых разных людей, от больших начальников до рядовых граждан. Мы много рассуждаем, как бы это так устроить, чтобы люди не были всю жизнь рабами одной профессии. А тут – живой и всем понятный пример: надо делать то, что необходимо «здесь и сейчас», а люди, средства, знания найдутся. И Доктор Лиза была образцом служения людям, попавшим в беду, она росла сама, и рос вокруг нее круг небезразличных к судьбе других людей.

Доктор Лиза в российской истории не одинока. Поинтересуйтесь личностью Великой княгини Елизаветы Федоровны (1864-1918 гг.), создательницы Марфо-Мариинской обители милосердия и защитницы всех бедных и несчастных в Москве и за ее пределами. Великая Княгиня Елизавета Федоровна была немецкой принцессой, но, приняв православие, целиком посвятила себя заботам об униженных и оскорбленных. И приняла мученическую смерть.

Я вспоминаю также свою бабушку, Яницкую Елизавету Львовну (1853-1913 гг.), которая после получения звания «женщина-врач» (тогда женщинам без такого диплома не разрешали лечить людей), уехала вместе с моим дедом в Полтавскую губернию, став земским доктором, где надо было лечить всех обращающихся подряд, независимо от

характера болезни или увечья. Это заставляло деда и бабушку учиться на ходу, а позже, по возвращении, передавать обретенные опыт и знания другим. Бабушка никогда не была публичной фигурой. Но она, как и многие сотни других женщин, сделала целью своей жизни помощь людям, прежде всего, детям. Она спасала детей от еврейских погромов, работала бесплатно в детских туберкулезных санаториях, заботилась о создании детских садов (тогда они были еще в новинку), вела обширную переписку со своими единомышленниками, помогала мужу, военному врачу-хирургу. Вот лишь один факт из её скромной биографии. Много лет спустя после возвращения бабушки из Полтавской губернии, её крестьяне, приходя в Киев на богомолье, считали своим долгом навестить «свою бывшую фельдшерницу».

Уважаемые мои коллеги, молодые специалисты-социологи, студенты и аспиранты. Вы иногда жалуетесь, что вам не хватает средств, чтобы найти интересный и нужный для вашей научной карьеры эмпирический материал. Так вот личности, подобные Доктору Глинке, лучший тому пример. Есть в нашей науке такой метод, он называется биографическим методом. Весь нужный вам материал вы найдете в интернете, а если потребуется, сами возьмете несколько интервью. Изучение биографии одного добровольца (я предпочитаю этот русский термин названию «волонтер») – это изучение целого мира, создавшего и окружавшего такого человека. И того мира, который создавался вокруг него! Такая работа даст вам глубокое понимание того, что именуется патриотизмом. Патриотизмом без звонких фраз и медийных клише.

26.12.2016

Гольдман Владимир Борисович (10.08.1933 – 09.08.2018)

Ушел из жизни человек, который много лет боролся за сохранение институциональной базы научного творчества российских и зарубежных исследователей: системы научных журналов Академии Наук СССР, ныне РАН. Мы, научные работники, могли тогда лишь сожалеть: «Вот нет еще одного журнала, вот прекратился перевод наших публикаций на английский язык» и т.д., а Владимир Гольдман боролся и боролся что есть сил против этой наиболее болезненной для всех нас коммерциализации одного из немногих каналов нашего общения с научным миром, как внутри страны, так и за рубежом.

Я учился с Гольдманом в одном классе, но близко познакомились мы много позже, когда начали подводить, как нам тогда казалось, лишь предварительные итоги нашего жизненного пути. А путь этот у Гольдмана был совсем не простой. Он мечтал стать журналистом, но тогда, в 1951 г., он как сын репрессированных родителей и мечтать не мог о факультете журналистики МГУ.

Гольдман окончил Лесотехнический институт, и затем началась длинная череда мест работы, от садовода, зав. оранжереей и затем работника библиотеки гостиницы «Советская», затем – в Центральном бюро научно-технической информации Министерства лесной промышленности СССР. Потом в издательстве «Колос» (в должности старшего редактора журнала «Лен и конопля»), ученым секретарем по информационным материалам для радио и телевидения.

И вот, наконец, он – в должности главного редактора изданий для зарубежных стран Издательства «Наука». Затем – перерыв (работа в издательстве «Медицина»), и он снова возвращается в Издательство «Наука» в качестве заместителя главного редактора журнала «Наука в СССР/РФ», который издавался на русском и английском языках. За многие годы он впервые мог непосредственно заняться своим любимым делом – научной журналистикой. Я читал некоторые его статьи. Это, скорее, была не журналистика, а работа популяризатора науки высокого класса.

Параллельно работая внештатным журналистом в журнале «Знание-сила», Гольдман объехал почти весь Советский Союз и опубликовал несколько своих статей в

этом популярном журнале. Наверное, трудно назвать издательство или журнал, где бы Владимир Борисович не публиковал свои статьи, обзоры, заметки репортажи: Наука, Агропромиздат, Колос, Знание, Московский рабочий, Советская Россия, Молодая Гвардия, АПН, журнал «Эврика» и во многих других. Особенно его интересовала такая наука как селекция растений. Позже Гольдман опубликовал несколько книг, касающихся политизации научного знания.

Плохо или хорошо, что его жизненный путь в сферу науки был столь долгим и непростым? По моему мнению, мнению человека, который пришел в социологию тоже далеко не прямо со студенческой скамьи, думаю, что хорошо для такой сложной и многосторонней профессии как издательское дело, тем более на переломе эпох.

Люди, блюдущие интересы науки как социального института популяризаторы её достижений, каким был Владимир Борисович Гольдман, – сегодня большая редкость. Не потому что все другие плохие, а потому что они стараются успеть внести свой посильный вклад в науку. Но, к сожалению, этот социальный институт, который, казалось бы, должен быть вне политики, все более подпадает под ее влияние. Однако ученые, занятые своим ремеслом, как правило, плохие политики. Но даже популяризация научного знания, масштабом которой могло гордиться советское государство и общество, сегодня едва-едва начинает возрождаться. Западные социологи призывают нас идти в публичную политику – да, наверное, без этого нельзя. Но сохранять и развивать наши прямые контакты с мировой наукой, обмениваться знаниями и опытом, – это наша прямая обязанность.

Владимир Борисович был очень хорошим товарищем, он последовательно, а иногда и достаточно жестко, отстаивал интересы науки и одновременно интересы тех людей, которые интересовались развитием отечественной и зарубежной науки и ее практическими приложениями.

Мы до сих пор плохо осознаем, что сужающееся количество научных журналов РАН и сокращающиеся их тиражи, их бюрократическое ранжирование на категории качества (по индексу цитирования) и почти полное отсутствие переводов их статей на иностранные языки *все больше изолируют российские общественные науки от развития мировой науки*. Политика изоляции России все больше влияет на ее науку. Западные ученые постоянно читают статьи российских авторов, но опасаются их цитировать.

20.08.2018

3. Об истории русской науки и культуры; просветители и популяризаторы науки

Когда же мы перестанем быть только потребителями природных богатств?

Ежегодные лесные пожары, гибель нефтедобывающей платформы, Крымск, «самопроизвольные» взрывы на оружейных и других складах боеприпасов, Дербент, а также «мусорные протесты» и многое другое. И так далее, все в том же устрашающем духе.

Когда же люди, наконец, поймут, что Природа может нанести удар в самом неожиданном месте и удар невиданной силы? И этот удар мог быть спровоцирован нашими же безоглядными действиями 20 или 50 лет назад в совсем другом месте? Что раз случившись, экологическая катастрофа устанавливает на долгое время *собственный социальный порядок*, подчиняя поведение людей своей «воле»? Что склады

боеприпасов и даже просто свалки и мусорные полигоны, оставленные без присмотра, могут погубить сотни тысяч людских жизней? И быть носителями смертельных рисков на сотни лет вперед! У людей короткая память; у природы и среды обитания, созданной человеческими руками, – гораздо более долгая и опасная.

Когда же мы, наконец, поймем, что превращение череды таких хаосов снова в социальный порядок может потребовать такой мобилизации сил и ресурсов, которые возможны только при жестком режиме личной власти? Что с каждой такой катастрофой относительно безопасных мест на земле остается все меньше.

Пусть люди хотят забыть унижения и горсти жестокого XX века. Но они должны помнить, что были малый и большой ледниковые периоды, массовые эпидемии и мор, приводившие не только к гибели сотен тысяч людей, но и к социальным взрывам. Что статистика, говорящая нам о том, что в России в автокатастрофах погибает 30 тыс. человек, а в результате самоубийств – в два или три раза больше, – это не просто цифры, а *вой вселенской сирены*, предупреждающей нас о грозящей опасности.

30 лет назад известный американский ученый П. Дракер возвестил мир о наступлении «века перерыва постепенности». Социологи и политики пропустили это мимо ушей. И человечество в целом продолжает вести себя как биологический вид, неумолимо превращая среду своего обитания в «шагреновую кожу». Недавно наш Президент озаботился состоянием нашего земельного фонда. Прекрасно! Но ведь дело не только в его расхищении, но и в изменении его качества: все меньшее число его участков способно порождать жизнь, все большее – требует очистки, восстановления, рекультивации... Философский вопрос, заданный более 50 лет назад молодым политиком, Т. Роззаком: «Где кончается пустыня?», так и остался без ответа.

Этика потребительства существует уже много веков. Но до поры до времени природа выдерживала натиск человека. Тогда казалось, что истощив ресурсы данного участка планеты, можно просто перейти на другой участок суши, потом – на третий и т.д. Но вот круг замкнулся, и природа начала предъявлять человеку счет. Ученые и специалисты, знающие толк в законах биосферы, уже более 50 лет звонят во все колокола: «природа гибнет, и она может утащить за собой в могилу все человечество или все живое не ей вообще». Но сильные мира сего полагают, что произойдет саморегуляция биосферы (читай, часть населения вымрет от голода или жажды) и они снова заживут спокойно прежней жизнью.

15.10.2012

О великий и могучий русский язык (социолингвистические размышления на тему «управление»)

Ну, почему, почему только «управление»? Ведь наш действительно «великий и могучий русский язык» назван таковым потому, что он отражает если не все, то множество смыслов и оттенков меняющейся действительности. Ну, разве нет различия между «управлять» и «направлять»? Включать и исключать? Командовать и руководить? Между овладением и покорением? Единоличным властелином и выразителем воли большинства? А как быть с тем, что мы в своем большинстве никак не можем осмыслить различие между единоличным управлением и согласованным решением? Программированием и построением сценариев?

С моей точки зрения, столь частое использование термина управление говорит, что социология и смежные науки и практики все еще не освободились от диктата идеологии «социалистического управления», когда, как предполагалось, все директивы исходят из одной точки – из ЦК КПСС. На дворе рыночная экономика, значит, все должен управлять всемогущий рынок? Но не тут-то было, это рынок каким-то

невероятным образом «встроен» во властную вертикаль! Не в «горизонталь» глобальных рыночных связей и отношений, а именно в вертикаль. ЦК КПСС уже давно нет, но дух управления из одного центра сохраняется. Причем не только у нас, но и в США. Там президент Трамп пытается управлять из одной точки, своих записей и директив в твиттере.

Если обратиться к английскому языку, то он уже давно отразил в своем репертуаре существующие в реальности различия в формах и способах «управления». Например, термин *taming* имеет множество значений, как-то: управлять, укрощать, покорять, смирять, делать покорным (послушным) и даже делать ручным. Но он также означает «управлять» в прямом смысле этого слова (не путать с ручным управлением). А вот другой, не менее часто употребляемый термин *ruling*, который означает и управление, и правление, и властвование, и руководство, и контроль, и даже установление нового социального порядка.

Все общества построены на взаимодействии различных акторов, их коммуникации. Но коммуникация тоже бывает разная. Как пишут А. Арсеналт и М. Кастельс, есть два основных способа «управления» миром: посредством переключения каналов коммуникации и их перепрограммированием (*switching and re-programming*). Но это – тоже управление из одной точки, из рук информационного магната, но все же оно более «горизонтальное».

Если заглянуть в «Социологический толковый русско-английский словарь», недавно изданный С.А. Кравченко, то там мы найдем не менее десятка разных смыслов термина «управление».

Наконец, в нашей социологической литературе никак не может привиться различие терминов *government* и *governance*, хотя они практически противоположны по смыслу. Упрощая, можно сказать, что первый означает приказ или директиву, тогда как второй – процесс нахождения консенсуса, то есть результат согласования интересов в ходе переговоров между носителями разны точек зрения.

Исторически вполне объяснима наша приверженность к термину «управление». Но сегодня-то, в век сетей, в век растущего влияния гражданского общества и его некоммерческих организаций, основанных на принципах самоуправления и самоорганизации, не пора ли нам ещё раз собраться и выработать тезаурус для описания форм и способов социальной коммуникации? Ведь помимо одноразовой директивы или рекомендации, они могут не сработать, или сработать каким-то неожиданным для управленцев образом. Или вообще дать противоположный результат. Разве не об этом говорит недавнее противостояние пенсионной реформе?

Наконец, мы, социологи, все время дискутируем, дискутируем, дискутируем... А социальная действительность продолжает двигаться каким-то своим путем. Не пора ли нам включить понятие *обратная связь* в привычный лексикон, как социологов, так и управленцев? Ведь сегодня обратная связь – это не только реакция групп и организаций на некоторую директиву, это реакция самой среды обитания, закономерностей которой мы пока не знаем.

25.11.2013

Блестящий XIX – трагический XX?

Валентин Серов, Михаил Нестеров, Исаак Левитан, Лев Толстой, Иван Бунин, этот ряд великих – отличительная черта нашей истории и культуры. Как бы ни пытались наши оппоненты представить нашу историю «медвежьей» или «заимствованной», эти и десятки других имен опровергают эту концепцию. Но в XX веке сложился другой ряд: А. Солженицын, В. Быков, В. Астафьев, А. Адамович, С. Алексиевич. Их творчество – это процесс осмысления трагического XX века. Нет, я

не перепутал даты и эпохи, потому что первые были отражением одной культурной эпохи, тогда как вторые – последующей. Да, и Лев Толстой, и Александр Куприн были не только участниками войн, но и создателями архетипов их героев и рядовых участников. Художники В. Серов, М. Нестеров, И. Левитан и многие другие того времени сохранили для нас архетипы людей и природы той эпохи. Были ещё В. Верещагин и другие баталисты, но обертон их свидетельств об ужасах и бессмысленности войны все же был оптимистическим, или, во всяком случае, – подавал надежду на лучшее будущее. Верещагин, объездив почти весь мир, одним из первых русских художников ощутил его хрупкость, его конечный масштаб. Поэтому его живопись была гражданским посланием, адресованным не только России, но и всему миру.

Обертон творений имен второго ряда, то есть работ наших выдающихся современников, гораздо более трагический. И они нам говорили и говорят не только о величии «веры», «подвига» и «долготерпения», но и о бессмысленной жестокости массовой гибели людей, уничтожении сделанного их трудом добра, деградации природы, о том, что эти экологические, социальные и культурные потери невозможны. Раньше я много раз бывал в Белоруссии, там живут мои родственники, и всякий раз в приветливости и радушии всех, с кем я встречался, сквозила тревога: «то, что было, ужасно, и оно не должно повториться».

Но вернемся к первому ряду. После каждой встречи с каждым из них я остро ощущаю убогость и «одномерность» нашей технотронной цивилизации. Она не возвышает, а подчиняет, культивирует во мне чувство ничтожной малости моей вредоносной «песчинки» в гигантском хорошо отлаженном механизме «информационной мегамашины». Она может вполне обойтись без меня, как и без миллионов других, столь же «бесконечно малых» человеческих величин. И чем больше СМИ нам повествуют об успехах очередного адронного коллайдера, тем чаще я пытаюсь понять, а что это даст мне, другим, миру? Не есть ли он предтеча (или, еще хуже, необходимый инструмент) новой мировой войны? И что в результате? «Слово», «Картина», «Размышление» – это ряд понятий уходит в прошлое, их вытесняют из нашего сознания «Выкрик», «Треск» и бесконечная череда картинок «Ужасов».

Я написал все эти термины с большой буквы, потому что для меня они не просто семантические знаки, а архетипы нашей современности. Прошлое вытесняется настоящим, индивидуальная и социальная память укорачиваются. Некоторые мои коллеги-социологи уже возвели «картинку» текущей современности в методологический абсолют, заявляя, что надо изучать только повседневность, потому что кроме неё ничего нет. Примеры? О Пальмире вспомнили только тогда, когда её уже начали разрушать. Но ведь когда десять лет назад американцы громили Ирак под лозунгом «защиты демократии», кто им мешал спасти уникальные памятники мировой истории и культуры? Где же было тогда их высокоточное оружие? Где были тогда западные ревнители «демократии» с их богатыми частными фондами? Или культурные ценности – только для избранных, а ковровые бомбардировки – для всех остальных?

Но спустимся с теоретических высот на землю. По некоторым прогнозам, в ближайшие 15-20 лет в большие города России из её сел и малых городов переберутся еще 30-40 млн. человек. Эти люди искали, и будут искать не «высот мировой культуры», а хлеба насущного и минимальной стабильности для себя и своих близких. Что же будет с малыми городами глубинной России, некоторые из которых уже реабилитировать невозможно? Повторяется (уже в который раз в истории нашей страны) процесс «укрупнения» (оптимизации, централизации и т.п.). Говорят, что это процесс неизбежный. Повторю еще раз слоган Рене Дюбо: «Храните хранителей!». Если они уходят, среда, природная, социальная, культурная, частью которой они были,

неминуемо деградирует. Только те, кто так считает, забывают про «человеческий фактор».

На днях еще раз смотрел две передачи по ТВ: старую – о городе Мышкин и его людях по каналу «Спас» и повтор очень давней встречи с читателями писателя Виктора Астафьева по каналу «Культура». Живет в Мышкине удивительный человек, Владимир Александрович Гречухин, о его упрямой деятельности (иного слова не подберу) на благо своего города я писал еще в конце 1980-х гг. Сегодня Гречухин, краевед, почетный гражданин города, заслуженный деятель культуры, председатель районного общественного собрания, член Всероссийского клуба малых историко-туристических городов. В его работе – самые разные инициативы, вплоть до создания районного историко-культурного региона с центром в его родном городе. Но для меня Гречухин, прежде всего, энтузиаст, активист, альтруист! Человек, уже много лет подряд, пекущийся о благе своего города и его жителей.

Гречухин сотоварищи пошел одновременно и вширь, и вглубь. Вширь, убеждая местное, а потом и региональное и областное начальство в социальной практической значимости истории вообще и исторической памяти «места» в частности. Тем самым развенчивая миф неизбывной косности местных властей. Вглубь, потому что, собирая по крупицам историю г. Мышкина, Гречухин вовлекал в эти поиски все новых людей. И за четверть века своей подвижнической деятельности добился-таки своего: Мышкин стал не только притягательным центром историко-культурного туризма, постепенно догоняя города-памятники «Золотого кольца». Но своим личным примером Гречухин показал окружающим силу «единицы», которая постепенно превращаясь в мощную гражданскую инициативу, реально спасла город от вырождения. Оказалось, что «макро-статика» и «микро-динамика» не противоречат друг другу, если хорошенько поискать и постараться. Оказалось также, что не только пресловутые «инвестиции», но и целенаправленные усилия, опыт и самые разные знания-умения местных активистов, тоже капитал. Капитал, который от его «употребления», не только не сокращается, но, напротив, возрастает. В стране этот капитал серьезно сократился, но он все же еще существует. Конечно, для возрождения моногородов нужны инвестиции, но и без энтузиазма «местных» граждан деньги могут опять уйти неизвестно куда.

Виктор Петрович Астафьев известен куда более широко, чем В.А. Гречухин, хотя ТВ «картинка» уравнивает малое с большим, создавая, как утверждают культурологи, «коллажное сознание». Но для меня и, надеюсь, для многих других, эти два человека одинаково важны. Важны потому, что они – патриоты своей страны, включая свою «малую Родину». Что они сохраняли память о прошлом, каким бы разным оно ни было. Потому что они доказали делом, что работать и приносить пользу своей стране можно не только живя в столицах, но и российской глубинке. В той давней встрече на ТВ Астафьев (он жил тогда в Вологде, а позже вернулся в свое родное село Овсянка, что в Красноярском крае) назвал себя «провинциальным писателем», потому что там, в провинции, сказал Астафьев, можно работать! Прав был наш великий поэт: «Служенье муз не терпит суеты...». Оказывается, что даже в наш глобальный век «единица» вовсе не «ноль». Память о прошлом и упорный каждодневный труд – великая сила преодоления. Это – не громкие слова, перечитайте еще раз «Последний поклон» Астафьева, и вы поймете, о чем я говорю.

Недавно в кулуарах одного из заседаний я был назван «преуспевающим блогером». Прекрасный титул, потому что сегодня и писатель, и научный работник – это не только исследователи, но также просветители, распространители знаний, в том числе знаний о прошлом страны и её людях. Напомню, что в конце жизни А.И. Солженицын не только объехал ряд малых городов срединной России, но и создал некий новый писательский жанр: «крохотки». Что ж, для узкого профессионала блога –

это тоже малый жанр, не позволяющий ему превратиться во «флюс», как говорил Козьма Прутков.

12.10.2015

Управление как вероятностный процесс

(выступление на Ученом Совете Института социологии РАН 30.09.2015)

Управление, даже в тоталитарных обществах, не сводилось к однозначному акту принятия решений, потому что *управление – это процесс*, а не одномоментный акт. Вот почему наши зарубежные коллеги все чаще предпочитают говорить о регулировании, то есть употреблять термин, который имеет множественную коннотацию. Российские авторы осуществляют этот переход, так сказать, явочным порядком. В заглавии статьи обычно пишется «управление», а по мере развития темы оказывается, что имеется в виду целый веер социальных действий и соответствующих перемен.

Я взял несколько ключевых работ западных авторов и международных исследовательских организаций по глобализации и по экологическим проблемам [Beck, 1992, 1999; Beck et al., 1994, World Social Science Report, 2013] и составил «тезаурус» наиболее употребляемых терминов и понятий. Вот их далеко не полный перечень: adaptation, adjustment, brain-storming, coping with, consulting, contest, curing, bargaining, destruction, dialogue, dictate, domination, expertise, governing, nursing, feed-back, operation, resistance, recommendation, recovering, rehabilitation, repairing, role-playing, repression, ruling, social change, struggle, sub-politics, treatment, scenario-building, taming и множество других. Один только термин bargaining имеет множество значений: вести переговоры, договариваться, торговаться, заключать сделку, прийти к соглашению, условиться и т.д. Еще более удивительно, что современные российские политологи и экономисты-международники мыслят тоже в иных терминах: асинхронная социодинамика, кризис как политический шок, смена геополитического вектора, цена политической риторики и т.д.

Все это говорит, по крайней мере, о следующем. Во-первых, «управление» – это именно многосторонний процесс. Во-вторых, этот процесс многоступенчатый. По мере того, как «решение» спускается по бюрократическим ступеням вниз, к возможному исполнителю, оно может трансформироваться до неузнаваемости и даже иметь противоположные предполагаемым результаты. Более того, в международной практике «решения» все чаще имеют рекомендательный характер и/или представляет собой дорожную карту, которая может изменяться по ходу дела. Но одновременно существуют и жесткие стандарты, скажем, на качество бензина или дизельного топлива. Так образом, процесс принятия решений – носит вероятностный, а не детерминистский характер, хотя в нем всегда есть «опорные точки», фиксирующие достигнутые ранее соглашения и законодательные акты. В-третьих, «управление» – отнюдь не линейный процесс: он изобилует остановками и возвратными ходами. В-четвертых, как видим, используемые термины взяты не только из разных областей социального знания, но и из медицины, естественных и точных наук. Это очень важный момент междисциплинарного взаимодействия. Ученые, которые работают в поле *проблемного знания* (а не дидактики), не дожидаясь помощи методологов и теоретиков междисциплинарного анализа, «явочным порядком» осуществляют междисциплинарное взаимодействие. И что самое главное, вполне понимают друг друга! Для тех, кто знаком с историей общественнознания, это – не новость, потому что многие политики не кончали политологических факультетов, а социологи мирового уровня вышли не из стен социологических факультетов, а из таких сфер познания как философия, медицина и даже урбанистика. Под давлением сложных и нестандартных проблем в мире происходит отказ от моно-дисциплинарного знания в пользу *компетенций*, необходимых для решения этих проблем. Вот ключевой набор любой

«компетенции»: проблемное мышление, общительность и, в частности, способность к междисциплинарной коммуникации, владение технологиями презентации предлагаемых решений.

Перейдем теперь на самый нижний, поведенческий уровень. Опыт показывает, что все наши повседневные решения, как-то: «обещаю», «приеду», «приду», «принесу», и т.п., носят, как правило, вероятностный характер. Они именно таковы, потому что наши планы и намерения сталкиваются с планами и намерениями других агентов повседневного процесса, социальными, природными, техническими, просчитать совокупное воздействие которых на отдельный поведенческий акт просто невозможно. Даже элементарный дождь может сорвать важное мероприятие городского масштаба, не говоря уже об участившихся в нашей стране стихийных экологических бедствиях. Вину за эти повседневные отсрочки и задержки мы обычно принимаем на свой счет (не рассчитал, опоздал, попал в пробку и т.п.), однако в действительности эти частные «сбои» имеют под собой фундаментальную причину – они детерминируются *вероятностным характером всех общественных процессов*. Что является еще одним подтверждением концепции общества всеобщего риска.

Итак, управление – не желание и не отдельный поведенческий акт, а многосторонний процесс взаимодействия. Говоря это, я не собираюсь «утопить» акт принятия решения в бесконечной цепи интеракций, поскольку постоянная рефлексия и мониторинг достигнутого (или проваленного) – неотъемлемые компоненты этого процесса. Но без их учета управление остается в лучшем случае благим пожеланием, а в худшем – может сломать жизнь многих людей. Так что в строго теоретическом смысле окончательных решений не бывает никогда.

01.10.2015

Или—или! О пропаганде дихотомического мышления

Радиостанцию «Эхо Москвы» отличает быстрота реакции, профессионализм, разнообразие тем и точек зрения. Всё было бы прекрасно, если бы не один момент, который меня как социолога сильно напрягает. По «Эху» (но и по многим другим радиостанциям тоже) по несколько раз в день проводится голосование их слушателей. Все понимают, включая самих идеологов этого типа вещания, что такое голосование не репрезентативно – это лишь мгновенный и часто случайный срез общественного мнения постоянно меняющейся аудитории данной вещательной корпорации. Тем более, что ведущие подобных блиц-опросов часто формулируют свои вопросы слушателям буквально «на ходу», причем смысл первоначальной постановки вопроса может сильно изменяться.

Но всё же не это меня смущает. Смущает *построение этих блиц-опросов по жесткому дихотомическому принципу «Или—или»*. На «Эхе» и других каналах радиовещания исправно работает эта «машина голосования», вдалбливая своим слушателям мнение, что «третьего не дано». Даже наши властные структуры при всей их закрытости в ходе принятия решений вынуждены рассматривать варианты возможных решений. Я уже не говорю о многочисленных общественных слушаниях, где сталкиваются десятки точек зрения. Худо-бедно, но и здесь, и там *процесс* выработки решения *построен по принципу диалога* или, по крайней мере, имитирует его.

То есть таким манером наши радиостанции приучают своих слушателей к жесткому дихотомическому мышлению. А где же дискуссия? Где время на размышление? Где, наконец, право и возможность взять тайм-аут, как в судебных процессах, чтобы еще раз продумать варианты решений? Вспомните хотя бы фильм «Двенадцать разгневанных мужчин».

Это вопрос не технологический, а *мировоззренческий*. Чем больше мир будет жить по принципу диалогичности (многоголосия, по М. Бахтину), тем меньше будет неразрешимых конфликтов, тем больше шансов для достижения компромисса и согласия. Недаром в наш политический обиход всё больше входит понятие «дорожная карта», то есть выработка последовательности шагов для достижения согласия.

Зачем же постоянно, изо дня в день, навязывать нашим радиослушателям дихотомический принцип мышления, когда жизнь требует противоположного: разнообразия точек зрения и выработки в процессе диалога компромиссного решения. Как это сделать? – Это уже проблема идеологов и политтехнологов радиовещания. Но она вполне решаема, если немножко подумать.

09.02.2014

Хорошо ли мы знаем свою историю?

Недавно на ул. Мясницкой в Москве открыли памятник французскому урбанисту швейцарского происхождения Ле Корбюзье. Что ж, «пусть расцветают все цветы...». Но все же иногда полезно знать кое-что из российской истории и не только. Не раз в течение жизни Ле Корбюзье высказывался в том смысле, что нет возможности мечтать о сочетании города прошлого с настоящим и будущим... В Москве все нужно переделать, предварительно все разрушив. Как он писал в своей книге, «может быть только один выбор: “да” или “нет”, жизнь или медленное угасание». Или: «Прямая линия оздоравливает город, кривая несет ему разорение, всякого рода опасности и осложнения, парализует его жизнь... Кривая улица есть результат прихоти, нерадения, беспечности, лености, животного начала. Прямая улица – результат напряжения, деятельности, инициативы, самоконтроля. Она полна разума и благородства» (Ле Корбюзье. Архитектура XX века. Москва: Прогресс, 1970. с. 29-30). Если следовать его заветам, то завтра же надо начинать «выпрямлять» Бульварное кольцо, затем Садовое и т.д.

Ле Корбюзье фактически солидаризировался с идеей некоторых советских авангардистов, полагавших, что, сохранив «кусочки» дворянской, купеческой и т.п. Москвы, её генеральный план нужно кардинально переделать, упорно превращая столицу в грандиозный парк. Я отнюдь не поклонник сталинского режима, но, Слава Богу, что тогда при разработке Генерального плана Москвы 1935 г., его лидеры поставили задачу сохранить историко-культурное наследие нашей столицы. Насколько это удалось сегодня – другой вопрос.

В своих эстетических воззрениях Ле Корбюзье был радикалом. Вот он с удовольствием цитирует в своей книге чью-то мысль о том, что «Через двести лет американцы будут любоваться строго рациональными произведениями современной Франции, французы же будут поряжены романтикой небоскребов Нью-Йорка» (там же, с. 27). Прошло почти 100 лет, но я что-то не видел толп туристов, любующихся Дефансом, этим «бетонным» районом Парижа. В Лондоне теперь есть свой (улучшенный) «Дефанс», он называется Доклэнд. Он соединил в себе все виды и формы урбанизма, но опять же массовый турист предпочитает старый центр британской столицы.

А как тогда быть с «одноэтажной Америкой», равно как и с быстро растущей «одноэтажной Россией»? И тем, кто так восхищается творениями Ле Корбюзье, я бы посоветовал поинтересоваться, как в действительности были использованы такие его творения, как Марсельский блок или целый город Чандигарх. Впрочем, Ле Корбюзье был радикалом не всегда. Когда фашисты оккупировали Францию, он не вступил в ряды Сопротивления, а бежал в зону, незанятую немцами, где, скрываясь, продолжал

разрабатывать теоретические вопросы. Имеется в виду его «модуль», система новых пропорциональных отношений (там же, с. 299).

Но вернемся к зданию Центросоюза на Мясницкой ул., где сегодня поставлен памятник Ле Корбюзье. Я неоднократно бывал в этом здании. Судите сами. Во-первых, задуманная Корбюзье система межоконной вентиляции не могла быть реализована ни тогда, ни позже. В итоге летом «население» этого здания страдает от перегрева (были и случаи теплового удара), а зимой – от холода. Ведь окна-то архитектор запроектировал «ленточными», то есть сплошными на всю длину здания, на всех этажах!

Во-вторых, знаете ли вы, что такое «патерностер»? Нет, это не Молитва Господня, а постоянно движущийся многокабинный лифт без дверей («вертикальная лента»), в который надо было быстро запрыгивать и столь же быстро выпрыгивать! И горе тому, кто не успел: он рисковал остаться или без ног, или без головы. В-третьих, вместо лестниц – пологие пандусы. Да, они хороши для одиночного спокойного подъема и спуска. Но, не дай Бог, случится какая-нибудь авария или пожар! Неизбежно возникнет давка, и число жертв тех, которые бросятся бежать по этим пандусам вниз, будут исчисляться десятками, если не сотнями! Ну и наконец, наверное, только «Архнадзор» знает, какую историко-культурную ценность представляли здания, находившиеся здесь до начала строительства здания Центросоюза.

И еще. В 1950–55 гг. Ле Корбюзье построил капеллу Роншан для паломников, похожую, на мой взгляд, на «железобетонный гриб». Интересно, что бы сказали наши церковные иерархи, если бы такой «гриб» предложили бы соорудить рядом с Новодевичьим или Донским монастырем? Думаю, что не зря некоторые художники призывают защитить церковное искусство от обмирщения. Да, в России работали выдающиеся европейские мастера архитектуры – Бартоломео Растрелли, Аристотель Фиораванти, Джакомо Кваренги. Однако они тонко чувствовали специфику нашей православной культуры и внесли неоспоримый вклад в ее развитие. Может быть, уже пора поставить солидные памятники не только Василию Баженову и Матвею Казакову? И вообще, более тщательно реставрировать и сохранять памятники российской культуры и истории.

Наконец, коллеги-социологи: вы очень любите вступать на лихачевских чтениях. Честь вам и хвала! Но нельзя забывать, что именно академик Д.С. Лихачев был теоретиком и практиком российского краеведения. А это означает, что среду обитания надо реставрировать и сохранять целостно, комплексно, от зданий и улиц и до старой мебели и бытовой утвари. Это вовсе не значит, что я против новшеств и моды. Но мода – это одно, а сохранение памятников старины – совсем другое.

21.10.2015

Об этике социолога сегодня

Говорят, недавно состоялось совещание главных редакторов обществоведческих журналов по вопросам этики научных публикаций. Надеюсь, что выводы этого обсуждения будут доступны нашему профессиональному сообществу, потому что это – очень важная проблема. Ничуть не претендуя на всеохватность, хотел бы кратко изложить некоторые свои мысли по этому поводу.

Первое, прежде чем говорить об этике написания научных статей, вероятно надо бы понять, каковы сегодня этические требования к социологу вообще. Периодически рецензируя статьи и книги российских социологов, предназначенные для публикации в России и за рубежом, прихожу к печальному выводу. Очень много работ, отражающих профессиональную неграмотность российских авторов. Так что профпригодность – основа нашей этики.

Второе, это – не их вина, а результат общего состояния нашей науки и профессиональной подготовки молодых ученых. Несколько лет назад я, по поручению В.А. Ядова, вел семинар группы «продвинутых» студентов. Сегодня, спустя шесть лет могу констатировать: никто из них не стал ни ученым, ни преподавателем. Мои более удачливые коллеги говорят, что даже таких «продвинутых» потом нужно учить еще 5-6 лет. Значит, что-то не так в этических основах нашего цеха воспроизводства молодых специалистов. И уж точно – им недостает того мизерного жалования, на которое они должны выживать. И это – тоже вопрос этики – этики отношения государства к институту науки. До недавнего времени моя официальная ставка доктора и профессора была 27 тыс. рублей. А ставка московского дворника-мигранта – не менее 30 тыс. рублей. И вот молодой специалист должен решать, кем ему лучше стать: ученым (через 15-20 лет) или дворником здесь и сейчас?

Третье, одна из очевидных причин этого отставания – сам принцип организации учебного процесса. Мы продолжаем учить *«по предметам»*, а жизнь перед нами все время ставит *проблемы*. Но любая, даже мелкая бытовая проблема – всегда многосторонняя и, следовательно, междисциплинарная.

Четвертое, *временной разрыв* между обучением и жизнью все время увеличивается, потому что в эпоху глобализации и информатизации скорость перемен все время увеличивается. Мир постепенно переходит к «третичным» формам обучения: краткосрочным курсам, летним школам, дистанционному обучению без отрыва от производства и т.д. Сама жизнь нас призывает: сочетайте процесс обучения с социальным действием, с обучением практикой (метод, именуемый нашими западными коллегами *learning by doing*).

Пятое, великие русские ученые, естествоиспытатели и гуманитарии, всегда были не только исследователями, но и *гражданами своей страны*. Д.И. Менделеев, В.И. Вернадский, Н.И. Вавилов и многие другие естествоиспытатели не только старались формулировать политические требования, но и сами становились политическими деятелями. Как, например, тот же Вернадский, который долгое время был земским гласным (уверен, что мало, кто из студентов-социологов знает, смысл этого термина).

Шестое, наши Нобелевские лауреаты, П.Л. Капица, Л. Ландау, А.М. Прохоров, говорили, что эксперимент важнее теории. Эту максиму не надо понимать буквально. Применительно к нашим дисциплинам она предполагает сочетание двух ролей: дистанционного исследования и *включенного наблюдателя*, то есть непосредственного свидетеля текущих событий. Да, вторая роль сложнее и подчас опаснее, но она необходима.

Седьмое, мир изменяется все быстрее, причем самым непредсказуемым образом. Сейчас, в кризис, экономисты строят *сценарии развития страны* при возможных поворотах истории. А социальная прогностика, развивавшаяся в советские времена, исчезла как самостоятельная социологическая дисциплина. Мне возразят: уже проведенное исследование есть основание для прогноза. Но коль скоро Россия включена в глобальную систему, она должна учитывать её возможные тренды и бифуркации.

Теперь три замечания по поводу этики научных публикаций.

Наша обязанность продвигать результаты наших исследований в международные гуманитарные издания. Профессионалы всего мира все еще очень плохо осведомлены о социально-политических процессах в России. Однако без знания английского туда путь закрыт.

Пора, наконец, перестать копировать западные концепции и методики. Метод и теория всегда отражают реальность. Примеров достаточно: К. Маркс, М. Вебер,

З. Бауман, М. Кастельс и все другие. Все они строили свои концепции на изучении окружавшей их реальности.

Наконец, вас всегда опубликуют в международном онлайн журнале, если вы продемонстрируете свою осведомленность о работах ваших предшественников и современников.

01.03.2016

Просветители и популяризаторы научного знания

Во времена советской власти с рядом отраслей научного знания были серьезные проблемы. Я имею в виду биологическую науку, в частности, генетику, кибернетику, глобальную экологию и ряд других. Советская власть держалась на двух китах: идеологии марксизма-ленинизма и технократическом подходе к социальным проблемам. Как они уживались – другой вопрос.

Но идеологический призыв «быть во всем первыми», «побеждать любой ценой», мобилизация знаний и человеческих сил для достижения этих целей всегда присутствовали. Отсюда и идеи «социалистического соревнования», «стахановского движения», «передовиков производства», «маяков», движения изобретателей и рационализаторов и т.д. То есть идея конкуренции всегда присутствовала, но в иной идеологической обертке.

Все население с молодых ногтей снабжалось прекрасно оформленной и миллионными тиражами изданной научно-популярной литературы. Видные ученые возглавляли Всесоюзное общество «Знание» и его республиканские филиалы, при этом обществе также была мощная издательская база, а работа популяризаторов науки очень хорошо оплачивалась. Я, например, при окладе в 120 руб. в месяц мог заработать за тот же период времени 800–1200 руб., изготавливая цветные вкладки в тома «Детской энциклопедии». Советский народ с детства воспитывался на научно-популярной литературе.

С началом перестройки и особенно в ходе распада СССР ситуация кардинально изменилась. Все подобные издательства резко сократили свою деятельность, а людям, бежавшим из бывших республик Союза, было не до просвещения. Тем не менее, желание обладать знанием о передовых рубежах науки осталось, тем более что массовые журналы умели комбинировать рассказы об открытиях и изобретениях и полезные технические советы, которые часто приходили от массового читателя. Такая вот была прямая и обратная связь. Приведу конкретный пример.

Русская семья, бежавшая из Душанбе в Россию, могла взять с собой лишь самое необходимое. Но глава семьи, квалифицированный рабочий, взял с собой огромную пачку журналов «Наука и жизнь», которые он выписывал много лет. Взял и в целости привез в барак под Тарусой, где семья на первое время поселилась. И берег их до смерти.

Просвещение детей и подростков – отдельная тема. Я не специалист в этой области, поэтому могу опираться только на собственный опыт и опыт друзей и коллег, занимающихся этой темой профессионально.

Сегодня краткий экскурс в эту область российской культуры неутешителен. В 1930–40 гг. в Советском Союзе возникла мощная когорта детских писателей и просветителей, разделить которых было трудно. Упомяну лишь некоторых, наиболее известных. Михаил Ильин «Рассказы о вещах»; Борис Житков «Почемучка»; Олег Писаржевский «Как человек стал великаном»; акад. А. Ферсман «Рассказы о самоцветах» и т.д. Мои первые книги Г. Адамова и акад. В. Обручева я уже упоминал. В те годы возник специальный литературный жанр: познавательная детская литература. В таких специализированных издательствах как Государственное издательство детской

литературы (Детгиз) печатались К. Чуковский, Л. Кассиль, Т. Гайдар и другие писатели первого ряда.

Будучи уже взрослым, я несколько раз пытался опубликоваться в журнале «Знание-сила», но безуспешно. Помимо новизны темы и занимательности сюжета в этом журнале были очень высокие требования к самому тексту как жанру научно-популярной литературы. Книги для детей были не только просветительским жанром – они одновременно исподволь приучали к хорошему литературному языку и инициировали такие подростковые инициативы как тимуровское движение.

Прошло более полувека, и что я вижу сейчас, наблюдая за происходящим и слушая еженедельную передачу «Родительское собрание» по «Эху Москвы»? В средних школах большие перемены. Математика, информатика и другие естественнонаучные дисциплины вытесняют из сетки уроков историю и литературу, переводя их (в лучшем случае) в сферу внеклассных занятий. Школьное образование, построенное по классно-урочному принципу, вынуждено все время догонять ускоряющийся бег социального времени. Невольно вспоминаю себя в третьем классе московской школы, когда при свете свечи наша старая учительница читала нам главы из романа А.К. Толстого «Князь Серебряный».

Сегодня средняя школа (за редким исключением частных лицеев) утратила свою воспитательную и просветительскую роль, она теперь учреждение, предоставляющее «образовательные услуги». Принудительное обучение «по месту жительства» не дает нужного результата. А психологическая, человеческая связь «учитель – ученик» утеряна.

Школьная самостоятельность вытеснена подготовкой к очередной математической или иной естественнонаучной олимпиаде, а их победители получают дополнительные баллы при поступлении в вузы. В результате перегружены все: и ученики, и учителя. В мое время нас, школьников, обязательно водили в музеи и картинные галереи, а иногда устраивали уроки прямо там, например, в Музее изящных искусств им. А.С. Пушкина. Эффект присутствия всегда играл огромную роль в воспитательном процессе. Сегодня эту роль взял на себя Интернет, но это – неравноценная замена, иначе люди перестали бы ходить в музеи.

Двор как среда первичной социализации утратил свое значение, ему на смену пришли компьютерные игры, все более изощренные и жестокие, это своего рода информационный наркотик, если за подростком нет контроля. А какой сегодня может быть контроль, когда родители заняты добыванием средств существования, когда во многих семьях нет отца, а есть вечно пьяный «мамин дружок», которому лучше не попадаться под руку и т.д.

Место двора заняла «улица», реальная и виртуальная. Где, однако, нельзя просто быть – надо занимать чью-то сторону, право (читай, бесправие) сильного снова в моде, телевизор полон сцен насилия и убийств. Но техника идет вперед, и сегодня уже нет необходимости сидеть дома и смотреть телевизор – можно сколько угодно и где угодно смотреть в свой гаджет, чтобы увидеть тот же триллер или боевик. Ежедневно из окна я вижу этих подростков, идущих из школы, точнее – не их, а светлячки их непрерывно движущихся экранов. Такая вот сюрреалистическая картинка 20-х гг. 21 века.

Все эта виртуальная «силовая» среда трансформируется в индивидуальные и коллективные способы морально-психологического давления, унижения и открытого насилия, сцены которого потом выкладываются в интернет. Детская психология перенимает западную терминологию описания этих сцен унижения и насилия: моббинг, буллинг, кибер-буллинг и т.д.

12.03.2012

Ожесточение, хамство, угрозы

Мир быстро катится назад, к архаизации и жестокости. Египет, Алжир, Мали и далее везде. Ни одна из революций арабской весны не закончилась шагом в сторону демократии и уважения к правам личности. То же можно сказать о динамике на постсоветском пространстве. Даже доисторический человек не убивал своего соседа просто так. Даже в примитивных обществах людей не убивали из любви к искусству. Да, в архаических обществах существовали ритуалы приношения людей в жертву высшим силам. Позже, жестоко наказывали и казнили, но на это существовали выработанные обществом правила и нормы. Конечно, были и разбойники, и корсары, и наемные убийцы и отравители. Напомню, что в те времена большинство людей имели при себе оружие.

Но вот чтобы, так как сегодня, выбрасывать маленьких детей из окна городской многоэтажки или в пьяном угаре убивать подряд жену и малолетних детей, чтобы на улицах городов пьяные водители давили всех подряд, чтобы были такие средоточия насилия и убийств как Куцевка или Согра, такого еще не было. Причем почти любое насильственное действие совершалось не просто так, а со словами: «Сейчас я его уделаю!» Или урою, закопаю и т.п. Азарт безнаказанности насильника, неважно в интернет-игре или на улице, – еще одна характерная черта «избывательного права». И это не только наша страшная социальная болезнь – здесь нас обгоняют Америка, Норвегия и многие другие страны, которых мы считали образцами европейской цивилизации. Бедный К. Маркс, ведь он считал, что «воздух города делает человека свободным». Да, сегодня город сделал «правильных пацанов» свободными от всех и всяческих моральных обязательств.

Есть несколько причин массового распространения этого «всеобщего избывательного права». Первая – это либеральная идеология, понятая массами как свобода безо всяких ограничений, которая породила «массовую отрицательную селекцию» (П. Сорокин) во всех сферах общества. Вторая – это столь же искаженное понимание рынка как возможности отъема собственности и самой человеческой жизни. Ведь убийство конкурента – всегда самый простой и быстрый способ обогащения, если ты не умеешь делать деньги из воздуха. «Всеобщее избывательное право» здесь применяется наиболее широко. М. Вебер со своей протестантской этикой тоже переворачивается в гробу. Третья причина, которую неправильно называют «бытовой», это та, которую Д. Мережковский назвал Грядущим Хамом. Мережковский называл его духовным мещанином, но сегодня он превратился в мещанина воинствующего, признающего только право сильного и отрицающего все остальные моральные нормы. Из общества индивидуалистического мы быстро превращаемся в общество эгоистическое. В сущности, «всеобщее избывательное право» есть порождение постмодернистской идеологии с её культом «свободной воли», волюнтаризма и проповеди эстетического имморализма (Ф. Ницше).

Самое страшное, что эту социальную болезнь сегодня некому лечить. Российская интеллигенция в своей массе духовно умерла, другая её часть эмигрировала, третья деградировала, став сервильной. Массовый обыватель запуган, старается меньше показываться в местах скопления людей, ставит железные двери, врезает хитроумные замки. Уже не грядущий, а Пришедший Хам не может, подобно барону Мюнхгаузену, вытащить себя из этой пропасти за собственные волосы. Остается государство и его бюрократия. Но сможет ли она, сильно проросшая коррупцией, кумовством, воровством и стяжательством, остановить сползание нашего общества к ситуации, описываемой биологами всего двумя словами «хищник—жертва»?

27.01.2013

4. Глобализация как социокультурная проблема

Начну с истории вопроса. 19 февраля с.г. был опубликован Указ Президента Российской Федерации № 176 «О стратегии экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 года». Этот важный документ касается не только охраны природы, но и всей среды обитания жителей Российской Федерации. Пожалуй, впервые, этот государственный документ (за которым в течение трех месяцев будет разработана система мер по его реализации) столь определенно ориентирует экономику, политические институты, науку и систему образования, равно как и все население РФ, на комплексную реализацию вышеназванной стратегии. Естественно, что реализация этой стратегии окажет существенное влияние на структуру и динамику социального пространства России.

В этой связи хотел бы обратить внимание коллег-социологов на примечательный факт из истории русской науки. Еще в XIX – начале XX веков многие русские ученые-естествоиспытатели (В.И. Вернадский, Д.И. Менделеев, А.Л. Чижевский), историки и публицисты (В.В. Лаппо-Данилевский, основатель петербургской исторической школы, П. Сорокин, П.П. Семенов-Тянь-Шанский, Д.И. Шаховской, В.А. Гиляровский) краеведы и культурологи (И.М. Гревс, Д.С. Лихачев, Н. и Т. Анциферовы), обращали внимание на факт *непрерывности социального пространства*. Его могли обозначать по-разному: среда обитания, жизненный мир, пространство жизни, взаимодействие социальных и естественных производительных сил и т.д., но скрыто и явно в этом ряду понятий центральное место занимал именно *момент непрерывности*, интегральности этого пространства. Естественно, что многие из названных выше ученых, будучи энциклопедически образованными людьми, воспринимали окружающий их мир как нечто целое. Ниже приводится красноречивый пример того, когда, казалось бы, частная проблема («земельный вопрос» в России) стала, по существу, глобальной и междисциплинарной.

Теперь – о сути «земельного вопроса» сто лет назад. В феврале и мае 1917 г., выдающийся русский ученый В.И. Вернадский опубликовал две работы «Аграрная проблема и научная исследовательская работа» и «Об основаниях аграрной политики России». Органическое соединение науки и политики – отличительная черта этих работ. Вернадский подчеркивал, что «земельный вопрос, несомненно, один из самых коренных вопросов России, который глубочайшим образом волнует народ, поникает в его гущу» [здесь и далее цитаты даны по кн. Вернадский В., Публицистические статьи, М.: Наука, 1995].

Аграрный вопрос в равной мере «состоит из трех равноценных частей: 1) распределения удобной для земледельческого использования земли; 2) поднятия её производительности и 3) превращение не годных для земледелия земельных площадей в площади годные» (там же, с. 229). Однако, как пишет он далее, «при этом упускается из виду еще одна сторона земельной реформы, которая не учитывается и не сознается в своем значении... В практическом разрешении земельной реформы в областях увеличения производительности земли, её возможного использования, улучшения мы на каждом шагу наталкиваемся на вопросы, которые не могут быть разрешены без научного знания, а между тем, <они> научно не изучены и не разрешены, требуют, прежде всего, широкого научного исследования» [Там же, с. 229]. Как отмечалось в программе VIII съезда Конституционно-демократической партии (кадеты), Необходима широкая постановка землеустроительного дела, в частности, система мер по подъему производительности трудового землевладения. Речь шла о мелиорации, системе сельскохозяйственных кредитов, о мероприятиях агрономического характера и т.д.

В документе подчеркивалось, что необходимо широкое содействие сельскохозяйственному образованию. Эксплуатация лесов должна определяться общим

планом, обеспечивающим как правильную постановку лесного хозяйства, так и удовлетворение нужд страны, охрану лесов защитного назначения. Государству должно быть предоставлено верховное право регулировать пользование внутренними водами, как источниками движущей силы, а также для целей орошения. И далее Вернадский говорит, что научная не изученность проблемы встречается в России повсюду, в авиации, военной и подводной технике, химической промышленности и т.д. То есть это – проблема общегосударственная!

За год до этого в программе «Об основаниях аграрной политики России». Вернадский писал: «...государственный элемент нашей аграрной программы заключается в достижении большего социального мира и в упрочении национального богатства, в достижении большей государственной устойчивости» [Там же, с. 208].

Но Вернадский, ученый и политик, не останавливается на этом. И он формулирует основные принципы аграрной политики российского государства. Вот они: идея социальной справедливости; идея государственной устойчивости; идея государственной справедливости, то есть обеспечения всем гражданам равную и одинаковую охрану их жизни, их имущества и их деятельности; идея государственной экономии, чтобы национальное богатство, добытое в том числе, крестьянским трудом, не растрачивалось. «Аграрная реформа должна быть произведена с наименьшей возможной (и учтенной) потерей достигнутых прошлым трудом и мыслью форм земледельческой техники;

Идея разумного и максимального использования естественных производительных сил государства. Государство должно стремиться, что бы конечный продукт получался не хищнически, а с минимальной затратой энергии естественных производительных сил и столь же минимальным её рассеиванием; и, наконец, идея связи государственного хозяйства с *мировым и равнения этого хозяйства по уровню данного времени.*

Для социологов, изучающих процессы глобализации, наверное, интересно, как трактовали *термин социальное пространство* русские ученые 100 лет назад. Очевидно, что при глубоком и широком *мировом торговом обмене и общем использовании всего производимого человечеством на всем земном шаре*, государственная политика в области земледелия в России не может вестись так, как будто она ведется на необитаемом острове. Необходимо не только использовать имеющиеся у нас ресурсы страны, но надо их использовать так, как это в данный момент наиболее выгодно – по мировой конъюнктуре – с точки зрения национального баланса и интересов человечества» [Там же, с. 240].

То есть Вернадский выступал за разумное, сбалансированное сочетание национальных и глобальных интересов! И вот здесь ученый выдвигает не менее важный аргумент. «Россия по своей истории, по своему этническому составу и по своей природе – страна не только европейская, но и азиатская, корни действующих в нашей стране духовных сил уходят не только вглубь европейского, но и вглубь азиатского былого; силы природы, которыми мы пользуемся, более связаны с Азией, чем с Европой». Поэтому, продолжает он, *мы должны «чувствовать себя не только европейцами, но и азиатами*, и одной из важнейших задач русской государственности должно являться сознательное участие в том возрождении Азии – колыбели многих глубочайших и важнейших созданий человеческого духа...». Для нас, в отличие от западных европейцев, возрождение Азии, то есть возобновление её интенсивного участия в мировой жизни человечества ...это есть наше возрождение». И, несомненно, *«в этом всемирно-историческом процессе необходимо более точное знакомство и более тесное общение России с жизнью Азии»* [Там же, с. 246]. Через три года, в лекции на Кооперативных курсах в Симферополе Вернадский высказался уже совершенно определенно: «Человечество, взятое в целом, не безразлично в <отношении> стихийных, естественных процессов, идущих на земной поверхности...

Составляя часть остальных организмов – живого вещества, – человек чрезвычайно меняет всю работу живого вещества. *Он вместо прежней природы создает новую культурную природу, резко меняет облик земной коры...* В общем, неизменно все время шло расширение области, захваченной культурой». Культура человечества представляет собой мощную геологическую силу [Там же, с. 287; подчеркнуто мною, О. Я.].

И далее – Вернадский прямо переходит на терминологию XXI века: «Мне кажется, что русская Азия должна быть возможно быстро покрыта государственной *сетью высших школ и научных учреждений*... И это будет «самым могучим и прочным *средством выявления скрытой силы* нашей государственной организации». В их основе «должно лежать всестороннее изучение прошлого и настоящего Азии в самых разнообразных их проявлениях, -- в области языкознания и истории, археологии, быта, фольклора, литературы, религии, искусства, музыки, экономических и материальных ресурсов» [Там же, с. 246-247]. Заметьте, Вернадский ставит на первое место не экономику, а науку и искусство, то есть *богатство духовной жизни*. Но, очевидно, что для обмена их ценностями и достижениями нужны развитые системы коммуникаций.

Что касается самой экономики, то Вернадский акцентирует внимание на «естественных производительных силах», которые, по его мнению, в азиатской части России намного превышают подобный европейский потенциал, в том числе, по потенциальным запасам энергии. Вернадский солидаризируется с Д.И. Менделеевым, который давно заметил, что «центр нашей страны будет все более и более передвигаться... на восток, должно быть, в южную часть Западной Сибири» [Там же, с. 247]. Замечу, что уже в 1915 г. Вернадский создает Комиссию по изучению естественных производительных сил, которая работает в сотрудничестве с Русским физико-химическим обществом [Там же, с. 249].

Третье методологически и политически важное соображение Вернадского касается самой сути территориальной организации страны. «Мы недостаточно оцениваем значение огромной *непрерывности нашей территории*. Подобно Североамериканским Соединенным Штатам мы являемся государством-континентом. Огромная сплошная территория, добытая кровью и страданиями нашей истории, должна охраняться как общечеловеческое достижение, делающее более доступным, более исполнимым наступление единой мировой организации человечества» [Там же, с. 247]. Но эта «непрерывность» может поддерживаться только развитой сетью путей сообщения.

Национально-культурное и иное разнообразие, подчеркивает ученый, является одновременно и её богатством, и источником *могущественных центробежных сил угрожающими «единому, связанному бытию этой сплошной территории»*. Поэтому задача «сохранения единства Российского государства – уменьшение центробежных сил в его организации – является одной из наиболее важных задач государственной политики» [Там же, с. 248]. Здесь ученый снова переходит на научный язык, утверждая, что лучшим средством и источником единения является как можно более *широкое и возможно полное знание и связанное с ним понимание друг друга*. «Должна оказываться широкая государственная помощь изучению истории, языка, этнографии, литературы населяющих Россию народностей, изучению родоноведения отдельных областей страны» [Там же, с. 248]. Разве это – не сетевой подход, причем органически соединенный с культурной и природной спецификой огромной страны?

И далее Вернадский указывает на три «ключа» для достижения единства в разнообразии. Один – это политика национальной свободы при сохранении государственного единства. Второй – это *развитие местной жизни*. «Местный центр использует и вызывает к жизни духовные силы, иначе невозможные к возбуждению».

Третий – это «организация научной работы, <которая> должна быть предоставлена свободному научному творчеству русских ученых, которое не может и не должно регулироваться государством. Бюрократическим рамкам оно не поддается» [Там же, с. 249].

Мировая война как процесс глобализации

Она – далеко не только военные действия, перестройка промышленности, мобилизация и т.д., писал Вернадский в феврале 1917 г. Вернадский обращает внимание на нее как на «*фактор всеобщности*», который оказал влияние на все, абсолютно все стороны жизни общества: хозяйственную, политическую и духовную, а также на психику людей. *Война быстро изменила духовную атмосферу жизни* [Там же, с. 242]. Наконец, и это прямо касается жизни современной, возросла роль науки. Причем не только в «организации защиты общества», но и «в общем направлении государственной деятельности» [Там же, с. 243].

И далее самый важный вывод: «Мысль людей направлена на будущее, на устройство жизни, в котором они были бы обеспечены от катастроф, подобных переживаемым, на возможно более быстрый и менее мучительный выход из последствий войны, на восстановление нарушенного войной государственного и частного хозяйства». При этом значение «научной работы» неизмеримо возрастает» [Там же, с. 243]. И в заключении – главное: «Наука едина и нераздельна. Нельзя заботиться о развитии одних научных дисциплин и оставлять другие без внимания. Нельзя обращать внимание только на те, приложение к жизни которых сделалось ясным, и оставлять без внимания те, значение которых еще не создано и не понимается человечеством» [Там же, с. 244]. Отсюда логически вытекает апология Вернадским *сетевой организации научно-исследовательской и образовательной работы*.

Но Вернадский никогда не забывал о *гражданской стороне деятельности* этих социальных институтов. Для прояснения его позиции вернемся несколько назад, к тому времени, как писал ученый, традиция университетского самоуправления вошла в плоть и кровь их жизни. Первая серьезная волна *протестного движения студентов* (тогда они назывались студенческими беспорядками) началась в 1905 г. «Забастовка – самая дикая и самая ужасная форма студенческих беспорядков. Её легче провести, так как она – форма *пассивная* и имеет ореол успеха... Трудно, однако, исчислить тот вред, который принесла и приносит высшей школе эта форма борьбы... Она не только разрушает всю учебную жизнь школы, но пагубно отражается на молодежи, приучая её к безделью и внося в нее разврат... Ибо после её прекращения жизнь заставляет какими бы то ни было путями, обычно унижительными, уменьшать нанесенный ею отдельным лицам практический вред»; происходит моральная дезорганизация студенческой массы. Одновременно правительственными мерами был фактически разгромлен Московский университет. Еще раньше из него был удален проф. М.М. Ковалевский. Вернадский полагал, что университет создан для науки, а не для политики [Там же, с. 192, 195].

Из сказанного выше логично вытекает *поворот ученого к геополитике*. Уже во время гражданской войны Вернадский публикует несколько «Писем о Западе». Это – отдельная тема, здесь же я отмечу только, что Вернадский, следуя традиции русской философской и исторической мысли, не только оценивает меняющуюся расстановку сил внутри России, но и обращается к теме «Россия и Запад», еще раз подчеркивая, что *события в России нельзя рассматривать в отрыве от динамики мирового контекста*. Фактически, эти письма представляли собой беглые очерки по проблемам геополитики. Эта тема интересовала ученого вплоть до глубокой старости. Как следует из его дневников, Вернадский намеревался написать новейшую историю России, что еще раз подтверждает мысль о его желании описать эту историю в контексте перемен XX века.

Систематическое изложение взглядов Вернадского на состояние и перспективы российского общества и его науки в годы войны не является целью данной заметки, это – задача для историков и науковедов на будущее. Мне было важно показать, насколько русская научная мысль 100 лет назад была устремлена в будущее, опередив при этом многие современные исследования глобализации в англо-саксонской социологии и других отраслях общественнознания.

Присмотримся еще раз к теоретическому и методологическому аппарату, на котором основаны приведенные выше мысли и рассуждения. Во-первых, это *понимание мира как единого целого*, или, как его называет Вернадский, «фактор всеобщности». Всемирно-исторический процесс, мировой торговый обмен, ориентация на конъюнктуру глобального рынка, единство науки, научный обмен – все это разные стороны понимания мира как целого. Во-вторых, это *взаимосвязь социальных и «естественных производительных сил»* и, соответственно, её отражение в государственной и научной политике.

В-третьих, это общеисторический тренд к все более тесному взаимодействию стран и народов, или, как его именует Вернадский, движение к *мировому сожителю народов*. Не забудем, что, согласно Вернадскому, что природа всегда едина (что всего через пять лет получило свое научное обоснование в его концепции Биосферы). В-четвертых, это – социальное и политическое значение «непрерывности нашей территории». Причем *«непрерывность» это – не географическое, а социальное понятие*. Речь, в частности, идет о тесной взаимосвязи экономики и жизни европейской и азиатской частей нашей территории.

В-пятых, это *понимание науки как важнейшей производительной силы*, значение которой в периоды мировых войн и конфликтов только возрастает. Вернадский жестко (я бы сказал, непривычно жестко для его обычной манеры изложения) противопоставляет научное творчество и бюрократические барьеры. В этом вопросе его мнение императивно: *наука нераздельна, научное творчество свободно и бюрократическому регулированию не подлежит*. Эту максиму он положит в основу своей научной этики, и будет повторять на протяжении всей своей жизни.

В-шестых, охрана природы или, в терминологии Вернадского, сбережение естественных производительных сил (что, в моем понимании, более точно), есть часть государственной политики. В-седьмых, Вернадский трактует Первую мировую войну как *фактор, изменяющий все сферы жизни мирового сообщества и заставляющий его думать о будущем*. В послевоенных условиях (сегодня мы сказали бы, пост-критических) роль науки резко возрастает.

В-восьмых, ученый постоянно обращает внимание на необходимость *сетевой организации* научных исследований и образовательного процесса. В-девятых, Вернадский, будучи государственным, как бывший земский гласный, не забывал подчеркивать значение местной власти и местного самоуправления даже в кризисных и критических ситуациях. «Местное население должно быть теснейшим образом связано с местной властью... Выбор и подбор носителей местной власти должен находиться в руках местного населения, и центральная власть должна иметь как нормальное условие лишь право утверждения или выбора их кандидатов, но не право прямого назначения» [Там же, с. 280].

В-десятых, объяснение такой разносторонности интересов и видов деятельности Вернадского мы находим в его биографии. Со студенческих лет Вернадский понимал свою жизнь как неразрывность профессионального и гражданского опыта, общения в узком кругу студенческого братства и публичной деятельности. Научная и публичная деятельность были для него частями единого целого. Последняя была для него не просто «общественной работой», а еще одной сферой профессиональной деятельности. За короткий период Вернадский успел поработать земским гласным (Моршанского

уезда Тамбовской губернии), стать членом ЦК кадетской партии, одним из создателей Украинской академии наук, ректором Таврического университета в Крыму, организатором всероссийской Комиссии по изучению естественных производительных сил, создателем многих комиссий и научных сообществ. И, конечно, он был публицистом, считавшим своим долгом разъяснять читающей публике, независимо от ее политической ориентации, суть острых вопросов и политических программ в условиях мировой войны, Февральской революции 1917 г. и последовавшей за нею гражданской войны. Вернадский не употреблял в своих работах такое слово как патриотизм, но даже краткие выдержки из приведенных выше работ показывают, насколько этот ученый и публичный политик был озабочен судьбой сохранения российской культуры, русского государства и сбережения его народа. Для него русская культура во всех ее проявлениях есть «великая мировая ценность» [Там же, с. 284].

Примечание. Именно В.И. Вернадский предложил тогда моему отцу прочесть несколько лекций по истории древней Руси в Таврическом университете в Крыму. Позже уже в Москве отец работал в созданной Вернадским Комиссией по изучению естественных производительных сил (КЕПС). Потом она была реформирована и переименована в Совет по изучению производительных сил (СОПС).

25.03.2016

5. Как я постепенно становился глобалистом

Сегодня социология личности не в чести. Современное общество – это общество массовых процессов и борьбы геополитических гигантов. И все же социально значимые исторические фигуры, как и рядовые граждане, не ушли со сцены. На протяжении полувека мировая и российская социология периодически возвращается к трудам и мыслям своих великих предшественников: Роберта Парка, создавшего концепцию «маргинального человека», Роберта Мертона, разработавшего концепцию «этоса ученого», «индивидуального жизненного проекта» Ульриха Бека и других. При ближайшем рассмотрении оказывается, что Толкотт Парсонс и Ирвин Гоффман были поначалу клиницистами и социальными психологами. Сегодня, скажем, без концепции *individual and his master frames*, созданной И. Гоффманом, просто не обойтись. Как и не обойтись без знания азов «социологии личности», разработанных Игорем Коном. Постепенно метод «устной истории» (*oral history*) и его дериватов, таких как глубинные интервью, я все чаще использовал в своей научной работе. То есть «высоколобая наука» без обращения к жизни рядовых граждан обойтись не может. Лишь много позже я получил подтверждение в правильности этого метода познания истории «через людей».

Когда дневники В.И. Вернадского были опубликованы (и прокомментированы Владиславом Волковым), оказалось, что Вернадский стремился написать историю России/СССР, используя именно этот метод, важнейшим инструментом которого было пребывание исследователя «в гуще жизни». Но и до Вернадского, русская историческая наука постоянно обращалась к архивам, которые велись не только в столице, но и во всех губерниях и церковных приходах (о степени подробности архивных записей я узнал из дипломной работы моего отца, окончившего в 1915 г. Историко-филологический факультет Университета им. Св. Владимира в Киеве).

Но вернусь во времена моего детства. Мой интерес к Арктике и вообще к геополитическим процессам сформировался именно тогда под влиянием походов в Арктику 1933-39 гг. на ледоколах Челюскин, Сибиряков, Литке и первой советской экспедиции на Северный полюс. А также под воздействием рассказов моего дяди, О.Ю. Шмидта, его друзей полярных исследователей и летчиков (Водопьянова и др.),

Объемистый трехтомник с прекрасными иллюстрациями – «Поход Челюскина» «Гибель Челюскина» и «Как мы спасали челюскинцев» – был моей настольной книгой, наряду с книгами о веке Великих географических открытий.

Имена Роберта Пири и Рауля Амундсена я знал с детства. Ближайшими друзьями моей сестры Ирины Яницкой была семья Георгия Алексеевича Ушакова, советского землепроходца и отважного зимовщика. В доме наряду с музыкой русских композиторов часто звучала музыка Эдварда Грига и Яна Сибелиуса. Забавно, но как выяснилось позже, родители хотели дать мне имя Свенальд, настолько сильным в те времена было их увлечение Севером. Эта аура Арктики, путешественников и покорителей нехоженных земель сохранялась и во времена моей юности, в чем немалую роль сыграл роман В. Каверина «Два капитана».

Великая отечественная война (1941-45 гг.) была для меня, подростка из благополучной советской семьи потрясением (только много позже я узнал, чего стоило это благополучие моим родным). Из среды благожелательных, образованных и в то же время бывалых людей я попал в совершенно иную социальную среду. Мать пропадала в госпитале, отец был постоянно в командировках. Я был как-то накормлен и одет, но был предоставлен самому себе. Вот уж настоящий «урок маргинализации личности» подростка.

Люди, которых я видел вокруг, были или ранеными (к маме в госпиталь я ходил по вечерам). Или же были членами, скажем мягко, воровской малины, которая была в подвале того дома, в котором нас, эвакуированных, поселили. Я по глупости ходил к ним в подвал, но они, как ни странно, не трогали меня. Напротив, они снабжали меня папиросами, сахаром и еще чем-то, что я тут же относил раненым в госпиталь. Это был первый урок «самостояния», который я кое-как выдержал, но не без потерь. Конечно, это была Казань, глубокий тыл, но война напоминала о себе и там. Летом 1942 г. я жил в интернате под Казанью, на станции «Займище». Рядом под горой была большая сортировочная станция Юдино, куда приходили эшелоны с разбитой техникой. Там мы, мальчишки могли найти многое: патроны, части обмундирования, разбитые фляжки. Как я там не подорвался на забытом снаряде, до пор удивляюсь. Но главное, что все это откладывалось в сознании подростка как свидетельство чего-то огромного и неизбежного.

В интернате нас опекали не «няньки», а сестры и жены академических работников. Там впервые в маленькой комнатке Лидии Александровны Давыдовой я с упоением слушал ее пересказ новеллы Оскара Уайльда «Кентервильское привидение». Но днем мы, старшие, были предоставлены сами себе. Нашим любимым занятием было спускаться в горки, где стоял наш интернат, на станцию Юдино. Там же, в Казани, я познакомился с людьми из «теневой экономики» военного времени, которые с вызовом нам говорили, «Кому – война, а кому – мать родная!». О том, что нас несколько раз обворовывали, я уже не говорю. «Плутония» акад. В.А. Обручева и «Тайна двух океанов» Г. Адамова были моими первыми, самостоятельно прочитанными книгами.

Позже, в конце Великой Отечественной войны, глобализм быстро становился моим индивидуальным мироощущением. Судите сами, имена И. Сталина, Г. Гопкинса, А. Гарримана, Ф. Рузвельта, У. Черчилля не сходили со страниц центральных газет и постоянно звучали в радиопередачах «черной тарелки», как тогда называли официально разрешенную радиоточку во всех учреждениях и квартирах. Географические карты с нанесением линии фронта висели не только в учреждениях, но и во многих квартирах. Мы, школьники, хотели знать, где же, наконец, будет открыт союзниками «второй фронт».

Когда война кончилась, отец начал читать курс лекций «У карты мира» в Академии МВД СССР. Но об этом он упоминал не часто, а вот несколько важных уроков по глобалистике и, в частности, о причинах и последствиях Второй мировой

войны, я получил, как ни странно, от дяди Миши, акад. М.В. Кирпичева, который был специалистом по термодинамике. Что еще раз говорит о всеобщем интересе к тому, что тогда происходило во всем мире. Да как не быть такому интересу, когда во всех учреждениях еженедельная политинформация была обязательным мероприятием.

Второй муж моей сестры Ирины прошел всю войну танкистом, и я видел, как война меняет психику людей помимо их воли. По окончании войны у нас на Смоленском бульваре, 13, было много других военных, выживших в той страшной войне. Старшая дочь друзей моих родителей, Люба Стогова, пошедшая на передовую медсестрой, не только спасала раненых на поле боя, но и поднимала в атаку бойцов своего подразделения. Она пришла с войны совсем другая, уверенная в себе, а на ее гимнастерке сверкали боевые ордена и медали.

Средняя школа занимает в моей биографии особое место. Это была особенная школа, № 59, что в Староконюшенном переулке (бывшая частная Медведниковская гимназия). Школа была технически ориентированная – в 1950-е гг. большинство её выпускников поступало в технические вузы. Непререкаемым авторитетом для нас был учитель математики Иван Васильевич Морозкин. Но в то же время, нас учили гуманитарии, настоящие мастера своего дела: историк Дмитрий Николаевич Никифоров и преподаватель литературы Мария Александровна Шильникова.

Они учили нас не только знать, но и любить литературу. Не только любить, но и понимать их общественный, общечеловеческий смысл. А Никифоров иногда проводил уроки истории в Музее изобразительных искусств, который был расположен недалеко от школы. Но мне лично Дмитрий Николаевич преподавал еще один важный урок: я рано понял, что обучение и запоминание «образами» (схемами, картами, рисунками) гораздо эффективнее, чем зачитывание текстов. Позже, во время учебы в Московском архитектурном институте, этот метод был углублен и развит. А сегодня, когда везде требуют «презентаций», без схем и графиков просто не обойтись.

Николина Гора как моя вторая среда обитания. Вся моя жизнь, начиная с одного года и до конца студенческого возраста, была встроена, вплетена в жизнь этого удивительного дачного поселка под Москвой. Пожалуй, нигде больше я такой высокой концентрации советской интеллигенции я больше нигде не видел. И что самое удивительное, практически все эти выдающиеся люди и высокие таланты были доступны.

До 20-летнего возраста я мечтал стать пейзажистом, следуя великим русским художникам Исааку Левитану, Михаилу Нестерову, Алексею Саврасову. Сразу после окончания Отечественной войны родители повезли меня в Плес, что на Волге, где Левитаном была написана его знаменитая картина «Над вечным покоем». Кстати опять, как бы снова случайно, жена моего двоюродного брата Владимира Шмидта, Ольга Владимировна, была в дальнем родстве с семьей другого русского художника Василия Поленова. А подругой Ольги была Ирина Шретер, внучка не менее великого русского художника М.В. Нестерова. У которой наряду с Линой Кравченко, дочерью еще одного русского художника А.И. Кравченко, я брал первые уроки живописи. Казалось бы, чисто «локалистская» ориентация: ходи с этюдником, смотри и пиши, пиши... О том, какое сильно впечатление произвела на меня сама возможность посещать квартиру М.В. Нестерова в Сивцевом Вражке и видеть некоторые из его картин, которые лишь много позже появились на его выставках, и говорить нечего. В шестом-девятом классах я параллельно учился в общеобразовательной и художественной школах.

Но в СССР того времени работы великих европейских художников – Поля Гогена и Винсента Ван-Гога пользовались большой популярностью. Так что для мира настоящего искусства железного занавеса не было. Понаслышке, тогда я уже знал имена отца и сына Рерихов. Наконец, русская художественная литература в то время была поистине всемирной и общечеловеческой. Не только потому, что вклад

Л. Толстого, Ф. Достоевского, А. Чехова, И. Бунина и многих других был признан как выдающийся вклад в мировую культуру. Но и потому что Чехов, Бунин, В. Короленко объездили не только Россию, но побывали в странах Востока.

Но вернусь на Николину Гору. Наверное, трудно объяснить это моим прагматически ориентированным современникам, каким наслаждением (и возбуждением для мысли) была возможность постоять у дачи композитора С. Прокофьева и послушать, как он сочиняет. Или посидеть на террасе, на даче у брата Владимира, куда приходили известные физики-теоретики, поэты, актеры. Через участок этой дачи шла тропинка, по которой ходила переводчица и поэтесса Т.Л. Щепкина-Куперник. А встречи со знаменитым физиком академиком П.Л. Капица за столом на даче у Калашниковых. Конечно, я еще был подростком, но ощущение, что вокруг меня происходят какие-то тектонические перемены в физическом и социальном мирах, осталось не всю жизнь. По моему глубокому убеждению, плотность духовной жизни на Николиной Горе 1930-50-х гг. была наивысшей, несравнимой с изолированностью и разобщенностью её современной жизни.

Концепция «железного занавеса» у меня всегда вызывала сомнения. В самом деле, даже если, как сейчас часто полагают, СССР находился в «кольце врагов», то знать, кто они, знать расклад геополитических сил в Европе и мире было просто необходимо. Так что даже официальная советская пропаганда систематически информировала население, включая нас школьников, о ситуации на глобальной политэкономической арене. Почему-то сегодня также забывают, что сами концепции классовой борьбы и диктатуры пролетариата были сугубо всемирными интернациональными доктринами.

Осенью 1956 г. перед дипломом я поехал в Венгрию в составе группы туристов. Мы там были в конце августа и получили серьезный урок реального интернационализма. Венгрия жила в преддверии антисоветских выступлений. Наша группа выбралась оттуда благополучно, а вот следующая, тоже состоявшая из архитекторов, попала прямо в сердцевину «венгерских событий» и была срочно эвакуирована пароходом чешского Красного Креста.

Через год после окончания вуза я получил еще один, куда более *важный урок интернационализма*. В 1957 г. в Москве проходил VI Всемирный фестиваль молодежи и студентов. Так как я уже с 5-го курса стал интересоваться творчеством известного бразильского архитектора Оскара Нимейера, то во время фестиваля я был прикреплен к молодым бразильским инженерам в качестве переводчика. Но не в этом дело: фестиваль – лучшее, что можно было придумать для того, чтобы познакомить нас, советских людей, со всем миром сразу. Но и этого мало. Незадолго до этого в Москву приезжал сам Нимейер, и мне с моим коллегой Володей Хайтом, посчастливилось с ним встретиться. Более того, Нимейер стал присылать нам не только книги о своем творчестве, но и фотографии со своих построек в новой столице Бразилиа. Фотографии такого качества, о котором можно было только мечтать! Когда в 1963 г. Н. Хрущев дал Нимейеру Ленинскую премию мира, наша книга о его творчестве (валявшаяся до того по разным издательствам) вышла практически мгновенно. Так, практически еще не покидая страны, я получил важный урок глобального мышления.

Вообще в 1930–60-е годы *идеология познания мира*, открытия неведомого, рекорда и первенства была в Советском Союзе чрезвычайно сильной. Она воспитывалась во мне и моих сверстниках с самого детства и прошла через всю юность. В СССР была замечательная познавательная литература для детей и юношества. Одни только книги «Почемучка» Бориса Житкова и «Рассказы о вещах» Михаила Ильина чего стоили. А все собрание сочинений Жюль Верна, разве оно не давало мощный импульс к познанию и фантазии?

Сегодня этого всеобщего стремления к знаниям и познанию неведомого я не ощущаю (этот «эффект плотности» бытия в разных средах позже повторился лишь однажды, жизнь в ИМРД и вокруг в 1960-х гг.). Есть другое – стремление к самоутверждению, к достижению материального благополучия и высокого социального статуса. Другой стороной той идеологии было *стремление к межличностному общению*, к получению знаний и навыков из первых рук, которое никак не заменить поисками в интернете и посещением профессиональных сетей. Третьей стороной было *ощущение глобальной защищенности*. Я, как и многие, верили, что мы надежно защищены от ядерного удара. Не гарантированы, а именно защищены. Была уверенность, что СССР – самая сильная ядерная держава, победившая во Второй мировой войне, и что мы – самодостаточны. Кстати, ошибаются те, кто думает, что пейзажист только ищет новые сюжеты, но не может создать ничего нового. В меру своих сил я стремился писать этюды в манере «контражур», то есть против света, солнца, достигая иногда при этом удивительного ощущения «присутствия», которое позже мне никогда не удавалось повторить! Свежесть, непредвзятость восприятия, не только природы, но и *социальных процессов* и научных проблем – залог достижения новых высот в любой творческой сфере.

Но пойдем дальше, по годам вперед. После окончания Института в 1957 г. я попал в Институт общественных зданий Академии архитектуры СССР. Институт был вполне рядовой, тем более что период «борьбы с излишествами в архитектуре» продолжался, а страна требовала не только много дешевого жилья, но и развития сети типовых обслуживающих предприятий (тогда не знали слова сервис, но знали слово «сети»). И пребывание в этом Институте было ежедневной рутинной бесконечных «разработок» для этого типового строительства, если бы не некоторые обстоятельства.

Моей первой учительницей (руководителем) была Ирина Рафаиловна Федосеева, человек высококультурный и знающий языки. Она засадила меня за изучение «зарубежного опыта», так тогда это называлось. И я с удивлением обнаружил, что этот «опыт» бы не только чисто архитектурным, но и вполне социологическим. Сидя в библиотеках несколько лет, я детально ознакомился работами Чикагской школы человеческой экологии, которые по недосмотру цензуры остались в открытом доступе библиотек. Отцов-основателей этой школы и до сих пор считаю своими первыми учителями в социологии. Именно тогда я получил четкое представление о ключевых понятиях урбан-социологии, которой занимаюсь и по сей день: урбанизация, социальная структура города, экология города, городской образ жизни, его информационные и ресурсные и т.д.

Постепенно я начал понимать, что архитектура, урбанистика и градостроительство – это разные сферы знания и проектирования (некоторые из моих коллег, да и из журналистов тоже, до сих пор не знают различия между ними). Изучая опыт строительства американских городов и торговых центров, я постепенно погружался именно в теорию и практику градостроительства, которые суть *междисциплинарные отрасли знания и проектирования*. Тем более что Институт градостроительства помещался этажом ниже, а библиотека была общей. Так мне удалось познакомиться лично с некоторыми выдающимися советскими градостроителями. Это литературное знание и межличностное общение было неожиданно подкреплено впечатлениями моих старших коллег, посетивших США. Это дало новый импульс к изучению социологической литературы.

Затем, поскольку тогда СССР претендовал на проведение очередной Всемирной выставки, ряд научных и проектных институтов должны были подготовить «фор-проекты» (планы, эскизы, рисунки) ключевой градостроительной идеи будущей выставки и предложить несколько мест для её размещения. Случилось удивительное: Оргкомитет подготовки выставки дал добро на облет территории Москвы. И вот

директор Института общественных зданий Академии архитектуры СССР и мы, несколько молодых архитекторов, совершили такой полет над самым центром столицы, включая Кремль, на вертолете, на котором летал сам Хрущев. Выставка не состоялась, но мой интерес к более глубокому познанию городской структуры и всей её механики возрос еще сильнее. Кроме того, этот опыт дал мне новый импульс к изучению истории и теории советского градостроительства.

Примерно в тот же период я начал читать лекции по социально-градостроительной тематике участникам ежегодным семинаров для архитекторов с периферии. Не обходилось и без «проколов». Читая в очередной раз лекцию о социологии жилища 1920-х гг., я вдруг услышал из глубины зала реплику: «Нет, это было не так!». Каково же было мое удивление, когда выяснилось, что это был Николай Сергеевич Кузьмин (190—1985), автор одного из проектов дома «нового быта», о котором я только что говорил. Много позже я осознал, что этот проект (при всем его внешнем радикализме) был вполне рационален, с научной точки зрения. Судите сами, проект Кузьмина был основан на концепции Научной организации быта, а она, в свою очередь, восходила к концепции научной организации труда (НОТ), одним из авторов и проводников которой был А.А. Богданов (1925). Но не только.

Это проект, внешне напоминающий казарменное устройство быта, был в действительности рационализацией того бытового уклада, который существовал в России конца XX – начала XIX веков на массе её фабрик и заводов. Когда я, студент МАРХИ, проходил военные сборы в Алабино под Москвой, то рядом был город Дедовск, типичный представитель именно такой организации рабочего быта той эпохи. Более того, я по молодости не учел того факта, что шахтерский городок Анжеро-Судженск, разоренный во время гражданской войны, жил именно таким укладом. И что же было плохого в том, когда Кузьмин (а ему тогда было всего 25 лет) запроектировал структуру повседневного быта следующим образом: рабочие (именно они!) вставали по звонку, одевали халаты, шли в гимнастическую комнату, потом душ, переодевание в обычную одежду, завтрак в общественной столовой и потом – на работу. Не знаю, что лучше: такой «заорганизованный», но вполне здоровый быт рабочей недели, а потом обязательные день или два отдыха с посещением рабочего клуба или библиотеки. Или же современный «диванный» быт, с ночными клубами, пьяными драками, поножовщиной, бешеной ездой по городу и т.д. То есть именно то, что предлагается массовому зрителю в качестве современной культурной нормы.

Тогда я начал понимать, что без детального и личного общения с историей не обойтись. Это не только дисциплинировало меня, но и создало целую сеть личных связей и симпатий. Видимо уже тогда я стал осознавать огромную ценность такого общения. Ведь вокруг меня, молодого градостроителя, были удивительные люди, составившие целую эпоху в истории советского урбанизма. Назовут только тех, с кем посчастливилось общаться лично: М.О. Барщ, мой непосредственный учитель в Архитектурном институте, В.А. Веснин, А. Дейнека, А. Иохелес, И.Н. Кастель, Н.Я. Колли, В. Лавров, Натан Остерман, Н.Б. Соколов.

Но не менее важным стало для меня общение с историками и теоретиками советской архитектуры и градостроительства: с Н.И. Бруновым, В.Ф. Кринским, Г.М. Орловым, В.Л. Ружже, В.Э. Хазановой, С.О. Хан-Магомедовым. Конечно, тогда это были или «учебные» встречи или же краткие разговоры. Кое-что я записывал, но многое было утеряно. Однако *ощущение ценности пребывания в разноплановой культурной среде осталось*. Постепенно я понял, что этот бесценный опыт как-то должен быть систематически зафиксирован. Что позже привело меня к необходимости профессионального овладения методом глубинных интервью. Эти личные беседы с элитой архитектурной теории и практики плюс тот материал, который я извлекал из

бесконечных «обследований» сети торгово-бытовых учреждений в разных городах страны, привел меня к трем принципиальным выводам.

Первый: градостроительство – одни из самых сложных видов профессиональной деятельности на свете, потому что проектирование и строительство города – это не предмет, а *проблема*. Второй, без изучения истории градостроительства и социологии города нельзя стать сколько-нибудь серьезным специалистом. Третий, *социолог города должен быть одновременно и аутсайдером, и инсайдером*. Почему именно инсайдером? Потому что исследователь, находящийся «внутри» проблемной ситуации видит эту проблему изнутри. Мне возразят: но это же будет односторонний взгляд да еще из одной точки проблемного пространства! Верно, и об этой односторонности всегда надо помнить. Но преимущества тут все же перевешивают. Вернадский советовал молодым ученым быть «в гуще событий». Но в «гуще» не значит раствориться, утонуть в ней. «В гуще» тоже возможен взгляд сверху и снизу, из самого центра событий, как это делают журналисты в горячих точках, но также и со стороны.

Да, это несколько рискованный метод, но зато социолог, решившийся стать на время «инсайдером», получает информацию из первых рук. При этом никто не мешает ему проверять и перепроверять её потом самыми разными методами, от фокус-групп до массовых опросов. Инсайдерская, в моем понимании, информация – это, по преимуществу, знания, полученные мною из первых рук. И что не менее важно – информация, полученная при личном контакте, когда любой мой вопрос респонденту может быть подвергнут уточнению или переформулирован. Более того, когда я собирал свой «Экологический архив» (2014), я просил некоторых моих респондентов прокомментировать их собственные интервью, данные мне (или моим сотрудникам) 5–10 лет назад. И это был еще один метод проверки инсайдерской информации.

Но вернусь назад. В середине 1960-х гг. назрел конфликт. С одной стороны, был директор Института общественных зданий с его симпатией к китайским коммунам, к проектам домов коллективного быта с раздельным проживанием детей, взрослых и стариков. А с другой – был я, с некоторым знанием истории советского градостроительства и реалий городской жизни и его обитателей. Кроме того, я начал учить польский язык, чтобы читать переводную литературу по социологии города. Конечно, силы были неравны, и мне пришлось срочно подыскивать другое место работы, чтобы не быть уволенным по «нехорошей» статье. И вот тут опять случилось невероятное.

Из лифта на нашем этаже вышел невысокий молодой человек и неуверенно спросил в пространство: «А кто здесь может быть социологом?». Я остановился и еще более неуверенно сказал: «Возможно, это я...». Так я познакомился с социологом Николаем Васильевичем Новиковым, с которым мы позже стали коллегами и друзьями. И одновременно получил приглашение перейти к нему на работу в только создававшийся тогда Институт международного рабочего движения. Все мои проблемы оказались разом решенными! Об одном жалею: начатое мною первое самостоятельное полевое социологическое исследование в г. Владимире осталось незаконченным.

Началась совсем другая жизнь, в иной культурной и интеллектуальной среде, которая предъявила ко мне новые требования. Но я уже много раз говорил, что мне нравилось «тянуться» за более сильными, яркими и талантливыми людьми. Да и сама среда, в которой прошло мое детство, приучала меня к этому. Не могу сказать, что я в одночасье стал «глобалистом», но планка достижений всегда была где-то там, за горизонтом. Это вовсе не значило, что за горизонтом – значит «за бугром». Напротив, чем больше я погружался в мировую (читай, англо-американскую) социологию, тем более я осознавал, что нельзя бездумно переносить её методы и подходы на российскую почву. Скажу больше: пребывание в двух интеллектуальных мирах со

временем стало для меня нормой, потому что рефлексия была нужна и тут, и там. Равно как и периодические сравнительные исследования.

В ИМРД АН СССР и, пожалуй, нигде позже, не было столь высокой концентрации в одном месте специалистов разных возрастов и взглядов на мир. Э.А. Араб-Оглы, М.В. Баглай, Ю.А. Замошкин, П.П. Гайденок, К.М. Кантор, М.К. Мамардашвили, М.А. Заборов, В.Я. Вульф, всех перечислить не могу. А если учесть, что «справа» и «слева» были не менее значимые фигуры – А.Г. Здравомыслов, Ю.А. Левада, Н.Ф. Наумова, Г.В. Осипов, В.А. Ядов, А.Я. Гуревич, М.М. Бахтин, то можно считать, что мне очень повезло. В Институте периодически бывали зарубежные социологи: Т. Парсонс, А. Шафф, И. Селени, Д. Дюкло, Р. Пал. Уже через два года после моего перехода я инициировал международную конференцию по урбанизации. Затем произошло еще одно поворотное событие: в «Вопросах философии», 1969, № 2 вышла наша коллективная статья «Урбанизация, общество и научно-техническая революция», которая вывела городскую социологию СССР из узких рамок доктрины сближения города и деревни. Статья была переведена на несколько европейских языков. Поле для исследования проблем урбанизации было открыто. Наша активность не прошла даром: неоднократно мой прошлый директор и более грозные противники пытались остановить мою работу на поприще урбанизации. Иногда дело доходило до обвинений в ревизионизме и до суда. Но, в конечном счете, удалось отбиться и несколько коллективных монографий и сборников вышло в свет.

В 1970 г. я впервые принял участие в Международном социологическом конгрессе (г. Варна), где вступил с докладом «Социально-информационные аспекты урбанизации». Тогда это было новое направление в теории урбанизации. Доклад имел резонанс, но более всего для меня было ценным, во-первых, личное общение с Р. Мертоном, Д. Прайсом и другими социологами. А во-вторых, участие в создании Исследовательского комитета по городским и региональным проблемам МСА, где я снова встретился с Р. Палом и познакомился с М. Кастельсом, К. Пиквансом, Э. Претесеем, И. Мусилом и многими другими социологами из разных стран. Началось мое постепенное вхождение в международное научное сообщество. Часть из них приезжала в СССР, иногда я ездил на конференции за рубеж.

И опять, как 10 лет назад, я вступил в конфликт с начальством, теперь уже с директором ИМРД. Мотив был отнюдь не идеологический, а вполне человеческий. Через месяц после моей защиты докторской диссертации директор ИМРД Т. Тимофеев вызвал «на ковер» и стал орать на меня. На Лубянку меня уже таскали, но вот так, чтобы на пустом месте – этого еще не было. Я это доходчиво и объяснил ему. Через день я был снят с должности заведомо и переведен в рядовые сотрудники. К этому времени у меня уже был опубликован ряд индивидуальных и коллективных монографий. К тому же, по совету Араб-Оглы я стал заниматься экологией, сначала на уровне города, а позже – уже на глобальном уровне. Как шутили мои коллеги, «Яницкого сослали в экологию». Мне же моя «ссылка» нравилась, потому что потенциал материалов по исследованию бюджетов времени горожан, которым я располагал, был уже исчерпан. И тут снова высшие силы вступились за меня. Директор ИМРД, несколько остыв, вызвал меня и сказал, что я теперь буду его заместителем в Совете АН СССР по биосфере.

Через неделю мы поехали в Президиум АН, где заседание Совета вел вице-президент, акад. А.П. Виноградов, ученик В.И. Вернадского. Когда очередь дошла до Т.Т. Тимофеева, он выступил в своем обычном жанре: «У нас, в ЦК КПСС и т. д.». Воцарилась тишина и... мой директор больше туда не ездил. А я там же познакомился с акад. В.Е. Соколовым, руководителем Национального комитета СССР по межправительственной программе ЮНЕСКО «Человек и биосфера», с которым я легко сработался. Так начался следующий период моей биографии, продолжавшийся почти 8

лет. Период, в течение которого я столкнулся с проблемами глобального масштаба уже вплотную.

Это была особая полоса жизни. Поэтому попробую изложить е уроки по пунктам. Во-первых, я научился работать по международным стандартам. К сожалению, и сегодня многие мои молодые коллеги не умеют этого делать. В результате моя первая публикация в международном журнале «International Social Science Journal» вышла еще в 1982 году. Но дело не только в этом. Подготовка публикации – это определение своего места во всемирном потоке производства социологического знания. В процессе этого определения есть две стороны: нахождение своего места в этом потоке и продвижение своей концепции в русло этого потока. Освоение этих двух процессов позволило мне уже в 1989 г. выдвинуть концепцию «Общества всеобщего риска», фактически почти параллельно с концепцией У. Бека «Глобальное общество риска».

Во-вторых, я ощутил глобализацию всем своим существом: от калейдоскопа международных конференций и публикаций в штаб-квартире ЮНЕСКО в Париже и до личных связей и знакомств. Именно тогда я понял, что не так важно твое базовое образование, как *проблема*, которой ты занимаешься, и круг вовлеченных в нее самых разных специалистов. Первый человек, которого я встретил в штаб-квартире ЮНЕСКО, был Стивен Бойден, австралиец, в прошлом ветеринар, написавший со своими молодыми коллегами пионерную книгу «The City and its People. The Case of Hong Kong». В то время эта штаб-квартира была настоящим «плавильным котлом». Уже через год работы по этой программе я был в курсе всех глобальных процессов в биосфере и её социальных последствиях: опустынивания, колебания уровня мирового океана, потепления/похолодания, влияния индустриализации на биосферу и т.д.

В-третьих, у меня появилось несколько коллег и просто знакомых, которые мне дали очень много, как в профессиональном, так и в человеческом плане. Как я уже говорил, при первой встрече с проф. Энн Уайт (Канада) я был внезапно подвергнут (вместо желанного ланча!) жесткому экзамену на профпригодность и знание английского языка. Пришлось отвечать на вопросы по статье, которую я написал несколько лет назад на русском, а ей перевели статью на английский. Кое-как этот экзамен я выдержал, и на много лет мы остались с проф. Уайт коллегами и добрыми друзьями.

В-четвертых, я прошел школу обучения сравнительному, если не сразу глобальному, то международному исследованию. Выучив золотое правило компаративного анализа: исследователь должен обладать более или менее одинаковым знанием истории и текущей ситуации в сравниваемых странах. Сопоставление стран и сообществ с разными экономическими укладами нужно вести по специальной методике и т.д. Поэтому я до сих пор не могу понять, как можно сравнивать Россию и, скажем, Новую Гвинею по одним и тем же параметрам!

В-пятых, что особенно актуально сегодня, все исследования по данной международной программе были *локально ориентированными*. Речь идет как об изменениях местного природного ландшафта, так и о борьбе локальных и глобальных (или национальных) социальных сил, вызывающих эти перемены на местном уровне и потом заставляющих изменять экологическую и социальную политику государства. Фактически, речь идет о соотношении управления (сверху) и самоорганизации (снизу).

В-шестых, как в этом быстротекущем глобальном процессе социальных и природных трансформаций должен вести себя исследователь? Как наиболее эффективно включаться в него и выключаться с целью рефлексии и разработки собственных идей? Тут единого рецепта быть не может, но моя многолетняя практика включенности в международное исследовательское сообщество постепенно сама давала нужный результат: исследователи из других стран и регионов стали обращаться ко мне, посылать свои публикации, давать статьи на рецензии, приглашать на

конференции и т.п. Да, на поддержание этого баланса «включения-обособления» в мировую научную сеть требовалось много времени и сил. Но иного пути нет!

Наконец, самый сложный для меня вопрос: как сочетать аналитический подход с холистическим, «системным»? Будучи по натуре живописцем, причем адептом импрессионизма, я всегда был склонен воспринимать мир в целом. В чем позже меня убедило изучение практики выбора населением места жительства в больших городах. Это сочетание – очень сложная теоретическая и практическая проблема, но, в конечном счете, без понимания того, как ведет себя местная (в широком понимании) экосистема в совокупности её природных и социальных сил, никакие глобальные прогнозы невозможны. Точнее, всякое решение, навязанное «сверху», будет так или иначе откорректировано «внизу», на месте.

Однако скажет читатель, это все теория. А как же практика? Верно, потому что *рефлексия* по поводу увиденного, прочитанного, сделанного нужна не только в конце жизни, когда все понимаешь, а сделать уже ничего не можешь. Она нужна постоянно, периодически, чтобы определить, в какой точке общественного и научного процесса ты находишься. Ведь не только мир, но и твое положение в нем постоянно меняются! Итак – поворот к практике. Я вместе со своим голландским коллегой по программе «Человек и биосфера», Тьердом Деелстра, задумали провести сравнительное исследование в области социального активизма в городах Европы. Но в каких именно? Наученный опытом других, я понимал, что за рамки Европы и её культуры нам выходить нельзя. Да, мы были включены в международные сети, но все же знали слишком мало, чтобы формулировать некую глобальную программу исследования.

К этому моменту я уже понимал, что на проект потребуются большие деньги, а где их было взять? Работая в международной организации, я также понимал, что их можно получить только при поддержке государственных структур. То есть победить международную бюрократическую машину может только другая бюрократическая машина. И здесь наша идея получила поддержку со стороны Комиссии по делам ЮНЕСКО СССР. Неправда, что бюрократия всегда заранее «против». Тогда и не раз позже я убеждался, что она может быть «за», если увидит в вашем предложении, и свой собственный интерес и пользу для страны. И совсем не обязательно меркантильный. Сотрудничая с этой Комиссией в течение многих лет, я понял, что совместными усилиями можно достичь очень многого, если «объяснить и заинтересовать». По сей день, я благодарен работникам этой Комиссии за помощь и науку.

Наконец, пришлось идти на риск, потому что первый шаг надо было сделать самому. Осторожные товарищи мне говорили: «смотри, положишь партбилет». Но я рискнул и позвонил в постпредство Нидерландов при ЮНЕСКО. Там долго молчали, а потом сказали: приходите. Дальше пошло уже легче. В конечном счете, мне удалось (конечно, не без помощи моих коллег) организовать команду исследователей из 16 стран Европы! Думаю, что читатель понимает, какую гору литературы пришлось перелопатить.

Но, как только исследовательская команда была собрана, встал методический вопрос: что именно, по каким параметрам будем сопоставлять и сравнивать? Честно говоря, тогда у меня не было ответа. Поэтому было решено: вот у нас есть общая тема – общественное участие в формировании городской среды, а каждый участник проекта сам решает, на каком материале её развивать. Поначалу мне казалось, что такой минималистский подход – обречен на неудачу. Но как выяснилось в процессе работы, все оказалось наоборот! Во-первых, выявились разные точки зрения на саму проблему «участия»: одни понимали её так, другие по-иному. Во-вторых, в процессе совместной работы выявились такие методы и подходы, которые мы, организаторы проекта, и предположить не могли. В-третьих, одни излагали свое теоретическое видение проблемы, другие подводили итог своему практическому опыту участия. Наконец, и

это самое главное, участники проекта выложили на стол свои *приоритетные проблемы*, которых мы бы никогда не увидели, задав заранее жесткую схему вопросов-ответов.

Вот теперь, обладая именно таким *разным* опытом, можно было делиться друг с другом. И в этом был смысл того сравнительного исследования: не навязывать друг другу собственную точку зрения, а взаимно обогащать друг друга. Да, в 1986–88 гг. после Чернобыльской трагедии вся Европа была напугана. Но изучать её последствия социологи тогда еще не научились. А здесь была реальная общая тема, и получены вполне практически значимые результаты. К сожалению, когда наш общий труд (T. Deelstra and O. Yanitsky, eds., 1991 «Cities of Europe: Public Participation in Shaping the Urban Environment») был опубликован, произошел распад СССР, и на политическую арену вышли совершенно новые глобальные акторы и новые приоритеты взаимодействия стран и общественных структур.

Для меня это была *первая серьезная школа международного сравнительного исследования*. Все пришлось познавать на-ходу: как строить саму работу, как переводить тексты ее участников с научного языка на общепонятный (обыденный), и – наоборот, что и как следует обобщать в вводной главе, как строить тезаурус и т.д. Я получил опыт взаимодействия с разными научными и бюрократическими структурами, составления отчетов, подготовки презентаций, работы с переводчиками, с издательством. Хотя к тому времени я уже погрузился в исследования общественного активизма в СССР, общение с зарубежными исследователями заставило меня посмотреть на свою работу здесь по-новому. В частности, возникла проблема адекватного перевода с русского языка на английский. Первый естественно отражал наши реалии, тогда как второй к тому времени был уже языком интернациональным, где под шапкой глобально унифицированных терминов (public participation, grassroots, direct actions) могли скрываться самые разные процессы в конкретных странах. А главное – разное к ним отношение.

Позже я не раз слышал жалобы российских активистов о том, что сама процедура написания заявок на получение зарубежных грантов, требовавшая изложения проблемы с использованием англоязычных клише, тем самым нивелировала, скрывала российскую национальную специфику. И, наверное, самое ценное: в своей работе я не был заранее связан жесткими методическими и инструментальными рамками, то есть я был не только исполнителем – сам процесс реализации этого компаративного проекта был делом творческим. Я, как говорили мои зарубежные коллеги, это был процесс *обучения действием* (learning by doing).

Конечно, если для участников из некоторых европейских стран это был лишь эпизод их научной жизни или общественной карьеры, то для меня – этот проект был бесценным опытом на всю жизнь. Меня часто спрашивали, что их бюрократия честнее нашей или такая же? Когда я спросил у давно знакомого международного чиновника, почему такое несправедливое распределение средств: им – 80%, а исполнителям – всего 20%? Он улыбнулся и сказал: Олег, пора понять, что мы продаем воздух. Так он мило обозначил стоимость их посреднических услуг. Но, к счастью, были в моей жизни и положительные примеры. Я никогда более не встречал более уважительного и доверительного отношения, чем в следующем международном проекте с моим участием, который финансировался Швейцарским научным фондом. Все было на паритетных началах и по взаимному согласию.

Период первой половины 1990-х гг. был временем настоящего нашествия иностранных «исследователей» на российскую землю. Слова исследователи я взял в кавычки, потому что сюда была брошена армия недоучившихся «руссистов», студентов и бакалавров, которые так себя называли. Конечно, среди них были и высокие профессионалы, и честные люди. Как, например, американец Дуглас Вайнер, который

почти десяток лет провел в советских архивах, изучая историю экологического активизма в России/СССР. Его первая книга о нем и его людях была переведена на русский язык. Но мне опять посчастливилось: с 1991 по 1994 гг. я принимал участие в международном проекте «Новые социальные движения в России», которым руководил известный французский социолог Алан Турэн.

Это был еще один фундаментальный опыт глобально-локального подхода, с акцентом именно на локальных сюжетах экологического познания-действия. Это был «спуск вниз», в самую гущу местных гражданских инициатив, не только экологических, но и групповых, «классовых», национальных и т.д. Исследование проводилось методом «социологической интервенции», разработанным и опробованным Турэном и его коллегами на европейском материале. Кратко говоря, это был метод проникновения в сознание лидеров и участников движения. Вооруженный опытом предшествующего проекта, я, с одной стороны, с энтузиазмом включился в эту работу, поскольку она давала мне новый материал для размышлений над динамикой гражданского общества. А с другой стороны, я теперь уже мог критически оценить метод и процесс данного полевого исследования.

Но сначала – о плюсах. Это был новый материал, существенно расширявший мои познания о процессах демократизации в провинции. Далее, как отмечалось, я получил возможность узнать, что думают о происходящем в стране бизнесмены, инженеры, бывшие партийные работники и рядовые граждане. Я также получил возможность частных бесед с участковыми врачами, которые лучше других знали истинную картину состояния здоровья местного населения. Я впервые встретился лицом к лицу с создателями и лидерами региональных зеленых партий. Наконец, я впервые увидел всю палитру составляющих экологическое движение. А их уже тогда только в данном конкретном месте было немало: собственно защитники природы, традиционалисты, альтернативисты, анархисты, эко-социалисты, эко-политики и эко-технократы. Наконец, это было то время, когда региональная власть (и лично Борис Немцов, бывший тогда губернатором Нижегородской области) советовались с гражданскими активистами.

Но уже тогда были и трудности, порожденные все тем же политическими и социокультурными различиями массовых аудиторий Европы и СССР/России. Метод «социологической интервенции» был создан и опробован на материале Западной Европы. Применение этого метода в России вызывало определенные трудности. Во-первых, они были порождены работой «через переводчика», что замедляло процесс общения интервьюера с аудиторией. Во-вторых, при всем внешнем демократизме наших французских коллег, они были тогда для российской аудитории людьми «с другой планеты», и эта аудитория вполне осознавала социальную дистанцию между нею и ними. В-третьих, русские, во всяком случае, поначалу, хотели выговориться, чтобы кто-то услышал их аргументы, а не отвечать сразу на не всегда понятные вопросы (возможно ли было вообще за столь короткий срок подготовить аудиторию к адекватному восприятию этого метода – до сих пор вопрос открытый). А у французов был жесткий график работы с этой аудиторией: вопрос–ответ.

В-четвертых, хотя одним из ведущих был специалист, владеющий русским языком (из семьи русских эмигрантов), все же он не был достаточно знаком с современными реалиями российской действительности. Он работал скорее именно как переводчик, а не как коммуникатор. Мы же, российские участники проекта не были равноправными участниками проекта, и поэтому не могли вмешиваться в ход самого процесса исследования. Иногда наше вмешательство в ход дискуссии раздражало зарубежных коллег. Сам термин «участие общественности» понимался французами и русскими респондентами по-разному. Не знаю, какие выводы сделали из этой

трехлетней работы французские коллеги, но, судя по скудным публикациям по результатам проекта, они не придали ему большого значения.

Вернусь еще раз к термину *public participation*. Моя последующая короткая работа в качестве советника (*friendly adviser*) в Европейском банке реконструкции и развития подтвердила мои опасения. Его проект «Public Participation Information Initiative» благополучно угас сразу же за пределами Уральского хребта, потому что там вообще не понимали того смысла, который в него вкладывали «продвинутые» англоязычные авторы этого проекта. Все дело в том, что содержание (конкретное наполнение) этого термина все время менялось в зависимости от множества сил: расстановки сил на политической арене, развитости демократических институтов общества, степени объединения носителей научного знания и местных активистов, общего уровня экологической образованности и обеспокоенности общества и многого другого.

Французско-русский проект был не единственным моим делом. Но он имел важное значение. Оказалось, что для понимания ситуации на месте только групповых интервью недостаточно – нужны более углубленные методы. Постепенно у меня складывалась методика индивидуальных бесед, выполняемых методом полуструктурированного глубинного интервью. Именно бесед, а не опросов, потому что моей первой заповедью здесь было *равноправие интервьюера и респондента*. Я старался не «разговорить» респондента, как это принято в большинстве подобных опросов, а *обсудить* с ним некоторую проблему. Это – первое условие.

Такой подход возможен только при доверии сторон, а это, в свою очередь, достигается наработкой собственного авторитета или доверия к тем, кого я просил взять для меня интервью. Итак, *взаимное доверие* – второе необходимое условие. Третье условие, вытекавшее из принципа моего понимания своей задачи как исследователя, это *выявление того «средового» контекста*, в котором обсуждаемая с респондентом проблема возникла. Этот контекст состоял из множества факторов: уровня понимания данной проблемы самим респондентом, его образования и профессиональной подготовки, степени его заинтересованности в разрешении данной проблемы и многих других слагаемых.

Но главное, чему я придавал особое значение, это *семья и ближайшее окружение*, в котором сформировалась система ценностей респондента. Поэтому я всегда начинал интервью с истории семьи и детства моего респондента. Это не исключало ситуации, когда мировоззрение респондента формировалось не столько локальными условиями, сколько, скажем, членством в студенческой Дружине охраны природы или в другой общественной организации. Четвертое условие – это *характер интерпретации респондентом ситуации*, создавшей ту или иную природоохранную проблему. Одно дело, если респондент видит в ней отражение общей ситуации в стране или регионе, и совсем другое, если он считает, что она возникла вследствие приверженности к исторической традиции или необразованности местного населения. Сегодня обширные пожары в Забайкалье склонны объяснять «человеческим фактором». Но этот «фактор» часто есть не что иное, как многовековая традиция подготовки угодий к следующему сезону посредством поджога прошлогодней травы.

Пятое условие – это обязательная беседа со всеми «участниками», в данную критическую ситуацию вовлеченными, как непосредственными, так и опосредованными. Изучение *расстановки сил «вокруг проблемы»* стало неслучайным условием всех моих последующих полевых исследований. Шестое, это изучение *динамики конфликта* или процесса возникновения и разрешения проблемы. Дело в том, что любые конфликтные ситуации не решаются в одночасье. Напротив, они могут длиться годами, когда одни их участники сходят со сцены, а другие, напротив, включаются в данный конфликт. Недаром в мире годами и даже десятилетиями столько «тлеющих» или «замороженных» конфликтов (надеюсь, читатель понимает, что,

спустившись на землю, я не забывал о ситуации в глобальном мире). Иными словами, здесь индивидуальное интервью плавно перетекает в метод «изучения случая» в его динамике. Более того, я старался дополнять мои интервью фиксацией динамики конфликта посредством создания его *хроники*.

Характер течения времени в том или ином конфликте – важнейшая его характеристика. Читатель может сказать: это уже не индивидуальное интервью! Верно, но в том-то и состоит отличие моей методики полевой работы, что я не ограничивался отдельными интервью, а стремился параллельно отслеживать динамику их контекста. В этом состояло принципиальное отличие моего подхода от метода работы журналиста и социолога, работающего методом опроса экспертов. Кстати, об экспертах. Дело в том, что я рассматривал своих респондентов как гражданских экспертов (*experts turned citizens*). И это – не преувеличение, потому что я отбирал их именно по этому принципу. Точнее, поначалу они могли быть рядовыми участниками той или иной конфликтной ситуации, но постепенно, накапливая опыт и знания, они становились именно гражданскими экспертами. То есть в своей работе я практиковал длительное наблюдение, лонгитюд. Это – седьмое условие моей работы. Отсюда вытекает и восьмое: нельзя было ограничиться только индивидуальными интервью, потому что большинство моих собеседников был лидерами или членами НКО, которые я предпочитаю квалифицировать как *профессионально-гражданские организации*.

Значит, надо было познакомиться с данной НКО, её задачами, структурой, выполняемыми ею проектами, источниками её финансирования и т.д. Я до сих пор не понимаю, почему некоммерческим организациям нельзя зарабатывать деньги на собственную деятельность? Ведь научные организации зарабатывают средства на жизнь теми же грантами, а бизнес – посредством тендеров. То есть, спустившись «вниз», к инсайдерам социально-экологических конфликтов, приходилось периодически подниматься «наверх», к его другим группам и социальным институтам. Более того, сегодня получение иностранных грантов практически запрещено действующим законодательством.

Девятое условие – это специфика работы с представителями бизнеса и власти. Попытаться получить от их действующих агентов информацию весьма трудно, а вот от тех, кто по тем или иным причинам отошел от дел, перешел в другую сферу, в оппозицию и т.д., гораздо легче, и результат получался более достоверный. Эти «туда-сюда» мигранты – весьма важный феномен развития нашего общества и механизм производства социально-экологического знания. К чему я веду? К тому, что взаимодействие участвующих в том или ином конфликте сил государства и гражданского общества является важным источником социологического знания, даже против воли их непосредственных участников. Выскажу мысль, на первый взгляд, крамольную: длительное наблюдение за развитием всего одного социально-экологического конфликта дает вполне достоверную картину жизни общества в целом во многих его проявлениях. *Всякий локус, место является одновременно точкой взаимодействия глобальных сил.* И это – десятый принцип моей работы. Поэтому своим ученикам я всегда говорил: не гонитесь за масштабом исследования, все можно увидеть и изучить практически в любой конфликтной ситуации, если не торопиться и внимательно «прочитать» её.

Теперь – о методах как таковых. Конечно, если ползать по интернету, то можно найти почти все, о чем говорилось выше. Важно понять, какие именно методы адекватны вашей исследовательской задаче. И как вы их применяете, группируете в конкретном случае. В жизни часто бывает, как раз, наоборот. Исследователь, овладев навыками интервьюирования или экспертного опроса, пытается работать этими методами независимо от конкретной задачи и ситуации на месте. Вот пример наводнения в Крымске и станице Баканская. Там, прежде всего, было нужно

включенное наблюдение, а уже потом, когда аварийная ситуация немного разрядилась, можно было взять интервью у пострадавших и спасателей. Плюс были необходимы исторические изыскания: почему именно в этих местах такое могло случиться? К сожалению, я не нашел в литературе информации о местных условиях, которые потенциально могли привести к этой критической ситуации.

Обо всех использованных мною методах и подходах сказать не могу, но о некоторых надо сказать особо. Во-первых, о построении хроник как социально-историческом методе. Эту идею я заимствовал из дипломной работы моего отца, Н.Ф. Яницкого, окончившего в 1915 г. историко-филологический факультет Университета им. Св. Владимира в Киеве. Уже привыкший работать по принципу важно то, что происходит «здесь и сейчас», я был поражен той скрупулезностью описания ситуации в Новгородской деревне во время экономического кризиса XVI века. Все было учтено: сколько голов скота и птицы было, сколько погибло от неурожая, сколько и почему были заброшены дома, куда ушло население и т.д. По сравнению с той стереоскопической картиной быта XVI века моя картина жизни сегодняшней показалась мне удручающе плоской, одномерной. «Да», «нет», «затрудняюсь ответить» — и все! И я стал строить хроники событий в точке конфликта и вокруг нее. Постепенно картина складывалась гораздо более сложная, чем я ожидал.

Прежде всего, оказалось, что у конфликта есть устойчивая структура, волны мобилизации и угасания. Далее, выяснилось, что у данного конфликта есть основное «русло» (фарватер) и ответвления которые со временем могли превращаться в отдельные его очаги, со своей структурой вовлеченных в них сил. Затем, если конфликт тянулся годы и даже десятилетия, то это, по существу, был уже качественно новый конфликт с новыми действующими силами. Конфликт вокруг Байкальского целлюлозно-бумажного комбината, загрязнявшего озеро Байкал, который тянулся с конца 1940-х гг. прошлого века, прекрасный тому пример. Это мое «открытие» было позже подтверждено всей мировой практикой: Нагорный Карабах, арабо-израильский конфликт, конфликты в Ливане, Сирии, «Арабская весна» и многие другие. *Как видите, уйти от глобального контекста никогда не удастся!*

Наконец, сегодня на примере ситуации на юго-востоке Украины мы видим, как локальный конфликт в течение нескольких месяцев превратился в глобальный узел противоречий. Значит, в его хронике надобно отразить позицию стран, находящихся за тысячи километров от наших границ. Поэтому понятие экологического конфликта весьма условно. В действительности это всегда социальный (социально-экономический или социально-политический) конфликт, в основе которого лежит борьба за ресурсы, будь то территориальные, экономические или людские ресурсы, и геополитическое доминирование.

Искушенный читатель скажет: что-то автор ничего не говорит о той помощи, которая была оказана российским ученым и активистам их западными коллегами!? Во-первых, это была не «помощь», а нормальный научный процесс информирования и обмена интеллектуальными ресурсами. Напомню, что первые 10 лет своей научной карьеры я по существу был американистом. А если учесть мое исследование творчества О. Нимейера, то я был еще и латино-американистом. Моя докторская диссертация — «Урбанизация и социальные противоречия капитализма. Критика американской буржуазной социологии». М.: Наука, 1975 г. — была критическим обобщением работ американских социологов первой половины XX века. Но и позже работая по программе ЮНЕСКО «Человек и биосфера» я постоянно впитывал все то, что казалось мне полезным из зарубежных источников.

Действительно, когда начались перестройка и демократизация общества, остро потребовался инструментарий для полевого изучения формирующегося гражданского общества. И в тот период российскими социологами англо-саксонский инструментарий

активно заимствовался, в том числе и гражданскими активистами. Приведу только один пример. Когда они начинали очередной раунд борьбы за свои социальные и гражданские права, то всегда было необходимо оценить ресурсы, наличные и требуемые. В западной социологии есть понятие «экспликация ресурсов» (resource mapping). На местах, где население не было подготовлено к гражданскому действию, гражданские активисты из региональных НКО оказывали им помощь в подсчете их ресурсов и возможностей.

В деятельности самих лидеров НКО постепенно пришло осознание необходимости различения стратегии, тактики и репертуара конкретных действий. Однако должен заметить, что экологический активизм студенческих дружин охраны природы уже в конце 1970-х гг. опирался на *сеть* этих студенческих организаций и т.д. Так что далеко не все требовалось заимствовать. Я уже не говорю о том, что огромный массив новаций в сфере гражданского активизма, который соискатели зарубежных грантов должны были подробно описывать при подаче заявок, безвозмездно и безвозвратно уплыл в сейфы западных государственных и благотворительных фондов. А это был поистине новый, нигде не испытанный опыт, которым иностранные исследователи восхищались, посещая российские города.

Практически единственный раз, когда взгляды на методы исследования действительности восточно-европейского «транзита» разошлись, случился во время работы по Российско-швейцарскому проекту «Региональные экологические сети в трех постсоветских странах: России, Украине и Эстонии». Швейцарские коллеги полагали, что обработку взятых нами интервью в этих странах надо формализовать, а я считал, что в этом случае тонкие детали ситуации и установок экоактивистов того переходного периода будут тогда утрачены. Вопрос остался открытым, и мы, в конечном счете, обработали материал вручную.

Взаимодействие естественных и общественных наук – одна из наиболее сложных методических, научных и этических проблем инвайронментализма в любой стране мира. Между наукой и общественной активностью, как минимум, шесть ступеней перехода. Я разделяю эту проблему на две части: собственно такого взаимодействия и проблему перехода от науки к практике. Парадоксально, но до сих пор все социальные и экологические проблемы, которые по своей сути являются сугубо *междисциплинарными*, естественные и общественные науки *решают отдельно*, практически не используя наработки смежных дисциплин. Равно как и политики, если не считать политически ангажированных экспертов, которые могут иметь свое мнение по любому поводу, не обращаясь ни к кому!

Итак, оттолкнемся от этого факта: все работают и дают практические советы отдельно. Как же при этом должны поступать политики, в том числе в сфере охраны природы. А – никак! Точнее, они всегда имеют свой взгляд на возникшую проблему или конфликт, сообразуясь, прежде всего, со своими собственными интересами. Для одобрения их решений у них всегда есть свои эксперты, а для продвижения в политическую практику – лоббисты, почему они и называются в мире политически ангажированными. Наконец, в этой ситуации естественники чувствуют себя «королями», однако, как показали исследования, внутри этих наук тоже действуют клановые и корпоративные интересы, не говоря уже о том, что большинство из них в рыночной экономике работают на частные фирмы и корпорации. Так что, что хорошо для частного интереса, не всегда хорошо для общего блага.

Но, допустим, мы решили подойти к проблеме комплексно, сообразуясь с высокими принципами охраны среды, одновременно здоровой и безопасной для человека. Принцип-то есть, а методики взаимодействия нет. Начнем с того, что на практике советы в данном случае дает одна из сторон. И решения принимает она же. Если и есть между ними «мост», то он очень ненадежный. Это отрывочные сведения,

почерпнутые из СМИ и популярной литературы. Или опираясь на здравый смысл. Работают ли в этом случае такие моно-дисциплинарные решения? Да, работают, но не очень ненадежно и, как правило, на очень короткий срок. В плановом обществе гигантские стройки или проекты, как, скажем, освоение целинных и залежных земель, давали кратковременный позитивный эффект, за которым тянулся шлейф негативных последствий (опустынивание, ветровая эрозия почвы). Каскады гигантских ГЭС дают энергию, но изменяют гидрогеологический режим прилежащих территорий. Вероятность пожаров возрастает. Трансконтинентальные сети нефте- и газопроводов дают более длительный эффект, но опора только на них замедляет модернизацию страны (так называемое «ресурсное проклятие»). В институциях, производящих знание, больше разговоров о междисциплинарном подходе, чем реальных шагов в этом направлении. *Вся проблема в том, что и наука, и образование построены по предметному, а не по проблемному принципу.*

Но вернемся в российскую историю и посмотрим, как происходило сближение естественных и общественных наук. Начнем с рубежа XIX-XX вв. Во-первых, тогда сама общественная обстановка заставляла естественников овладевать экономическими и политическими знаниями. Д.И. Менделеев, В.С. Соловьев, В.И. Вернадский – все они и многие другие были не только профессионалами в своей области, но и размышляли над происходящими социальными процессами. Социальное мышление и общественное участие были делом обыденным привычным. И эти люди не только размышляли, но и действовали, то есть непосредственно участвовали в общественной жизни. Напомню еще раз: Вернадский прежде, чем стать естествоиспытателем прошел школу земства, а позже стал членом ЦК партии конституционных демократов (кадетов). Во-вторых, в культуре того времени вообще было принято заниматься связью процессов в природе и обществе. Так философ и социолог Владимир Соловьев написал работу «Враг с Востока». Речь шла не о каких-то других государствах или племенах, а о *сухове*, который истощал российские черноземы.

В 1917 г. Вернадский подготовил ряд тезисов, касающихся не только развития сельского хозяйства, но и основ будущей российской геополитики. Мой дед, полевой хирург, а позже земский врач, защищал докторскую диссертацию на тему «Качество ржаной муки для солдат». Дед был членом Общества памяти выдающегося русского хирурга Н.И. Пирогова, активно участвовал в деятельности Фребелевского общества, пропагандировавшего устройство детских садов в России и т.д. Но вот пример исследования прямой связи физиологии человека и событий гражданской войны. Речь идет о Питириме Сорокине. Его книга, написанная в России в начале 1920-х гг., увидела свет лишь 80 лет спустя. Ее название говорит само за себя: «Голод как фактор. Влияние голода на поведение людей, социальную организацию и общественную жизнь».

А в 1942 г. он продолжил эту тему, написав книгу «Человек и общество в условиях бедствий», вывод которой как никогда актуален сегодня: война и революция, голод и эпидемия являются самыми разрушительными и страшными бедствиями человечества. Этот ряд я продолжу ниже, а пока сделаю промежуточный вывод: самый простой формой междисциплинарного взаимодействия является овладение естествоиспытателем второй специальностью, например, социологией. О том, насколько глубоким должно быть это взаимопроникновение, поговорим позже, а пока зафиксируем исторический факт самой такой возможности. Более того, современные науки и система образования двигаются именно в этом направлении. Примеров более чем достаточно: биофизика, генная инженерия, социальная генетика и т.д. Но возьмем пример более простой и понятный: когда философ или общественный деятель хочет сформулировать свои идеи относительно будущего общественного устройства, он предлагает модель «идеального города». «Утопия» Томаса Мора, «Город солнца» Томазо Кампанеллы, «Город-сад» Эбенизера Говарда, «Зеленый город» советских

урбанистов 1930-х гг. М. Гинзбурга и М. Барща – все это были способы соединения несоединимого.

То есть эти мыслители предлагали сначала некий *образ* (чертеж, эскиз) будущей гармонизации природы и общества. Но где есть образ, там нужен и слоган. Так, дискуссия о социалистическом городе 1920–30-х гг. под знаком борьбы двух противоположных направлений: урбанизма и дезурбанизма. У всех подобных «образов будущего» был один существенный недостаток: их создатели редко задумывались о том, каким образом эти идеальные модели впишутся в уже существующую природную и социальную среду. И еще меньше они думали о соотношении своих идеальных моделей с глобальными процессами, с биосферой. Наконец, весьма важный практический вывод: политики никогда не ориентировались на эти идеальные (то есть радикальные) модели. Политики, в конце концов, всегда принимая некое «умеренное», паллиативное решение. Они предпочитали постепенное улучшение существующих принципов экономической, социальной, экологической или градостроительной политики, то есть фактически придерживались эволюционистского и консервативного подходов.

Однако в современную эпоху время от идеи или изобретения до их реализации в конечном продукте быстро сокращается. Сегодня наука не успевает отслеживать экологические и социальные последствия собственных действий. Поэтому все большее число ученых, от Нобелевских лауреатов до рядовых тружеников, переходит к этапу самооценки возможных последствий практической реализации собственных идей, а затем и к «прямому действию», то есть оставляют свою профессиональную деятельность и становятся публичными политиками. Другая сторона того же процесса: ученые, чтобы собрать достаточный материал для подтверждения своих гипотез, обращаются к простым гражданам: «Помогите, я один не в состоянии собирать материал по всему миру!». Я имею в виду метод *crowd-sourcing*'а.

На основе многолетних исследований, мне удалось выявить следующую типологию и одновременно ступени (*ladder*) участия ученого в деятельности гражданских организаций.

Первый тип, *нейтральный* или *отстраненный*, – это «сторонний» ученый, которого время от времени различные НПО приглашают выступить в качестве эксперта (консультанта). Мотивы для такого взаимодействия могут быть самые разные, но в любом случае ученый не озабочен проблемами некоторой организации-заказчика как таковой. Обычно это – профессионалы из академических или ведомственных НИИ, которых приглашают в качестве экспертов. Замечу, что государственная экспертиза существовала и в советские времена, так что к началу перестройки корпус экспертов уже существовал. Нейтральные, работая в соответствии с наличными стандартами и/или опираясь на свой профессиональный опыт (прецедент), выдают оценки на своем профессиональном языке, принятом в данной отрасли знания.

Второй тип, *понимающий*, – это ученый, который, периодически работая с НПО, начинает вникать и больше понимать проблемы, которые те пытаются решить. Между ученым (или их группой) и НПО возникает контакт, выходящий за пределы конкретной задачи экспертной оценки. Между ними постепенно налаживается взаимопонимание, вырабатывается общий язык общения и, в конечном счете, ученый (до известной степени) проникается заботами активистов. Тем не менее «*понимающий*» не принимает участия во внутренней жизни и действиях данной организации. По аналогии с исторической ситуацией в СССР/России 1920–60-х гг., мы можем квалифицировать этот тип как представителя научной общественности, похожего на тех, которые в 1930–60 гг. выступали от имени Московского общества испытателей природы или Московского филиала Географического общества СССР.

Третий тип, «вовлеченный», – это ученый, который, разделяет ценности НПО и систематически с ними сотрудничает, но продолжает оставаться в среде науки как социального института (работник государственного НИИ или университета). Отличительной чертой «вовлеченного» типа является не только выполнение им некоторой профессиональной функции (оценка проекта, экспертное заключение), но и заинтересованность в успехе социального действия некоторой конкретной организации. Более того, «вовлеченный» уже принимает участие в ее деятельности, хотя, как правило, не является её членом.

Следующий, четвертый тип, который я обозначил как *партнерский*, представляет собой тех ученых, которые, оставаясь формально в своем учреждении (на кафедре), фактически являются уже активистами НПО и движений. Тем самым «партнер» удваивает свою институциональную принадлежность. Формально это выглядит как совмещение научным работником двух и более мест работы или же его периодическое колебание между институтом науки и институтом (ячейкой) гражданского общества. Данный тип ученого можно также назвать маргинальным, поскольку он попеременно решает научные, социальные и организационные задачи. Иными словами, формируется тип ученого-активиста, ориентированного уже не только на защиту данной гражданской организации или социального движения, но и на их институционализацию, пропаганду их целей и ценностей во всем обществе.

Наконец, пятый тип, *полностью интегрированный*, представлен научными работниками, которые, оставив совсем свое место в НИИ или вузе, стали членами (и даже лидерами) гражданских общественных организаций. Такой тип ученого не только владеет необходимыми профессиональными знаниями, но начинает сам вырабатывать их, исходя из стратегических целей конкретных гражданских инициатив или социальных движений. Это – уже *другие знания* (или ноу-хау), которые вырабатываются на опыте российских или зарубежных инициатив и движений. В какой степени он остается «ученым» в классическом смысле, или это понятие сегодня тоже эволюционирует, еще предстоит выяснить.

«Пределным» подтипом «полностью интегрированного» является случай, когда ученый публично отказывается от своей научной карьеры и становится инициатором или организатором социального движения, что является формой наиболее сильной адвокативной мотивации (А.Д. Сахаров, А.В. Яблоков). В этом случае ситуация «переворачивается»: ученый, ставший активистом гражданской организации, начинает формулировать новые требования к «большой науке». Итак, в системе «наука–общество» происходят серьезные изменения. Все меньше остается «главных» центров, генерирующих «окончательные» решения. Многообразие подходов и практических ситуаций нарастает. Вследствие этого структура коммуникации между наукой и обществом эволюционирует от вертикальной к горизонтальной, от задачи реализации научной концепции к перманентному диалогу. Точнее, используя термин М.М. Бахтина, к многоголосию в котором властные структуры и СМИ приобретают все больший вес. Диверсификация системы научного производства проявляется также в растущем множестве исследовательских ячеек, встроенных в структуры гражданского общества, и – наоборот.

Вследствие многих причин, но прежде всего из-за растущих потребностей этого общества в научном знании, возникла так называемая «адвокативная наука», обслуживающая интересы ячеек гражданского общества непосредственно. Растет значимость средового знания, которое придает первостепенное значение местным условиям и интегрированному субъективному восприятию. Это знание конструируется, пересматривается, реорганизуется в процессах диалога науки, властных структур и местного населения. Возникающие в ходе этого диалога типы ученых-адвокатов, хотя и различаются степенью и формами их вовлечения в решение средовых проблем, но

имеют общую ориентацию – общественное благо конкретного человеческого сообщества.

Но, скажет проницательный читатель, это все о потоке знаний и действий «сверху-вниз». А что же об обратном потоке производства знаний «снизу-вверх», от того самого инсайдера, о котором речь шла выше? Есть ли такой поток вообще? Есть и очень существенный! Я имею в виду тех самых гражданских экспертов и «полностью вовлеченных», о которых речь шла выше.

Во-первых, они выполняют очень важную – сигнальную – функцию, оповещая население и власть о существующей или назревающей проблеме. Этот сигнал реализуется в самых разных формах: коллективных письмах, собраниях обеспокоенных граждан, требованиях к властям и акциях прямого действия (протестах). Особенно важна сигнальная функция в тех случаях, когда заинтересованные ведомства не спешат оповещать население страны о действительных масштабах стихийного бедствия или техногенной катастрофы. К сожалению, со времен Чернобыльской катастрофы сегодня мало что изменилось: расхождения между оценками того или иного негативного события «сверху» и «снизу» остаются существенными.

Во-вторых, в свое время, по мысли проф. А.В. Яблокова, гражданские эксперты и/или их объединения должны выполнять функцию сопровождения в отношении социально-экологических законодательных инициатив. Однако фактическая отмена института общественной экспертизы помешала реализации этой инициативы. В-третьих, современные активисты – это действительно уже *гражданские эксперты*, которые имеют большой практический опыт и современные знания. То есть владеют тем самым *знанием-действием*, которое сегодня так необходимо. Эти люди при необходимости могут найти и пригласить независимых экспертов, для предварительной экспертизы возникшей ситуации или конфликта.

В-четвертых, они помогают местным активистам и рядовым гражданам грамотно формулировать свои требования и подсчитать имеющиеся в их распоряжении и требуемые ресурсы. Это особенно важно, когда речь идет о конфликте интересов мощного ведомства и местного населения, живущего за счет промысла, например, охоты или рыболовства. В-пятых, гражданские эксперты не одиноки – они, как правило, являются членами социальных сетей, что позволяет им использовать этот совокупный научный и практический потенциал. Через эти сети происходит мобилизация волонтеров, сбор пожертвований, организация интернет-форумов и другие спасательные и благотворительные акции.

В-шестых, при необходимости эти эксперты выступают в качестве *публичных политиков*, участвуя в массовых акциях социального протеста. В-седьмых, растущей по важности функцией этих гражданских экспертов и активистов является просветительская деятельность, а также воспитание экологически ориентированных детей и подростков. И что не менее существенно, в-восьмых, и обучение местного населения экологически грамотной предпринимательской деятельности. Каждая из перечисленных выше форм гражданского активизма является формой производства проблемно-ориентированного знания-действия. К сожалению, вследствие преобладания предметной ориентации системы среднего и высшего образования этот тип знания практически не проникает в учебные программы и курсы.

Наконец, еще одно важное качество этих граждан. Я называю их «бывалыми людьми», а к таким людям, особенно в поездах, в автобусах, в залах ожидания на вокзалах население тянется именно к ним, потому что они знают много, и это знание из первых рук. К тому же, в длительных поездках происходит обмен информацией, которая бывает важной и для самих активистов, тем более что бывалый человек, задав два-три дополнительных вопроса, может быстро отличить ценное знание от простого трепы. Конечно, социолог должен уметь отличать «бывалых людей» от иных

«собираателей» информации. Я в годы перестройки встречал американца, который, хорошо зная русский, совершал длительные вояжи в поезде Москва-Владивосток-Москва, собирал нужную ему информацию, просто слушая разговоры своих попутчиков.

Однако сегодня таких *ad hoc* форм и каналов недостаточно для трансляции локального знания-действия в сферы научного производства и образования. От отсутствия такой связи страдают все: население, гражданские организации, государство и, конечно, сама среда обитания. Повторю еще раз: эта среда (в самом широком толковании этого термина) есть тоже агент (актор), то есть участник процессов социального производства и политических решений. Причем участник, часто поначалу незаметный, но периодически создающий сложности, как для специалистов, так и для практики разрешения конфликтов и ликвидации последствий аварий и катастроф. Недаром, социологи в своих теоретических схемах все чаще употребляют термин «неожиданные» или «непредвиденные» последствия (*unintended consequences*). Я бы еще предложил термин «отдаленные» последствия (*remote consequences*), потому что существующая система государственного реагирования на критические события построена по принципу «событие-реакция». Однако ликвидация непосредственных последствий аварии или катастрофы не означает гарантии от возникновения ее отдаленных последствий через месяц, год и даже через несколько лет. То есть эти критические ситуации требуют от эко-социологии не только проблемного подхода, но и перманентного длительного наблюдения.

Итак, вот некоторые выводы. Первый – это *социальная обусловленность экологического знания*. Поэтому я и называю его социально-экологическим. Производство этого междисциплинарного знания существенно зависит как от выводов собственно моно-научных изысканий, так и от политических, экономических и социальных факторов, в частности, от той роли, которую играет гражданское общество в этом процессе. То, что обычно преподносилось обществу как «объективное знание» о мире природы и его взаимодействии с обществом, на деле неизбежно опосредуется социальными и институциональными суждениями, восприятием индивидов, групп и больших масс людей. Со своей стороны, государственные и иные институты не просто реагируют на рекомендации носителей социально-экологического знания, но и сами играют важную роль в определении, что является «истиной» для конкретных решений. Так что оценка рисков (потенциальных опасностей) для принятия превентивных и экстренных мер осуществляется как научными, так и гражданскими активистами. Принципиальный момент в определении эффективности этого взаимодействия – степень взаимопонимания и доверия друг к другу этих двух категорий агентов. Очевидно, что и те, и другие вынуждены учитывать и влияние глобальных сил на принятие конкретных решений.

Второй принципиальный момент – это существование *локального или «ситуативного» знания*. Оно, будучи основано на иных, нежели собственно научное знание, основаниях, представляет собой чрезвычайно важный местный социальный и познавательный ресурс. Как правило, локальное знание базируется на местной культуре и повседневных практиках. Естественно, что оно переваривается «внизу» в соответствии с ними, а не просто налагается «сверху». Иными словами, государственная (федеральная или региональная) политика будет действенной, если она учитывает мнение местных активистов и гражданских экспертов.

Как подчеркивал У. Бек, то, что ученые именуют «скрытыми побочными эффектами» и «недоказанными зависимостями», для местных жителей означает кашляющих детей, которые становятся больными во время туманов, а их дыхание затрудненным и хриплым. «Побочные эффекты» имеют лица, голоса, глаза и слезы. Для них риски не просто риски, но болеющие и страдающие дети, взрослые и старики.

Поэтому люди сами становятся маленькими альтернативными экспертами в отношении рисков модернизации.

Эти риски, которые не имеют ответственных в высоко профессионализированном обществе, наконец, находят своих *адвокатов*. Именно родители начинают собирать факты относительно рисков. «Белые пятна» модернизационных рисков, которые для официальных экспертов чаще всего остаются «невидимыми» или «недоказанными», быстро обретают форму и значение в руках местного населения. Если мы принимаем эту точку зрения, то и «масштаб» эффективного социально-экологического знания должен быть иным. В отличие от профессиональных экспертов, дающих оценку, главным образом, текущей ситуации или, гораздо реже, прогноз о ближайших переменах, местное население хочет обладать знанием, соизмеримым с продолжительностью их жизни, жизнью их детей и внуков.

Также существенно, что «научное» знание выступает антитезой ситуативному. В то время как язык науки делает акцент на обобщениях, фактах и необходимости «объективности», ситуативное знание придает значение местным факторам, личным точкам зрения, субъективному восприятию и способности людей соединять вместе различные факторы воздействия. То есть, фактически, ситуативное знание является формой интегральной оценки ситуации в некоторой точке социального пространства.

Третий принципиальный пункт – это иной, нежели ранее, механизм производства инвайронментального знания. Знание не производится где-то там «наверху», а потом спускается «вниз». Оно конструируется, создается, формируется в *ходе диалога* ученых, властей и населения. Знание, говорит английский социолог А. Ирвин, не должно рассматриваться как статичная или фиксированная категория. Скорее, оно представляет собой *процесс конструирования смыслов* внутри некоторого социального и личностного контекста. Чтобы реализовать эту гуманистически-ориентированную цель, необходимо следовать методологическому императиву социологии научного знания – «следуй за актором».

В этой связи следует приглядеться к самому понятию «эксперт». Эта категория специалистов, как правило, рекрутируется из научных учреждений, обладающих высоким общественным статусом. Однако если эксперт работает постоянно с определенным ведомством, то он постепенно утрачивает возможность следить за новейшей научной литературой по специальности, тем более что она носит *предметный* характер, а задачи, которые эксперту приходится решать, имеют *проблемную* природу (конфликты интересов, интересов нарушение законодательства, аварии, катастрофы). Постепенно такой эксперт, накапливая опыт экспертиз, начинает пользоваться в своих последующих работах именно им. То есть возникает своего рода «прецедентный» метод экспертной оценки по аналогии с прецедентным правом в юриспруденции.

Плюс, рано или поздно возникает ангажированность такого эксперта в систему ведомственных или корпоративных интересов. В результате эксперт теряет потенциал для строго объективной оценки возникшей ситуации или конфликта. Иными словами, эксперт становится одним из субъектов «машины» производства решений. Гражданский же эксперт изначально является выразителем интересов территории (конкретного места) и её населения. В идеальном случае между ними должен вестись диалог, в результате чего будет достигнуто взаимопонимание и принято согласованное решение. Существующий сегодня конфликт между интересами отдельной отрасли производства и территории как раз и составляет суть расхождений между государственными (ведомственными, корпоративными) и гражданскими (территориальными) экспертами и стоящими за ними социальными агентами.

Отрасль, ведомство, по своей сути, не могут преследовать интересы территории. Особенно сегодня, когда капитал (и производство вслед за ним) мигрируют по всей

планете вследствие периодических перемен в международном разделении труда, появлении новых «игроков» и т.д. Иными словами, мы снова сталкиваемся с фундаментальной проблемой противоречия между производством конкретного (конечного) продукта и системным, комплексным воспроизводством территории и населения, их физического и социального здоровья.

Но что делать, если населения в данном месте нет вообще, или же оно очень редко и не способно сорганизоваться? Что делать, если сегодня здесь был цветущий малый город, а завтра местный ресурс истощился и капитал переместился в другой регион или страну? Пожары 2015 г. в Сибири и на Дальнем Востоке тому пример. К тому же, и производитель, и потребители, зараженные глобальным вирусом потребительского общества, создают локальные критические ситуации, которые, однако, стремительно охватывают сотни тысяч гектар территории. И это опасность глобальная, вспомним долговременный эффект Асуанской плотины или вырубки тропических лесов в бассейне Амазонки! Сегодня можно считать доказанным, что 90% нарушения природных систем и техногенных катастроф было спровоцировано человеком. Проблемы такого масштаба силами местных гражданских активистов и экспертов не решить. Что же делать?

На этот вопрос нет единого рецепта. Однако, во-первых, очевидно, что на глобальный вызов должны отвечать международные гражданские организации. Они есть – Всемирный фонд охраны дикой природы, Гринпис и многие другие. Проблема в том, что их возможности и степень влияния на глобальные решения (типа прокладки трансконтинентального газопровода) ограничены. Во-вторых, территориальный подход *в принципе* противоречит интересам трансконтинентальных корпораций. В-третьих, все современное производство держится на максимумах: больше потребляй, чаще покупай, обновляй и т.п. Совсем не случайно, что сегодня американские корпорации уже серьезно озабочены задачей добычи необходимых ресурсов на других планетах солнечной системы.

Поэтому, так или иначе, но сегодня единственный путь противостояния потребительским аппетитам, разрушающим среду обитания, – это ограничение потребления и экономия ресурсов. Но здесь мы упираемся в другую глобальную проблему: кричащий разрыв в уровнях дохода и обеспечения населения жизненно-необходимыми ресурсами между богатым Севером и бедным Югом. И подобный разрыв существует на всех уровнях территориальной организации обществ: местном, региональном, национальном и континентальном. Даже внутри единой Европы разрыв между Германией и Великобританией, с одной стороны, и Румынией и Грецией – с другой, чрезвычайно велик.

Хочешь-не хочешь, но приходится вспоминать теорию прибавочной стоимости и классовой борьбы К. Маркса. Только сегодня главными антагонистами являются не рабочие и буржуа, а богатые и бедные. Если сформулировать задачу предельно просто, то для сохранения планеты и рационального использования её ресурсов нужен Экологический Интернационал. И осознание такой необходимости существует, только ключевые ресурсы находятся опять же в руках международного капитала. Далее, создание такого Интернационала требует согласия и вложения ресурсов хотя бы 10–15 стран. А за этим последуют вопросы его правового статуса, соотношения с уже существующими международными организациями. К тому же, всегда существует опасность, что его деятельность будет подчинена одной группе стран в ущерб другим, как это случилось с рядом уже существующих международных организаций. Как создавать международные организации в условиях борьбы интересов и перманентного перераспределения сил на мировой арене – вопрос открытый.

Итак, какой должна быть современная социология? Во-первых, *многомерной*, учитывающей связь глобальных, региональных и местных трендов. Во-вторых,

всеобъемлющей, комплексной, *интегральной*. В-третьих, *активистской*, то есть изучающей всю совокупность реально действующих и «скрытых за сценой» акторов, вовлеченных в мирную или критическую ситуацию. В-четвертых, *динамической*. И критическая ситуация, и позитивная динамика динамичны: по мере их развития одни их агенты теряют силу, уходят, другие, напротив, приходят и увеличивают свое влияние. В-пятых, как уже отмечалось, *междисциплинарной*. Ключевой момент здесь – это умение переводить выводы других наук и практик на социологический язык.

В-шестых, *диалогической*. Несмотря на различие точек зрения противоборствующих сторон и даже конфликт между ними, а также стоящие за их спиной силы, эти стороны должны вести (прямой или через посредников) диалог. Этот пункт касается всех: политиков, ученых, профессиональных военных, лидеров вооруженных формирований, активистов из среды местного населения. И, конечно, социологов. В-седьмых, *ресурсно-ориентированной*. Успех любой страны или их группы зависит от объема и качества ресурсов, находящихся в их распоряжении и способности к их быстрой мобилизации. Причем, важнейшим ресурсом здесь является время. Особое внимание надо уделять морально-этическим ресурсам противоборствующих сторон, а также таким «не-социологическим» ресурсам, как уверенность в своей правоте и своих силах, терпение, способность к внутренней мобилизации и даже тому, что Сорокин называл «созидательным альтруизмом».

В-восьмых, нужны объединенные усилия всех гуманитарных наук с целью изучения *процессов институциональных трансформаций и форм легитимации* вновь возникающих «социальных новообразований». До сих пор социология чаще всего обращалась к уже существующим сообществам, нежели к процессам их возникновения и легитимации. В-девятых, социология должна уметь сочетать анализ проблемных ситуаций «сверху», то есть в свете общемировой динамики и/или межгосударственных противоречий, и «снизу», то есть с точки зрения противоборствующих сторон *in situ* и страдающего мирного населения. Чтобы выполнить такую сложную задачу, необходим «консорциум» отраслевиков, междисциплинарных теоретиков и социологов-инсайдеров, способных видеть в каждом конкретном событии этой борьбы формы и методы сплетения глоболокальных процессов. Журналисты были и будут главными инсайдерами современных критических ситуаций. Однако сотрудничество с журналистами не исключает непосредственного участия в них профессионалов-социологов.

Наконец, в-десятых, возрождение мощного *движения за доверие и мир* во всем мире на новой, информационной основе – не единственный, но весьма мощный инструмент превентивного воздействия на современные «партии войны» и снижения порога разрушительного противостояния и давления на психику и поведение масс, если такие войны все же случаются. Апатия, страх, фобии преодолеваются как раз *солидарными действиями*. Именно в их ходе происходит сближение устремлений и ценностных установок разных активистских групп, повышается их способность к достижению совместных целей.

Поэтому центральной темой для обсуждения нашего сообщества, как мне представляется, должна быть проблема структуры и динамики российского общества на современном критическом витке глобализации. Важнейшими вопросами для обсуждения здесь являются: гибридные войны, глобализация и международный терроризм, сохранение целостности нашего общества как социальной системы, междисциплинарное и многоцелевое регулирование социальных процессов в целях индустриализации и информатизации, принципы организации «мобилизационного общества», регулирование и самоорганизация, социальная поддержка бедным и безработным. Конечно, во всех этих вопросах развитие науки и технологий являются приоритетными и сквозными.

Неожиданный взгляд назад. В конце октября 2016 г. из Иркутска ко мне приехал мой бывший ученик, а ныне коллега и друг, Андрей Александрович Ляпин. Приехал он не ко мне, а на конференцию по истории архитектуры. Невольно, из глубин памяти всплыли жестокие дискуссии по теории архитектуры и градостроительства. Ведь помимо больших «перестроек» в моей будущей профессии было две перестройки, которые ломали только-только начинавшееся формироваться понимание логики развития современного градостроительства.

Первые четыре курса в Архитектурном институте (МАРХИ) нас учили на материале классики европейской архитектуры и градостроительства, от древней Греции, и до Итальянского ренессанса, а потом и знанию русской архаики и нового классицизма. В какой-то степени мое увлечение современной бразильской архитектурой, ломавшей все классические каноны, было реакцией на этот тренд. Нет, я был совсем не против познания русской и европейской архитектурной и градостроительной классики, но вокруг меня была не только она, совсем не только. Пришло постепенное понимание специфики бразильского «модернизма» (гибкие, перетекающие пространства, пластические возможности такого грубого материала как бетон и утверждение национальной гордости и самобытности и т.п.).

А потом Н.С. Хрущев объявил борьбу с «излишествами в архитектуре». И прямо на глазах изумленных москвичей стали срубать эти «излишества», то есть карнизы, балконы, убирать колонны, то же делалось и на некоторых новых станциях метро. Как пелось тогда в знаменитой песенке хора «Кохинор»: «Зачем ты понатыкал излишество колонн...?». Архитектура была высочайше разделена на собственно «архитектуру» и «простое строительство».

Что такое история архитектуры? Каков её предмет и методология? Внезапно я вспомнил, что я окончил МАРХИ и что долгое время меня окружали архитекторы и урбанисты. Жизнь в МАРХИ: между акад. Н.И. Бруновым и А.А. Дейнекой. Урбанизация, урбанистика и архитектура. Что делает архитектор, когда проектирует и строит? 1951-57 гг. – переломные годы от классики к «простому строительству». Книга о Нимейере как реакция на этот слом. Г.А. Градов и его идеи «коллективного быта». Вхождение в международный «круг» исследователей и необходимость смены социокультурной парадигмы, т.е. отказ от идеи сближения города и деревни и переход к анализу урбанизации как всемирно-исторического процесса. Поездки по стране и чтение лекций на семинарах в «Суханово» дали мне новый взгляд на борьбу глобальных и локальных сил. Сейчас, мысленно возвращаясь в те годы, я понимаю, что все эти люди и проблемы, которые они ставили, не прошли для меня даром. Я обрел бесценный опыт, в том числе опыт пребывания в разных средах: рациональной и эмоционально-чувственной, местной и глобальной, дружественной и враждебной. И даже неудача с написанием книги «Город и природа в культурной традиции» заставила меня углубиться в сочинения Ч. Диккенса, Л.С. Мерсье, О.И. Сенковского, В.В. Крестовского, Ф.М. Достоевского.

24.09.2018

6. О глобализации сегодня

Демодернизация Европы? (комментарий к докладу проф. П. Тамаша, Венгрия) 05 октября 2011 г.

Прежде всего, я хотел бы поблагодарить проф. Пал Тамаша за его доклад, который, по моему мнению, уже не в первый раз делает честь нашему Институту, отодвигая некоторых из нас от опасной черты «провинциализации» нашего знания. В

отличие от многих своих выдающихся европейских коллег, которые уже много лет делают вид, что России просто не существует, проф. Тамаш не только знает Россию, но и рассматривает её динамику в глобальном контексте. Наконец, для меня тема его доклада особенно важна, потому что я работал в Европе в 1970-80-е гг., то есть в период расцвета евро-интеграции.

Вот резюме основных идей доклада П. Тамаша:

Вначале 1990-х гг. политологи наивно полагали, что процесс демократизации имеет «линейный» характер (и если в каких-то странах демократия не доросла до европейского образца, то в этом виноваты какие-то «плохие люди», принимавшие неверные решения). Эта идея не оправдалась. Распад социалистической системы не ведет к образованию «хороших» (то есть демократических) социальных систем. Большинство стран застряли на уровне «гибридных» систем.

Далее, происходящая сегодня в мире де-демократизация не есть возврат назад, к старым авторитарным системам. Этот процесс «решает» современные задачи. Западные классики социологии (Р. Дал, С. Липсет) ошибались, полагая, что индустриализация рано или поздно приведет к демократизации общества. Рост экономики, как показала Латинская Америка, не ведет автоматически к демократизации.

Сегодня не демократизация, а бюрократический авторитаризм решает вопросы интеграции общества. Социальное пространство дезинтегрировано: транснациональные корпорации сильнее государства, мегаполисы живут отдельной жизнью от остальной страны; демократические средства мобилизации не работают, а без мобилизации нет и модернизации. В целом – это состояние полураспада существующих обществ.

Нерешенные задачи на постсоветском пространстве: нарастающий разрыв между богатыми и бедными; этнические и расовые конфликты; правящий класс не смог интегрировать в себя новый knowledge class, поэтому вымывание образованной прослойки продолжается (только из Польши эмигрировало 2 млн. образованных граждан); произошла крестьянизация больших городов – докладчик назвал их «сиротами» вдвойне: новые горожане не впитали истории этих городов и не знают, что делается в соседних городах. В Центральной Европе к власти вернулись популисты (классический образец – режим Саакашвили). Главный вывод доклада: на постсоветском пространстве сформировался союз авторитарной власти, бюрократии и популистов. Телевидение анестезирует (наркозирует) общество, полиция больше не нужна.

Теперь мой комментарий – но уже не столько к докладу, с основными положениями которого я вполне согласен, а к идеям, лежащим в основе Европейского Союза (ЕС), и их реализации на практике, которых проф. П. Тамаш почти не касался. В отличие от моего венгерского коллеги, я сделаю акцент на тенденции де-модернизации ЕС и постсоветского пространства. Вернусь на четыре года назад, когда ЕС широко и помпезно отмечал 50-летие своего существования. Я обращаю внимание моих коллег-социологов на книжку Fraser M., ed. *European Union: The Next Fifty Years. 50+Top Thinkers Set out Their Ideas for Europe*. London: Financial Times Business. 2007. Изданную не кем-то, а Financial Times Business!

Всего за год до начала мирового финансового кризиса все эти Top Thinkers были просто полны от распирающего их грудь энтузиазма. Эдакий европейский вариант известной советской песни «Все выше, и выше, и выше...!». А если не полениться и почитать еще другие книжки, то это было просто «планов громадьё»: тут тебе и вся, исключительно «социальная Европа», и Большое Причерноморье, и вот-вот наши (то есть их Кавказ, Белоруссия, Украина) и т.д.

Особенно странно, что весь это политический парад шел на фоне предупреждений И. Валлерстайна и других серьезных западных социологов о грядущем кризисе. Да и Н. Кондратьева с И. Пригожиным перечитать было бы не лишнее. Но в число Top

Thinkers социологов почему-то не взяли. То ли потому, что им сказать было нечего, то ли потому, что в Брюсселе их уже держат за людей второго сорта. Ведь все в этой книжке прокричали «Ура!» – и политики, и бюрократы, и IT-ишники, и кинорежиссеры. А вот социологов среди более полутора ста статей и интервью почему-то не оказалось.

Правда, некоторые тревожные сигналы все же были. З. Бауман предупреждал, что идет война за пространство двух категорий людей: свободно перемещающихся и привязанных намертво к месту. Как выяснилось позже, де-модернизаторами были не только «привязанные к месту», но и «свободно перемещающиеся», причем большинство из последних состояло не из инноваторов, а из потребителей.

Не менее удивительным был отход Э. Гидденса от концепции «Социальной Европы», которую он несколько лет развивал с молодыми коллегами, когда он вдруг резко свернул в сторону идеи «антикарбонного общества». Маргарет Арчер, хотя и *post factum*, назвала «молчание социологов» фактором экономического кризиса. По ее мнению, социология пропагандировала индивидуализм как образец человеческой деятельности. Этот образец был непригоден для создания философии, способной противостоять неограниченной экспансии финансового рынка. М. Арчер подчеркивала, что европейские социологи не смогли концептуально осмыслить реальную гражданскую экономику и тем самым предложить модель «здорового гражданского общества».

Но все же, почему теперь уже я говорю о де-модернизации Европы?

Во-первых, очевидно, что «Боливару не снести двоих». То есть мощи коренной Европы (Германия – её центр) явно недостаточно, чтобы удержать висящие на ней два десятка стран, которые не только не модернизируются, но стагнируют или просто разваливаются. И еще сотни тысяч, хотящих пользоваться европейскими благами. Не напоминает ли это Вам, уважаемые коллеги, одну страну, где доноров меньше десятка, а ртов больше пятидесяти?

Во-вторых, (тоже что-то напоминает), так это стремление жить по-английски, а работать – по-гречески, по-румынски и т.п.?

В-третьих, вместо того, чтобы модернизировать свои страны, молодое поколение из Латвии, Польши, Эстонии и других новых членов ЕС, ринулось в Брюссель занимать теплые местечки в рядах евробюрократии. Кто не успел, тот пополнил ряды строителей и сервис-класса в Германии и скандинавских странах. Что уже совсем по-нашенски, по-московски.

В-четвертых, все формы местного самоуправления в ЕС, начиная от местных сообществ и кончая Советом Большого Лондона, или бюрократизируются или просто отменяются. Опять же параллель, не нуждающаяся в комментариях.

В-пятых, модернизация в Европе редко начиналась сверху. Обычно её носителями были гражданские инициативы (*grassroots*) и общественные движения. Европа 1960-90-х гг. была полна ими. Сегодня большинство из них превратились в рутинные НКО, выполняющие очередной проект. Опять похоже.

В-шестых, внутренний распад. От своих стран хотят отделиться как модернизирующиеся их части (например, Каталония в Испании), так и стремящиеся сохранить традиционный уклад (Ирландия, Исландия). Опять хорошо знакомая нам ситуация.

В-седьмых, страх перед «эффектом домино», то есть перед угрозой распада ЕС, подавляется по примеру заокеанского брата накачкой экономики «пустыми бумажками». Не напоминает ли это вам историю борьбы с кризисом, например, на Автовазе или в другой, «отдельно взятой стране»?

В-восьмых, есть еще и демодернизация моральная, когда «новые европейцы», сознают, что банковская система ЕС – это сетевое «государство в государстве»,

живущее только для себя, а не для модернизации какой-то там Румынии или Греции. Да к тому же оно зачастую хранит и крутит ворованные деньги. Опять же напрашиваются параллели.

И, наконец, если уж благополучные Голландия и Норвегия взвыли от нашествия «чужаков», которые там не только не адаптировались, но навязывают аборигенам свою религию и вообще правила игры, то что же тогда говорить нам? И вообще: кровеносная система у нас почти что одна: нефте- и газопроводы. Что-то уж мы становимся очень похожими, хотя в России экономика ресурсная, а в Европе – информационная.

Но самое главное, что *идеология проекта* дальнейшего расширения ЕС «Восточное партнерство», как-то: демократические и рыночные реформы в обмен на деньги, визовые и торговые преференции со стороны ЕС, оказалась несостоятельной. План, предполагавший постепенную интеграцию в ЕС семи постсоветских стран (Азербайджан, Армения, Белоруссия, Грузия, Молдавия, Россия и Украина), не состоялся. Ни один конфликт – Нагорный Карабах, Приднестровье, Грузия-Россия, Донбасс и далее по списку, разрешение которых было условием этого партнерства, – не был разрешен. Самый сильный удар по этому плану экспансии ЕС на восток нанесли, по мнению многих экспертов, Белоруссия и Украина. Что и было зафиксировано на недавнем саммите ЕС в Варшаве. Деньги, визовые и торговые преференции сами по себе не дают ни модернизации, ни демократизации. Что опять же подтверждается опытом России.

Да и какая может быть масштабная модернизация, когда от одного слова директора Резервной системы США и даже от заметки колумниста в *Guardian* или *Financial Times* рушатся биржи и замораживаются мега-проекты. Идеология мгновенного накопителства взяла верх над идеологией долгосрочных вложений. К тому же, как отмечает Нобелевский лауреат, экономист Пол Кругман, «нас (то есть их) подвели более всего надгосударственные финансовые институты (ОСЭР, Европейский центральный банк и др.), которые придали ложную легитимность идее «экономии на всем» (Независимая газета, 04.10.2011, с. 5).

Отсюда вывод только один: сегодня де-модернизация и ее черная тень – де-демократизация – проблемы не только экономические и тем более – не технологические. Де-модернизация вызвана, в первую очередь, идеологией и практикой постмодерна, когда демократические реформы и финансовая помощь – лишь приманка. А реально есть только «сильные игроки» (страны, банки, мегаполисы или корпорации), для которых нет никаких границ и которым все можно. Эта идеология – геополитический вариант идеологии потребительского общества, которая сегодня все более проявляет свой *имперский характер*. Евробюрократы сами назвали ее «политикой мягкой силы». Но она совсем не мягкая, если посмотреть на ее практику: хоть в Афганистане, хоть в Косово или Ливии. А главное, что в этой политике не заложено никакой идеи демократизации – только силовое воздействие и навязывание своих правил игры.

05.10.2011

Что означает глобализация по-европейски сегодня?

Начну с изучения случая: Глобализация совершает очередной зигзаг. До недавнего времени западные теоретики трактовали этот процесс как контролируемое Европой и США распространение образцов англо-саксонской культуры. Полагали, что адаптация к ним по всему миру идет под контролем мощи их финансового капитала и военной силы.

Но вот и теоретики, и политики, и сам Европейский союз получил мощный удар в форме массового и неконтролируемого переселения народов. Этот процесс есть

«бумеранг» всемирного распространения идеи неограниченного потребления, которое якобы только и может двигать общий прогресс. Прав был Ульрих Бек: «история возвращается». Происходящее есть именно «бумеранг», то есть столкновение модерна с его «побочными», то есть с негативными последствиями, трудно предсказуемыми и плохо контролируемыми.

Идеологи модерна и постмодерна хотели, чтобы мир потреблял все более, вот и получили массу новых потребителей, которые, однако, не хотят ждать обещанных благ в будущем, а хотят получить их «здесь и сейчас», явочным порядком, пусть вплавь или пешком. Это напоминает времена Римской империи или ещё более ранние. Только в наши дни такой массовый исход чреват вооруженными конфликтами и даже новой войной. Не случайно некоторые политики США, стремясь отвлечь мировое общественное мнение от последствий их политики в Африке и Ближнем Востоке, грозят РФ новыми санкциями за выполнение договоров с Сирийским правительством.

Все идеи тщательной «маркетизации» и «кодификации» (предполагавшие, что все социальные процессы должны происходить по строгим правилам, разработанным политически ангажированными экспертами) пошли прахом: в Объединенную Европу из стран Африки и Ближнего Востока валит толпа, масса, по несколько десятков тысяч в день! Какие уж тут контроль и «кодификация»? А реальные политические цели и действия совсем иные: не пускать, пускать выборочно или пускать как можно меньше. Оказалось, что самый «гуманный» вариант такой превентивной политики – это строить защитную стену. Но есть и более откровенные: ставить на пути толпы мигрантов пулеметы. Так или иначе, первая реакция Европы неадекватная, её модель взята из эпохи раннего индустриализма: предлагаются различные формы «огораживания», только теперь уже не поместий лендлордов, а целых стран. Тут же возникла жаркая политическая дискуссия внутри ЕС о «квотах» на прибывающих: каждый хотел «отгородиться» от них с наименьшими потерями. А ведь социологи Майкл Буравой и Маргарет Арчер уже давно предупреждали, что такая безответственность будет стоить Европе очень дорого.

Что европейские политики, умудренные 50-летним опытом строительства Европейского Союза, не могли просчитать такого сценария развития событий особенно после «Арабской весны» 2011–12 гг.?

Могли, но находясь в плену своей концепции политической и экономической экспансии во все стороны Света (как они её сами называли, политики «мягкой силы»), думать о негативных сценариях последствий такой политики они не хотели. Еще 10 лет назад – для истории это ничтожный срок – лидеры этого Союза видели только плюсы его расширения. А ведь тревожные сигналы уже были: усиление правополитических партий и сепаратистских настроений, постоянные конфликты на южных рубежах ЕС, периодические всплески экстремизма и терроризма. Но тогда его лидерам казалось, что все это – контролируемые «случайности». Массовые переливы финансового капитала считались нормой процесса современной глобализации, а вот что тысячи безоружных людей пойдут походом на сытую и сильную Европу, предвидеть не смогли.

Однако все ли они безоружны? Опять же Объединенная Европа оказалась недальновидной. На её внешнем контуре и внутренних рубежах усилен пограничный контроль, ищут оружие и наркотики. Но самое главное «оружие» нельзя обнаружить, потому что оно спрятано у вынужденных мигрантов из Африки и Ближнего Востока в их головах. То есть в их представлениях о должном, о «правильных» нормах и ценностях. Изошренная европейская политическая наука разработала множество инструментов социального контроля, включая снятие отпечатков пальцев, фейс-контроль и т.п. Но она оказалась неготовой к «удару» массы безоружных людей.

Очередная фальшивая нота европейских лидеров: они строят экономическую и политическую стену против мифической «агрессии» со стороны России, при этом

получая мощнейшую инокультурную инвазию в самое сердце европейской культуры. Куда хотят мигранты? Правильно: в Великобританию, Германию и Швецию, но никак не в Румынию или Болгарию. Сначала западные СМИ долго мазали нас черной краской за Крым, а теперь – «Давайте вместе бороться против общей опасности»?

Наконец, как отмечают аналитики, этот массовый приток вовсе не однороден. В нем, по крайней мере, есть четыре составляющих: собственно беженцы (матери с малыми детьми), достаточно образованные люди, ищущие мирной жизни и достойной работы, «якорники», то есть те, кто хотят зацепиться в ЕС и потом перетащить туда свою семью, и, наконец, террористы и другие криминальные элементы.

15.09.2015

7. Современная глобализация: характеристики и тренды

То, о чем я рассказал выше, является хорошей почвой для усвоения принципа взаимосвязанности всего происходящего в мире. Американский биолог и экономист Б. Коммонер давно сформулировал максимум глобализации как многоплановой сетевой системы: *«все связано со всем и все куда-то попадает. И ничего не дается даром»*.

Но это лишь общий принцип. За прошедшие годы мир принципиально изменился и продолжает меняться с устрашающей скоростью. Он становится одновременно все более взаимосвязанным и поэтому все менее предсказуемым. По моему мнению, *мы уже вступили в эпоху интегральной глобалистики*. Она интегральная, потому что она сложная, комплексная, системная и т.д., поэтому только социологическим инструментарием здесь не обойтись. Но глобалистика – дисциплина интегральная еще и потому, что её предмет имеет локально-глобальный, точнее, локально-региональный-кластерный-глобальный характер. Мы как-то очень быстро, но зачастую поверхностно, схватываем всякий новый тренд, не очень-то обращая внимание на то, что прошлое никуда не делось. Как настаивал Ульрих Бек, «История возвращается!». И не только возвращается, но соседствует (соединяется, интегрируется) с современностью. Нас, жителей мегаполисов, убаюкивает мысль, что все можно сделать с помощью Интернета, не выходя из комнаты. И даже «воевать» не слезая со стула, недаром в повседневный оборот вошел термин «диванные войны»: сиди и смотри!

Но как только мы спускаемся на землю (в прямом смысле), эта иллюзия испаряется. Реакция коллег на мою новую интернет-книгу «Причины и следствия современной войны: взгляд социолога» (2015 г.) была никакой или снисходительной: пусть его, видно экология ему надоела. Никаких обид, но попробую обратиться к мнению профессионала. Возьмем статью А. Шарковского «Пристальный взгляд на Восток» (Независимое военное обозрение, 2015, 25 сентября, с. 1, 4, 5). Сразу выясняется, что привычных уху социолога оппозиций «мы—они», «свой—чужой» в ней нет. Сегодня Ближний Восток – это совсем не «фронт» и не «театр военных действий». Это какой-то клубок агентов разной силы, интересов, масштаба, внешней зависимости, степени организованности и локализации, агрессивности, радикальности. Впрочем, судите сами.

Есть привычные уху геополитические оппозиции типа Запад-Восток, США-Россия, арабский мир и Запад, «Дамаск и Вашингтон», «коалиция и ИГ», и др. Однако оказывается, не только. А. Шарковский пишет этой статье, что есть реальные политические коллективные игроки, имеющие в своем распоряжении вооруженные силы, такие как официальный Дамаск, шиитское правительство и шиитская армия Ирака, Курдистан иракский и сирийский..., Исламское государство, но также есть политические игроки, не имеющие реальной вооруженной опоры. Однако обстоятельства сложились таким образом, что арабский мир и Запад поддерживают

именно эти аморфные оппозиционные формирования, не имеющие опоры в виде вооруженных сил. Речь, например, идет о Сирийском национальном совете и Национальной коалиции сирийских революционных и оппозиционных сил. То есть повстанцы, условно объединенные в некоторую структуру под названием Свободная сирийская армия.

Особую роль в этом конфликте играют ополченцы. Далее, этот автор указывает на существование сегодня, по меньшей мере, пяти «фронтов»: Северного, Восточного, Западного, Центрального и Южного. Но он тут же подчеркивает, что эти «фронты» в своем большинстве являются местным суннитским ополчением, то есть, привязаны к конкретной местности, и лишь незначительная их часть мобильна и пользуются поддержкой только местного суннитского населения.

Но и это не все теоретические инструменты, которые использует автор. Шарковский говорит о реальных политических игроках в регионе, подразумевая под этим интегральную силу некоторого политического лидера, наличия у него военной силы, поддержки части христианского населения, а также участие сторонних боевиков. Есть еще и такие глобально-локальные силы как страны Персидского залива, Иран, Израиль, а есть и политически-значимые фигуры, СМИ, правозащитные и другие гражданские организации и т.д. Нельзя сбрасывать со счетов и сотни тысяч беженцев из данного региона. Пока это «молчащий» социальный агент, но рано или поздно, он заговорит! Наконец, важным игроком является сама среда, в которой разворачивается этот конфликт. Одно дело, когда борьба идет в городах и урбанизированных районах, и другое, когда военные действия на Ближнем Востоке идут в густонаселенных районах и вдоль дорог. Главную проблему составляют именно густонаселенные районы. А некоторые этносы, например, черкесы или друзы, нацелены «только на оборону мест своего плотного заселения».

Поэтому ситуация усугубляется еще и тем, что многочисленные разновеликие поселения шиитов, суннитов, представителей других конфессий располагаются вперемежку, поэтому, прежде чем провести границу между ними, надо урегулировать очень много неразрешимых противоречий. А ведь есть еще и полевые командиры... Неразрешимые противоречия – это оговорка? Думаю, что нет. Данное противоречие неразрешимо только в определенном социально-политическом или конфессиональном контексте. «Значит, нам куда дорога»? Верно, необходимо вхождение в длительный переговорный процесс. Включая и народную дипломатию.

Какие можно сделать выводы из этого отрывка текста военного специалиста? Первое, речь идет именно глоболокальной системе взаимодействий, из которой нельзя «вынуть» ни одного элемента. Напротив, со временем число игроков может возрасти, и их совокупная сила может изменяться. Второе, сегодня в этом конфликтном узле есть игроки главные, второстепенные и подчиненные, есть и сторонние наблюдатели. Но это только сегодня, потому что завтра ситуация может измениться. Год-два назад «Исламское государство» (запрещенное в РФ) оценивалось как региональная сила, затем оно превратилось в угрозу мирового масштаба, а сегодня вообще непонятно есть оно или нет?

Третье, каждый из множества этих игроков имеет за спиной молчаливую поддержку других сил, одни из которых уже ясны, а другие еще не обнаружили себя. Четвертое, само содержание понятия «игрок» может со временем изменяться: это может быть государство или их союз, регулярная армия, военно-техническая поддержка, автономное военизированное формирование, ополченцы и просто вооруженные жители какой-то местной общины. Не забудем и о множестве вполне действенных сегодня международных организациях. Пятое, «театр военных действий» на Ближнем Востоке есть лишь часть «глобального «геополитического театра».

Шестое, политики и политологи все чаще задумываются об «эффекте бумеранга», то есть о воздействии такого конфликта на другие страны и регионы, на жизнь и безопасность их населения. Современный мир не только сжался, но и стал гораздо более уязвимым. Седьмое, никто не знает наверняка, какое оружие («мягкую силу» или «летальное оружие») может применить каждая из сторон. Таким образом, эта глобально-локальная конфликтная ситуация носит динамичный и вероятностный, а зачастую и непредсказуемый характер.

Ну а что социологи? Нужно ли им вообще познание таких глобальных узлов международных отношений и противоречий? Думаю, что изучение социологами таких узлов чрезвычайно актуально, прежде всего, потому, что сама социологическая наука сегодня стремительно глобализируется. И чем раньше мы это поймем, тем лучше.

Далее, приведенный выше «случай» – прекрасный полигон для обучения социологов, особенно молодых, глобальному мышлению, для овладения навыками анализа российских и/или региональных проблем в глобальном контексте. На примере таких «случаев» сразу будет видно, какие из используемых сегодня социологами методов годятся, а какие – нет. Конечно, инсайдерская информация очень важна, но как ее получать? Можно ли ограничиться только анализом контента СМИ и личными впечатлениями экспертов, работавших в этих странах 20–40 лет назад?

Замечу, что постоянно идущие переговоры на всех уровнях – прекрасный и, главное, доступный, материал для дискурсивного социологического анализа. Хотя, конечно, не единственный. Очень трудный вопрос: можем ли мы просто кого-то вооружить, обеспечить технической и гуманитарной помощью, или одновременно нужна еще какая-то идеологическая работа, как в самом эпицентре конфликта, так и в глобальных СМИ? очевидно, что без междисциплинарного взаимодействия не обойтись. Бек не случайно сказал, что «история возвращается». История политическая, этническая, конфессиональная не только возвращается, но и всегда присутствует в наших концептуальных и аналитических работах как постоянно действующий фактор.

Наконец, о социальной экологии. Какая она, глобальная или локальная? Полагаю, что тоже глобально-локальная. Однако об идеологии ИГИЛ у нас пишут много, но какой именно социальный порядок, какая модель среды обитания ею подразумевается – об этом практически ничего.

05.10.2015

Что «думает» о глобализации мировая социология?

Основы социологической теории глобализации была разработаны англосаксонскими социологами еще в середине 1980-х гг. Беглый обзор таких ключевых международных журналов как «International Sociology» и «Current Sociology» за последние 10 лет свидетельствует, что предмет глобальной социологии (или социологии глобализации) все еще не определен. Скорее, речь за эти годы шла о влиянии «Третьей технологической революции» и её роли в формировании «сжимающегося мира». Это, несомненно, важная проблема, но далеко не единственная для современной социологии.

С.А. Кравченко, З. Бауман, У. Бек, М. Кастельс, Дж. Урри обозначили такие ключевые подходы к формирующемуся глобальному миру, как вероятностный, информационный, ресурсный и рискологический. Но при всей их важности, эти подходы пока еще мало говорят о собственно социальной специфике формирующегося глобального мира. Удивительно, что Форум МСА 2016 г. в Вене (Австрия), посвященный будущему мира, судя по опубликованным абстрактам докладов, также не определился в этом отношении. Напоминать в очередной раз, что такие традиционные для социологического анализа проблемы как неравенство или конфликты приобрели

международный характер сегодня уже недостаточно. Посмотрим сначала, какие темы, понятные социологам, обсуждались на одном из последних саммитов G-20, а потом я попытаюсь обозначить возможные направления развития социологии глобализации.

Во-первых, это проблема *мирового социального порядка*. Как бы мировые лидеры ни переводили её на язык экономики или политики, это традиционная для социологии проблема. Конечно, для её «глобализации» нужны иные инструменты. Только статистические сопоставления уровней дохода или потребления здесь недостаточны. Массовые международные опросы также не дают ни динамики этого порядка, ни рисков его порождаемых. К сожалению, не социологи, а глобально мыслящие экономисты поняли, что одним из таких инструментов является *анализ глобальных сетей и инфраструктур*. Вообще, анализ, как политических, так и социальных сетей, столь распространенных в изучении СМИ, плохо прививается в современной социологии. Между тем, даже если просто перечислить число и характер встреч Президента РФ В.В. Путина с другими мировыми лидерами, уже можно было бы сделать весьма любопытные выводы.

Во-вторых, мировой социальный порядок требует изменения *правил игры* на глобальном поле. События последних лет и даже месяцев показали, что только экономических или политических правил игры теперь уже недостаточно. Такие глобальные экономические институты как Мировой Банк или Международный валютный фонд критически отстают от динамики глобального мира. А Европейский Союз пока не справляется с вызовом массового наплыва мигрантов из стран Ближнего Востока и Африки. Пора уже понять, что в основе правил игры всегда лежат не только экономические или политические интересы, но и *господствующие ценности*, светские или религиозные. А вот это уже наша проблематика.

В-третьих, это проблема *международного терроризма* как глобального риска. Почему экономисты и политики объединяют свои усилия в её изучении, а мы этого не делаем? Да, отдельные теракты в США, Европе и в России изучаются, но главным образом политически, а не социологически. Ведь прежде чем что-то запрещать на законодательном уровне, надо этот феномен изучить со всех сторон, в том числе социологически. Ведь, строго говоря, террор – это, в том числе, инструмент для преодоления веками копившейся несправедливости или же для реализации планов амбициозных политиков.

В-четвертых, любой структурно-функциональный анализ зиждется не только (а сегодня уже не столько) на изучении неких социальных структур, но, прежде всего, на *понимании их динамики, эволюции и взаимных трансформаций*. Каким законам подчинена динамика глобального мира – вот ключевая проблема социологии глобализации! Ключевая она потому, что мир сегодня представляет собой весьма противоречивую *социобиотехническую систему*, развивающуюся нелинейно, а скачками и неожиданными ходами. На G-20, как и на предыдущих Саммитах, климатическая, точнее, геосферная составляющая этой динамики была только обозначена, но глубоко не обсуждалась. А решения парижского саммита по климату не ратифицированы США и другими государствами.

В-пятых, российские и международные аналитики заметили, что на данном Саммите обозначилась его некоторая *«семейность», личностный характер взаимодействия мировых лидеров*. Несмотря на всю официозность данного мероприятия, лидеры все чаще общались (или наоборот, ссорились, а потом извинялись) как-то по-семейному. Обозреватели и сами лидеры назвали это явления «химией» межличностных симпатий и антипатий. А почему, собственно говоря, нет? Ведь в идеале наш тесно интегрированный мир это некоторая «большая семья», или, как когда-то сказал А. Тоффлер, «большая деревня». То есть сквозь годами разработанный дипломатами «протокол» вновь прорвался чисто *личностный интерес*

его участников друг к другу. И это вполне естественно, потому что глобальная геополитика определяется, не в последнюю очередь, типом личности мировых лидеров.

На мой взгляд, уже сегодня можно выделить еще целый ряд насущных направлений в изучении глобальной социодинамики. Нужен свежий взгляд на *базовые ценности и цели* её участников. Как-то я все более сомневаюсь, что все они подчинены целям глобального господства и принципу «разделяй и властвуй». Целый ряд этих участников, включая Россию, Китай, и десятки других стран мира, и в том числе, малых стран, стремится к сохранению своей социальной идентичности, культурной самобытности и привычного природного окружения. Всякая новизна не абсолютна, она хороша только тогда, когда есть «точка опоры», то есть историческая память и личное, групповое или национальное социальное и культурное пространство. Во всяком случае, вступая в международные альянсы и союзы, мы должны помнить о сохранении своей национальной и культурной идентичности. Я глубоко уважал З. Баумана, но некогда созданный им образ космополита как человека «в спортивных тапочках и с мобильником в руке» меня не прельщает. Тем более, что в своих последних работах он фактически от него отказался.

Для этой цели надо постараться выявить *социальные архетипы* главных участников этой динамики. Для нас, россиян, осуществляющих сегодня стратегический поворот на Восток, это особенно существенно. Признаемся, наше знание истории и культуры Китая и стран Юго-Восточной Азии, равно как Африки или Латинской Америки, для этого недостаточно. Когда я в 1950-х гг., будучи еще студентом, взялся за изучение культуры Бразилии, её исторических корней, я был совершенно сражен собственной неграмотностью в области истории и характера людей этой части мира. Обратная сторона той же медали – это культура массы, а не массовая культура, которую так пропагандируют социологи-авангардисты. По методу своих многолетних исследований я приверженец качественных методов в социологии, поэтому *я привык подолгу разговаривать с людьми*, с самыми разными людьми. Никакой массовый опрос не может дать того глубокого и многостороннего знания, которое могут дать не только интервью, но просто включенное наблюдение.

Я уже отмечал, что американский студент просто ездил в поезде «Москва-Владивосток-Москва» туда и обратно, слушая и записывая разговоры пассажиров. Кто не поверил, могу показать его отчет. Но он совсем не единственный в своем роде: молодая российская защитница природы, когда едет домой (с пересадками) на побывку, читает лекции по экологии пассажирам, весьма далеким от наших московских страстей. Но ее, девчонку, слушают, задают вопросы и говорят сами. Если мы действительно хотим мира, то диалог должен идти на всех уровнях: от президента до школьника. Селфи, фотки, переругивание в сетях не могут, не должны заменять личного общения. Новейшие технологии нужны, но быть рабом «интернета вещей» (К. Шваб) – такая перспектива меня лично не прельщает.

Исследование названных социальных архетипов хорошо бы вести в связке с изучением *возможных трендов и сценариев* и их роли в динамике *глобального целого*. Один частный, но важный вопрос. В 1960-70-х гг. существовало международное движение «За мир во всем мире». Западные политологи утверждают, что оно было инспирировано Советским Союзом. Но это не так, потому что такое движение не могло бы существовать, если бы не было мощных национально-освободительных движений в бывших колониях европейских стран.

Не парадокс ли: в современном глобальном мире множатся локальные войны и конфликты, общее напряжение и страх перед «большой войной» нарастают. Однако нет больше глобального движения за мир, есть только национальные и локальные. Опять мне возразят сторонники Real Politik: глобальная политика делается глобальными игроками. Да, но опять же далеко не всегда и не вся. А что же тогда, например,

представляет собой массовый поток беженцев и переселенцев из стран Ближнего Востока и Африки в Европу? Это, конечно не движение за мир, но очевидно, что это массовое движение. И возникает такая крамольная мысль: а не есть ли это массовое движение формой «тихой» борьбы за свое лучшее и мирное будущее? За доступ к благам цивилизации, которые уже много веков явно и тайно вывозятся из этих стран европейцами? Да и вообще, всеми «сильными мира сего».

Если мы найдем ответы на предыдущие вопросы, тогда можно приступить к анализу социальных причин и динамики *глобальных конфликтов*. А это означает, что социология не может довольствоваться только периодическими «срезами» общественного мнения по отдельным проблемам. Сегодня методически неверно разрезать единое тело мировой политики на «ломтики» срезов общественного мнения. Необходим переход к *постоянному мониторингу* развития таких конфликтов и, соответственно, к *построению сценариев* их динамики и сопутствующих ей конфликтов. Всякой встрече мировых лидеров предшествует длительный процесс консультаций и переговоров. Почему бы социологам не изучать эти one-to-one процессы коммуникации?

Но есть и другая сторона этой динамики. Как я уже неоднократно отмечал выше, современный мир – это глобальная социобиотехническая система. И её общая динамика заслуживает специального исследования. Но уже очевидно, что природа «предъявляет» человечеству счет. И кто и как будет этот счет оплачивать, пока неясно. Пока нам все кажется, что это – случай, завтра будет лучше и т.д. Но один тренд уже наметился: *человечество все более разделяется на «пострадавших» и «спасателей»*. Численность и оснащенность сил МЧС, «врачей без границ», «голубых касок», гуманитарных миссий и конвоев в мире угрожающе растет.

Наконец, почему бы социологам, помимо изучения глобальных политических сетей и межличностных контактов мировых лидеров не заняться исследованием *роли личностей в современной истории*, то есть роли тех мировых лидеров, которые формируют повестку дня глобальной динамики. Экономисты скажут, что все решают транснациональные корпорации и международные альянсы. Согласен, но частично. Разве по поведению на прошлом Саммите Президента США Б. Обамы не было видно, как он огорчен, что его план создания двух трансокеанских альянсов без двух глобальных ключевых игроков, Китая и России, рушится буквально на глазах? Разве было не видно, что В.В. Путин держался достаточно уверенно на встречах с самыми разными мировыми и региональными лидерами?

Вообще, увлекшись изучением рынка и иных глобальных деперсонализированных механизмов формирования мирового порядка, мы как-то все время забываем о существовании их лидеров, и индивидуальной и социальной психологии их изучающих. З. Фрейд, М. Бехтерев, Л.С. Выготский, И. Гоффман и другие великие психоаналитики, как сегодня выяснилось, были во многом правы в их оценке психологических типов мировых лидеров XX века! А ведь историю всегда делали и делают живые люди, со своими страстями и амбициями.

Тем более что такой исследовательский опыт есть и в отечественной, и в мировой социальной психологии. Может быть, в частности, такой оборот подвигнет отечественных социологов к рефлексии по поводу истории отечественной социологии и роли в ней отдельных персон, что сегодня в очередной раз отдано на откуп иностранным гастролерам. Общий вывод: глобальная социология сегодня – это проблемно-ориентированная и междисциплинарная отрасль знания, способная ориентироваться в нашем сложном и беспокойном мире.

08.19.2016

Глобальное Черное море?

(Размышления над статьей Т. Грачевой «Глобальное Черное море» // Военно-промышленный курьер, 2016, № 38 (653), с. 3)

Опять возвращаюсь к «изучению случая». Почему я снова и снова цитирую военных аналитиков? Потому что геополитические процессы и проблемы, ими порождаемые, напрямую касаются нас, социологов. А также потому, что мы в своих исследованиях слишком часто абстрагируемся от внешних вызовов, забывая, что мы живем «внутри» процесса глобализации. Впрочем, судите сами. Вот мои основные тезисы.

Сегодня в мире идет борьба уже не между государствами и их коалициями. В условиях глобализации, стирания госграниц и подчинения национальных интересов глобальным *основой современной военной стратегии является регион*. И автор перечисляет названия военно-стратегических проектов: Большая Европа, Большой Средний Восток и т.д. А я могу добавить, что уже с начала 2000-х гг. существовал и проект «Большое Черное море». Вот именно поэтому оно и названо глобальным.

Эта война ведется в интересах не столько отдельных государств, «но наднациональных структур» и в целом в интересах «глобальной корпорации, которая купила власть в странах Запада». Её интерес – именно в глобализации, потому что чем больше войн, тем больше денег, потому, что всякая война разрушает сложившийся социальный порядок, создает хаос, а он позволяет решать свои собственные экономические и политические проблемы, не считаясь с местным населением. Война за ресурсы продолжается.

Как инструмент национальной политики война ограничена интересами государства. Но как инструмент глобальной политики она не ограничена ничем и обречена стать перманентной. Как уже давно показали В.О. Рукавишников и другие российские политологи, горячая и холодная войны могут переходить в холодный мир, и обратно. Как свидетельствует предвыборная кампания в США, образ внешнего врага является одной из её движущих сил.

Четвертый, и очень важный для нас, социологов тезис, заключается в том, что *в условиях глобальной экспансии народ отчуждается от войны*. Как показала серия «цветных революций» в Европе, Азии и Африке, посредством финансирования оппозиции, создания протестных движений и массовых акций насилия население дезориентируется, его потенциал сопротивления резко ослабляется. Как отмечает Грачева и многие другие авторы, для дестабилизации социального порядка и подрывной работы используются не только СМИ, но наемники, подпольные или повстанческие силы, или оппозиция.

что Современный мир рассматривается «как единое поле битвы». Т. Грачева цитирует Дж. Фридмана, председателя и основателя американско-израильского центра Stratfor, считающегося в Америке ведущей геополитической, разведывательной и консалтинговой фирмой. Аналитик пишет о необходимости создания новой стратегической карты, которая объединяет в единое целое две войны – на Украине и в Сирии и Ираке. И вот его главный вывод: принципиально важно научиться думать в понятиях единого оперативного центра тяжести. Для меня все более очевидно, что *таким центром тяжести является Черное море* (выделено мною – О. Я.).

Как говорит Грачева, «Следуя логике глобальной стратегии и интеграционного подхода к войне против России, Фридман предлагает рассматривать как единый ТВД (театр военных действий – О. Ян.) не только Ближний Восток и Украину, но и регион, объединяющий Румынию, Венгрию и Польшу». Фридман полагает: «Все это пересекается с джихадистами и Ираном. Северная Сирия и Ирак находятся на расстоянии менее чем 650 километров (400 миль) от Черного моря...». И далее: «В

стратегии *Большого Черного моря* ключевое значение для США приобретают Турция и Румыния. Что касается первой, имеющей интересы во всем (черноморском – О. Я.) бассейне – в Сирии, Ираке, на Кавказе, в России и на Украине, она становится одним из незаменимых американских союзников».

Грачева заключает, что «Глобальное несовместимо с национальным и утверждается через его уничтожение. В этой объективной несовместимости кроется причина кризиса американской стратегической мысли, который превратил армию США в прокси-силу глобальной элиты». Понятно, что военные геополитики и в РФ, и за океаном мыслят глобальными категориями. Я не призываю всех российских социологов превратиться в геополитиков. Но нельзя и не учитывать геополитический фактор в нашей повседневной работе. Интегрированный мир требует разработки интегрированных стратегий для понимания, какое именно место занимают наши социологические исследования и выводы в глобальном процессе. Уже в течение более 20 лет мировая социология оперирует термином «глокализация», указывающим на необходимость понимания того, как влияет глобальный контекст на действия и мышления людей в конкретном регионе или городе.

10.10.2016

Технократическая версия процесса глобализации

О книге Клауса Шваба «Четвертая промышленная революция». М.: Издательство «Э», 2017, 208 с.

В Предисловии к книге Г. Греф пишет: «Мы живем... в эпоху, когда радикальные изменения технологий происходят на наших глазах, и то, что еще вчера казалось фантастикой, сегодня уже является реальным проектом, ...а завтра становится естественным, распространенным и обыденным явлением...». Особенностью новой технологической революции «станет то, что внедрение новых технологий будет характеризоваться огромной скоростью и сопровождаться мощнейшей конкуренцией» (с. 7).

К. Шваб – один из основателей и Президент Всемирного экономического форума, который ведет самую разнообразную научную, экспертную и общественную деятельность. Специально обращаю внимание на этот факт социологов, которые, имея не менее мощные международные организации (Международная социологическая ассоциация, Европейская социологическая ассоциация, национальные социологические союзы и ассоциации с множеством отраслевых исследовательских комитетов), так и не провели ни одного комплексного (системного) международного исследования глобальной динамики. Только в 2016 г. произошло историческое событие: два международных совета (по общественным и естественным наукам ЮНЕСКО) решили объединиться. Но пока там еще идет организационный период их слияния (merging).

В отличие от них Форум развивает именно системный подход к анализу глобального мира. Что в данном случае означает, прежде всего, *сетевой подход*. Шваб не дает операционального определения Четвертой промышленной революции (далее НТР-4) однако указывает на фокальную точку его анализа: *сосуществование технологий и общества* (с. 11). Однако акцент все же делается им на технологических инновациях: «С помощью радикальных технологических изменений мы имеем возможность поразмышлять, кто мы есть на самом деле и как мы воспринимаем мир» (с. 11).

И далее: «Фундаментальный и глобальный характер данной революции означает, что она станет неотъемлемой частью все стран, всех систем, отраслей и людей». То есть на все процессы, не имеющие научных, социальных, политических и промышленных границ (с. 12). И вот здесь уже начинаются вопросы. Очевидно, что в концепции НТР–

4, предлагаемой автором, примат принадлежит технике и технологиям. Несомненно, что эта НТР окажет воздействие на все страны и сообщества. Но в какой степени, и каким именно образом? Пока можно предположить, что концепция, развиваемая Швабом, предполагает, что самые разные страны и сообщества воспримут её как императив. Автор не предполагает, что у других глобальных и национальных агентов может быть совсем иной взгляд на мир. Но в науке и технологических отраслях знания всегда шла жестокая борьба за понимание социальной роли технологических инноваций.

Далее, вся человеческая история происходила под знаком развития и угасания разных цивилизаций, причем каждая из них вносила свой вклад в мировую «копилку» технологических инноваций. Вполне вероятно, что каждая цивилизация, например, китайская предложит свои пути и формы освоения технологических новинок. Правда пока не понятно, как будут сочетаться разнообразие существующих форм национальных культур и конфессиональных принципов с унифицирующей силой новой технологической революции. На протяжении последних четырех веков так называемая англосаксонская культура только уничтожала социальное и культурное разнообразие колониальных стран, то же происходило и с их природным ландшафтом.

Наконец, автор неоднократно подчеркивает необходимость «создания позитивной, единой и многообещающей концепции, благодаря которой отдельные люди и сообщества из всех стран мира смогут принять участие в текущих преобразованиях и воспользоваться их преимуществами» (с. 12). Или, все-таки это должно быть единство в многообразии? Шваб справедливо считает, что «существующий уровень управления и осознания текущих изменений по всем областям крайне низок в сравнении с необходимостью переосмысления экономических, социальных и политических систем». «Национальные и глобальные организационные структуры, необходимые для регулируемого распространения инновации и смягчения процессов дезинтеграции, в лучшем случае являются неадекватными, а в худшем – полностью отсутствуют» (с. 17–18). И что отсутствует также последовательная, позитивная концепция на глобальном уровне, которая могла бы определить возможности и вызовы Четвертой промышленной революции... для предотвращения негативной реакции общества на происходящие кардинальные изменения. Однако, почему именно «управления»? А где же самоуправление? И разве история не имеет собственных законов, собственной внутренней динамики даже в эпоху НТР–4?

Наконец, с моей точки зрения, просто «позитивных концепций» не бывает. Всякая научная концепция только выявляет основные тренды и указывает на их возможные социальные последствия. А её «позитивность» определяется самим историческим процессом.

Далее Шваб утверждает, что основные технологические инновации находятся на грани эпохального глобального изменения, и это совершенно неизбежно. Я согласен, что эпохальные изменения неизбежны, но почему только «технологические инновации»? А разве общество не рождает постоянно социальные инновации? Если бы, например, его социальные институты периодически не изменялись, то оно просто погибло бы, его бы не спасли никакие новые технологии!

Ключевая идея автора не очень ясна: что нам предстоит, то ли «революция сверху», от небольшого числа интеллектуалов, или же – это требование самого капиталистического производства? Затем, какова главная цель новой НТР: не удешевление ли продукции и ускорение её распространения по миру? Если так, тогда «цифровая революция» является еще одной стороной модели общества потребления? Ведь сегодня практически все сферы потребления, как человеческого, так и производственного, направляются не столько стремлением облегчить жизнь рядовому

потребителю, но, прежде всего, задачей увеличения притока капитала и снижения издержек производства.

Шваб постоянно подчеркивает, что течение социального времени с каждым годом ускоряется, и это очевидно. Но чьё именно время ускоряется? Ведь *есть другое время: бедной части общества, время распада, войн и конфликтов!* Бедным и обездоленным нужны, прежде всего, не цифровые интерфейсы, а вода, хлеб, крыша над головой, относительная безопасность и элементарная медицинская помощь. Как быть с ними? О них ничего не сказано. Получается, что НТР–4 это фактически власть глобального технократического сообщества. Но хорошо известно, что всякая цивилизация имеет свой цикл «развития-угасания-распада». У этого процесса есть и обратная сторона: сегодня блага НТР–4 уже используются бедными странами для борьбы с богатыми.

Взаимодействие власти и общества представлено в книге достаточно расплывчато: «Прорыв в сфере существующих политических экономических и социальных моделей в результате четвертой промышленной революции потребует от самостоятельно действующих лиц признания себя частью системы распределенной власти, которая предусматривает коллективные формы взаимодействия» (с. 42). Как это понимать? И почему именно в сфере «моделей», а не в действительности? Кто они такие эти «самостоятельно действующие лица»? Шваб признает существование «глобального Юга», то есть совокупности стран и регионов, отстающих от НТР–4 на несколько исторических эпох. Поэтому вряд ли дело только в «преодолении цифрового барьера» и «дефицита данных». Скорее, в преодолении разрыва между Севером и Югом.

В этой работе фактически игнорируется основной принцип диалектики, то есть сопряженного анализа благ и бедствий, производимых всякой НТР, принцип, которого придерживались ведущие социологи мира. Уже сегодня «технологический прорыв» означает для миллионов людей абсолютную незащищенность против любых информационных атак, разрушение «первичной эко-структуры» или, как ее называл Э. Гидденс, «кокона основополагающего доверия». Или, как называет ее Шваб, «личной экосистемы» (с. 22). Кстати, автор неоднократно использует термины «экосистема», «экологический», но не дает им концептуального обоснования.

Шваб, анализируя изменения, продуцируемые НТР–4, применяет диалектическую методику этого анализа, разделяя их на 5 критических моментов и последующих состояний: (1) переломный момент; (2) положительный эффект; (3) отрицательный эффект; (4) неопределенный эффект и (5) глубинное изменение в действии (с. 141 и след.). Само это разделение вызывает сомнение, так названные выше эффекты в реальной жизни могут сочетаться самым различным образом. Кроме того, здесь не учтен фактор времени, точнее его постоянного ускорения, на который Шваб обращает внимание на протяжении всего повествования. Но как тут быть с диалектикой социальной динамики: Ведь отрицательные эффекты и сегодня, и в будущем могут дать положительные результаты или, по крайней мере, затормозить негативную динамику некоторых сообществ.

Государство и бизнес все активнее контролируют (направляют, переключают, перепрограммируют потоки информации) в глобальной сети. Поэтому важно понимание не только соотношения этих пяти эффектов, но и степень их позитивного или разрушительного воздействия на социальные общности и отдельных индивидов. Если, например, частная жизнь под угрозой, это резко изменяет поведение масс на работе, дома, на улице и т.д. Шваб где-то смягчает краски, говоря, например, о распространении «неточной информации» (с. 144). Но сегодня, как показала ситуация в США и ЕС, существует целая *индустрия производства ложной информации*, шантажа, запугивания и т.п. Шваб интеллигентно называет этот эффект «эхо-камерой», тогда как речь идет о «промывке мозгов» и формировании «одномерного человека».

Шваб указывает на принципиально важный момент: число пользователей тремя самыми популярными видами сетей уже есть некоторое «сетевое сообщество», сила которого, возможно, сравнима с силой Китая или других крупнейших государств мира. Вот этот тезис было бы весьма желательно развить. Действительно, что сильнее: сетевое сообщество или территориально организованная сила? Или же глобальное сообщество не может выжить без сосуществования сетевых и территориально-локализованных систем? В мировой литературе неоднократно предпринимались попытки поставить мировому сообществу диагноз, не делая при этом никаких прогнозов. Но здесь мы имеем нечто противоположное: прогноз без диагноза. А ведь для диагностики, употребляя медицинскую терминологию, всегда нужен анамнез, то есть история болезни данного сообщества.

Как отреагирует «третий мир» на НТР-4? Это – принципиальный вопрос, потому что, если судить по характеру современных геополитических сдвигов, эта реакция может быть чисто «потребительской». Третий мир, в течение столетий находившийся под гнетом англо-саксонского мира, сегодня требует не внедрения «цифровых технологий», а, прежде всего, прямого доступа к благам этого мира «здесь и сейчас». Мотив весьма понятный: вы веками грабили нас, так теперь отдайте нам хотя бы часть того, что вы отняли у нас и наших предков силой. И далее Шваб прямо указывает на грядущую опасность: она заключается в том, что четвертая промышленная революция делает принцип «победитель получает все» доминирующим в отношениях между странами и внутри них. Это усугубит социальное напряжение и конфликты, обусловит создание менее взаимосвязанного и более нестабильного мира, особенно с учетом того, что сегодня люди лучше информированы о социальной несправедливости и несоответствиях в условиях жизни разных стран.

Поэтому лидеры государств и частного бизнеса должны убеждать граждан, что они используют «заслуживающие доверия стратегии» (с. 61). А если гражданам просто нечего есть и негде жить? – тут не до «стратегий»! Если им не оказать неотложную помощь, они просто вымрут...

Но и к предлагаемым *стратегиям на рынке труда* развитых стран есть некоторые вопросы. Например, Шваб утверждает, что работодатели все чаще используют «человеческое облако» для решения вопросов (всех или каких именно?). Профессиональная деятельность рассекается на точные задания и конкретные проекты, которые затем выносятся в виртуальное облако готовых исполнителей, расположенных в любой стране мира. Это – новая «экономика по требованию».

Во-первых, откуда работодателю известно, что в «облаке» есть исполнители, готовые решать «точные задания и конкретные проекты»? Во-вторых, а как быть с быстротекущим временем? По моему мнению, в современном мире каждый день возникают все новые вызовы, требующие не столько вчерашних «компетенций» и «протоколов», сколько гибкости мышления и действия. В-третьих, что эти «готовые исполнители» сидят на этом облаке и ждут, когда их позовут? Им же надо жить, кормить семью, непрерывно повышать свою квалификацию и т.д. В-четвертых, такие исполнители есть сегодня только в наиболее индустриально развитых странах, а отнюдь не «по всему миру». Получается, что Шваб более реалистичен, говоря, что подключение к Интернету вызовет безжалостную гонку в мире нерегулируемого виртуального каторжного труда.

Мысль Шваба, что необходимо ограничить побочные эффекты человеческого облака в отношении возможной эксплуатации труда, при этом сохранив перспективы роста рынка труда и не мешая участникам работать так, как они считают нужным, представляется мне весьма уязвимой. Решение этого извечного вопроса, полагает Шваб, полностью зависит от политических и организационных решений, которые мы принимаем. Так что же тогда все-таки является драйвером текущих перемен:

свободный рынок или политические и организационные решения? Или, иначе: самоорганизация или управление?

Вот ответ Шваба: «мы находимся на этапе, когда стремление к осмысленному участию становится основным вопросом. Это особенно относится к молодому поколению...» (с. 65). Шваб как представитель одного из наиболее «продвинутых» сообществ мира не решается распространить этот тезис о свободном выборе на весь мир. Поэтому он пишет, что в «мире с исчезающими границами и меняющимися устремлениями людей интересует не только баланс работы и личной жизни, но также их гармоничная интеграция. Боюсь, что будущее обеспечит возможность такой реализации далеко не всех» (с. 65). Это – более реалистическая позиция, нежели общий тезис: «с учетом ускоряющегося развития технологий четвертая промышленная революция будет уделять особое внимание способности работников к постоянно адаптации и усвоению новых навыков в разнообразных контекстах» (с. 64). Сама революция никакого внимания уделять не может, она только разрушает привычные формы бытия. А вот что захотят и смогут сделать её идеологи и политики – это большой вопрос.

«Четвертая промышленная революция, – пишет Шваб, – изменяет не только то, что мы делаем, но и то, чем мы являемся». И далее: «в силу все тех причин, которые уже были названы, мы стоим на пороге радикального системного изменения, к которым людям придется непрерывно приспосабливаться. В результате мы можем стать свидетелями нарастающей поляризации в мире, которая разделит тех, кто принимает происходящие изменения, и тех, кто им сопротивляется». И далее Шваб делает принципиальное заявление: это *«приводит к неравенству, которое выходит за рамки неравенства социального... Это онтологическое неравенство разделит тех, кто приспособился, и тех, кто сопротивляется переменам, превратив их, по сути, в победителей и неудачников»* (с. 119; – Выделено мною, О. Я.).

Сказав это, Шваб тем самым трансформировал этот технократический императив в социальный. Если К. Маркс говорил о классовой борьбе, затем либералы и социал-демократы – о социальном неравенстве и несправедливости, то теперь, оказывается, что это разделение социального мира носит онтологический, то есть неизбежный, характер. А как быть с миллионами тех, кто не имеет ни материальных, ни иных возможностей приспособиться к «бравому технократическому миру»? Как быть с другими миллионами престарелых, больных и нищих, которые, может быть, хотели бы сохранить свою идентичность, свою Малую родину?

Однако Шваб настаивает на своем, утверждая, что «...потенциальное разделение и напряженность, которую оно порождает, будет усугубляться границей, пролегающей между поколением, которое выросло в цифровом мире и знает только его, и поколением, которое родилось раньше и должно приспособляться к новым условиям» (с. 120). Значит, нам предстоит еще одно «онтологическое» размежевание! Вместо взаимопонимания между старыми и молодыми между ними растет пропасть отчуждения, отталкивания и даже войн «за место под солнцем»? А не есть ли это хорошо завуалированная идея о необходимости «омоложения» мирового сообщества посредством «естественной» убыли в нем больных и пожилых?

Это – еще один пример технологического детерминизма, а именно: все и всяческие человеческие контакты теперь реализуются только через цифровые технологии. Хотя динамика народонаселения планеты имеет свои внутренние законы, в ней есть свои «критические точки», именуемые демографическими революциями и т.д. Если индивид находится вне цифрового мира, значит, его нет вообще со всеми вытекающими последствиями (пенсии, социальная помощь, контакты с внуками и правнуками и просто проявления человеческого участия).

Интересно, что чуть дальше Шваб, по существу, возвращается в сферу традиционных для философии и социологии вопросов: сколько личной свободы останется у человека в цифровом обществе, не превратятся ли люди в роботов и вообще, и как нам сохранить свою индивидуальность? Более того, Шваб цитирует исследования, свидетельствующие о перегруженности человеческого мозга. Он пишет, что НТР–4 «превращает технологии во всепроникающую и доминирующую часть нашей личной жизни» (с. 125). Шваб цитирует Нобелевского лауреата Герберта Саймона, который еще в 1971 г. предупреждал, что богатство информации приведет к убогости внимания. Но на эти животрепещущие вопросы у автора нет ответа, кроме общего рефрена типа, что мы должны это предвидеть и нивелировать возможные отрицательные последствия. Возникает и встречный вопрос: *а почему цифровая революция, то есть новейшая технология, созданная сотней-другой ученых и технологгов, диктует правила жизни всему человечеству?*

Не правильной бы поставить вопрос по-иному: что нужно для сбережения народа и развития личности? И вообще – почему бы не идти диалектически, то есть *с двух сторон*, пытаясь связать и совместить технологический прогресс и потребности разных групп и страт населения мира? Но именно в этом заключается главный методологический изъян концепции Четвертой промышленной революции – она строится на примате технологической изобретательности человека, точнее, малых наиболее продвинутых групп, а потом, когда некоторый технологический продукт уже спроектирован и становится «потребительной стоимостью», вычисляются его неизбежные социальные последствия.

Монография К. Шваба завершается кратким, но весьма содержательным описанием 23 «глубинных изменений», которые принесет НТР–4. Среди них самые разные аспекты внедрения цифровых технологий, от имплантируемых технологий в тело человека, «цифровидения» как нового интерфейса и интернета вещей и до «умных городов», «больших данных» для принятия решений. А также самые разные применения 3D печати, включая человека, чей геном был подвергнут модификации и вплоть до человека с полностью имплантируемой памятью в его мозгу. Шваб честно предупреждает, что погружение (он это называет «подключенностью человека к информационным системам») в цифровое пространство снижает наши познавательные способности (с. 123).

Этот перечень открывающихся возможностей поистине впечатляет, если бы не одно обстоятельство. Оно очень скромно названо: *мозговая дискриминация*. Но это, пожалуй, квинтэссенция всей Четвертой промышленной революции. Потому что наряду с помощью больным, пострадавшим в авариях и катастрофах, а также новыми методами лечения многих болезней, эта революция грозит, надеюсь пока потенциально, не только окончательной утерей частной жизни, но и медленного, но неотвратимого процесса утраты способности человека к творческой деятельности. Тем более, если «следующее поколение компьютеров по изучению мозга, сможет рассуждать, делать предсказания и реагировать так же, как это делает кора головного мозга...» (с. 196). Зачем тогда помогать пострадавшим и лечить больных, если всем нам без исключения грозит утрата самой сущности человека как высшего существа? Или так будет проще и веселей жить? И это далеко не шутка. Шваб, рассуждая на «границы допустимого», предполагает, что в недалеком будущем дети могут превратиться в товар, изготовленный по заказу родителей (с. 122).

Шваб беспристрастно констатирует: сегодня нейротехнологии применяются уже не только для научных и медицинских исследований, но и с целью масштабных изменений в обществе (с. 195). И что самое главное в нашем беспокойном мире, это то, что *все эти технологические новшества проникновения в человеческий мозг или в вашу личную жизнь стремительно дешевеют!* Если уж хакерские атаки на крупнейшие

банки мира совершаются студентами с обычного компьютера, то мы оказываемся не только в зоне тотального риска, но нам угрожает утеря нашей социальной сущности, нашей индивидуальности! Иными словами, каким образом отдельный человек сможет сохранить свою индивидуальность? Может быть, придется строить «параллельную» цифровую индустрию для защиты человеческой самости?

Наконец, Шваб полностью избегает обсуждения последствий использования «цифровых новинок» в военном деле, при создании новых видов вооружения и ведения новых форм гибридной войны.

Книга К. Шваба касается всех. Шваб сегодня самый информированный и компетентный эксперт в области развития цифровых технологий, собравший в одной книге уникальный материал по большинству направлений развития и применения цифровых технологий. Что же касается социальных последствий этой новой НТР, то здесь дело обстоит несколько сложнее.

Автор – инженер и экономист по образованию. И хотя Всемирный экономический форум, который он возглавляет, охватывает разные сферы бизнеса, политики и общественной деятельности, все же в рецензируемой нами книге автором сделан акцент на отдельных (отраслевых) успехах и социальных последствиях развития цифровых технологий именно как инженерной сферы. И в этом заключается главный недостаток книги. Точнее – не её содержания, а именно методологических позиций, с которых она написана. Одно дело, что сетевые системы существовали с глубокой древности, и совсем другое, когда они становятся «несущим каркасом» существования современного общества. За доступ к ресурсам этой сетевой системы идет жестокая борьба транснациональных корпораций, отдельных государств и групп интереса. Текст книги прекрасно структурирован по отдельным темам и направлениям, но синергетического результата их взаимодействия здесь явно не хватает.

Другая сторона той же проблемы – это новый уровень конфликтности глобальной динамики или, как сказал Г. Греф в Предисловии, эту динамику будет сопровождать «мощнейшая конкуренция». Поэтому, на мой взгляд, здесь нужен не столько «проектный подход» (его важность в отдельных отраслях невозможно отрицать), сколько комплексный системный подход к изучению глобальной динамики как противоречивого, но единого целого. И если, как справедливо подчеркивается автором книги, все социальная жизнь под воздействием технологических инноваций постоянно ускоряется, то необходим столь же комплексный и непрерывный мониторинг её динамики. А, значит, и соответствующий технико-технологический и социальный инструментарий.

26.03.2017

Глобализация и микро-проблемы города

После моего недавнего доклада на Ученом Совете Института социологии ФНИСЦ РАН некоторые мои коллеги были недовольны, «Опять этот Яницкий про свою глобализацию!». Нет, уважаемые коллеги, это не так. Посмотрите, пожалуйста, мою новую монографию «Глобализация. Город. Человек», она размещена на сайте Института, там не только про Москву, там треть текста – о микросреде города во времена Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) и мирной жизни после нее.

Но сейчас о другом. О том, что думают наши коллеги, сегодня живущие от столицы на расстоянии во много тысяч верст. Речь пойдет о городе Благовещенске, где тоже есть и социологи, и экологи, и просто равнодушные люди. Вот несколько мыслей из интервью с ними в местной сетевой газете «Амур Плюс» (в моем пересказе).

ИК, предприниматель, одновременно учится в столичном университете по специальности социальная инженерия, изучает развитие общественных пространств.

По его мнению, главная проблема – это отсутствие диалога между властями и жителями, причем с обеих сторон. Поэтому они не могут влиять на формирование городской среды. Наличие на сайте администрации города проекта «Активный гражданин» – это не диалог, а односторонняя связь. Надо город изучать, а не говорить, например, что Благовещенск – студенческий город. Должны быть условия для регулярного общения всех со всеми, но, прежде всего, администрации города и его жителей. И вообще, надо развивать культуру города, поскольку он – наше общее пространство жизни.

НК, эко-активист, кандидат философских наук. По её мнению, квинтэссенция всех стратегий развития городов и программ улучшения их жизни является повышение качества жизни. Без учета экологических факторов невозможно создать комфортную и безопасную городскую среду. Более 10 лет назад мы по заказу городской администрации силами общественности создали необходимую программу, но она оказалась невостребованной. Реакции властей нет до сих пор, не повлиял даже «Год экологии», проведенный в стране в 2017 г. Учитывая неблагоприятную экологическую обстановку в городе, надо менять всю транспортную политику, ставя во главу угла пешехода и экологичные виды городского транспорта. Нам не нужна уплотнительная застройка – необходима бесплатная целевая передача свободных городских земель под малоэтажное жилищное строительство с удобными парковками. Не менее важны – зеленые рекреационные зоны и развитая система сбора и утилизации отходов.

ПК, художник пост-граффити и маркетолог: меня беспокоит, говорит он, что СМИ и жители города ассоциируют стрит-арт с пропагандистскими акциями или праздничными мероприятиями. Художник должен украшать город, а не выполнять политический заказ. Да, социальные проблемы важны, но не только они создают привлекательную атмосферу жизни. В городе масса «пустых» стен, а мы могли бы их превратить в «знаковые места». Город должен быть узнаваем. Социальный и воспитательный потенциал таких «знаковых мест» очень большой, иногда он может стать «центрами притяжения» для других форм бизнеса, услуг или общественной активности.

Теперь несколько соображений от меня лично. Повторю еще и еще раз, что такое постоянное «включенное наблюдение» – чрезвычайно важный источник знаний о микросреде города и динамике её жизни. Никакой пилотаж, экспертный опрос и даже длительное социологическое исследование не могут дать тех знаний, которыми обладают постоянные жители города. Мы, как-то увлекшись Big Data и другими изощренными методиками сбора социологической и иной информации забыли, что постоянный житель (абориген) в далеком от столицы городе или «поселении городского типа» всегда знает больше и лучше, что нужно только ему, его семье, детям и т.д.

Пора, наконец, вернуться к источникам 1987-91 гг., включая местную прессу и другие человеческие документы, когда хотя бы местная власть прислушивалась к голосу жителей, которые её выбирали. Несмотря на гигантские экономические и другие трудности тех лет, именно те годы остаются примером плодотворного сотрудничества местной власти, гражданских активистов и рядовых граждан.

Далее, не пора ли, наконец, городские законы сделать именно законами, а не малопонятными рядовому горожанину нагромождением запретов, которые потом дополняются (и фактически искажаются) тысячами оговорок, временных правил и должностных инструкций? Недавние трагические события в г. Кемерово показали, какими человеческими жертвами может обернуться этот рукотворный «хаос» норм и правил! Когда были единые Строительные нормы и правила (СНиП), документ, в составлении которого я сам участвовал в 1950-60 гг., порядку было гораздо больше.

Наконец, повторю еще раз: социологи не учитывают феномена «силы слабости». Сегодня, отдельный человек, вооруженный современной техникой, может причинить глобальный по масштабам и социальным последствиям урон. И – наоборот, глобальный риск может разрушить жизнь индивида или круто изменить её навсегда.

20.05.2018

К. Маркс о социальных проблемах урбанизации

Сегодня города снова в фокусе социологического интереса. Я уже отмечал, что теория Маркса прошла проверку временем, и в своих основных чертах отнюдь не устарела. Рассмотрим этот вопрос подробнее. Итак, почему я считаю, что К. Маркс не устарел?

Столетие со дня смерти этого великого мыслителя было достойно отмечено в 1983 г., но без детального анализа, в какой мере его работы актуальны сегодня, особенно применительно к процессам современной глобализации. Наследие Маркса огромно, поэтому остановлюсь только на двух проблемах, весьма актуальных именно сегодня: на значении технологических революций в процессах глобализации и связанных с ними процессах урбанизации. Все, о чем пойдет речь ниже, уже рассматривалось мною неоднократно, в статьях в «Вопросах философии» за 1969, 1982 и 1983 гг. Но сегодня есть повод кое-что напомнить отечественным социологам.

Ниже приведу лишь те мысли К. Маркса, которые, по моему мнению, остаются актуальными и сегодня. Как отмечал Маркс, «и при теоретическом методе субъект – общество – должен постоянно витать перед нашим представлением как предпосылка» [Маркс, Энгельс, Соч., т. 46, ч. I, с. 38]. Но какое общество, каков главный признак его организации? И Маркс уточняет, что только рассматривая общество как «организм, способный к превращениям и находящийся в постоянном процессе превращения» [Маркс, Энгельс, Соч., т. 23 с. 11].

Маркс, как всегда в своем диалектическом ключе, заключает, что «в то время как капитал, с одной стороны, стремится к тому, чтобы сломать все локальные границы общения, то есть обмена, завоевать всю Землю в качестве своего рынка, он, с другой стороны, стремится к тому, чтобы уничтожить пространство при помощи времени». И этот процесс бесконечен, «Чем более развит капитал, чем вследствие этого обширнее рынок, на котором он обращается, ...тем сильнее он в то же время стремится к еще большему пространственному расширению рынка и к еще большему уничтожению пространства посредством времени» [Маркс, Энгельс, Соч., т. 46, ч. II, с. 32].

Позже он сформулировал этот принцип более детально и подробно. Производство, «основанное на капитале, с одной стороны, создает универсальную систему труда..., с другой стороны, оно создает систему всеобщей эксплуатации природных и человеческих свойств, систему всеобщей полезности... Таким образом, только капитал создает... *универсальное присвоение членами общества как природы, так и самой общественной связи*... Только при капитализме природа становится всего лишь предметом для человека, всего лишь полезной вещью; ее перестают признавать самодовлеющей силой... Соответственно этой своей тенденции, капитал преодолевает национальную ограниченность и национальные предрассудки, обожествление природы, традиционное, самодовольно замкнутое в определенных границах удовлетворение существующих потребностей и воспроизводство старого образа жизни» [Маркс, Энгельс, Соч., т. 46, ч. I, с. 386-387. Выделено мною – О. Я.].

Тем самым, как мне представляется, Маркс (в терминах своего времени) абсолютно точно сформулировал ключевую закономерность современной глобализации. А также указал на принципы и инструменты, посредством которых она осуществляется. А именно: слом всех локальных границ посредством обращения капитала и уничтожение пространства посредством времени. Что позже получило

название «инверсии пространства» (*inversion of space*). А не есть ли это те самые процессы многомерных социальных трансформаций, которыми мы все сегодня так озабочены?

В свое время Маркс сделал непростительную, с точки зрения некоторых нынешних, «одномерно» мыслящих исследователей, вещь: он уподобил социальные закономерности процессам, происходящим в природе. «Касты и цехи возникают под влиянием такого же *естественного закона*, какой регулирует образование в животном и естественном мире видов и разновидностей, – с той лишь разницей, что на известной ступени развития наследственность каст и исключительность цехов декретируется как общественный закон» [Маркс, Энгельс, Соч., т. 23, с. 351]. Оказывается, что есть какие-то естественные законы, общие для природы и общества.

Теперь – о роли технологий. Сам характер технологических отношений носит внутренне связанный, системный характер. Множество элементов общественного производства требовало и требует сегодня согласования его фаз, ступеней, трансформационных процессов и т.д. То есть, выражаясь современным языком, регулирования и управления. «Всякий непосредственно общественный или совместный труд, осуществляемый в сравнительно крупном масштабе, нуждается в большей или меньшей степени в управлении...» [Там же, т. 23, с. 342]. Этой системности, организмичности должен соответствовать и системный характер знания.

В основе этого информационно-интегрирующего процесса всегда лежит некоторое фундаментальное знание, общее для всех сфер жизни общества. Маркс, апеллируя к уровню знаний своей эпохи, писал, что технология открыла «те немногие великие основные формы движения, в которых совершается вся производительная деятельность человеческого тела, как бы разнообразны ни были применяемые инструменты. Подобно «тому, как механика, несмотря на величайшую сложность машин, не обманывается на тот счет, что все они представляют собой постоянное повторение элементарных механических сил» [Там же, т. 23, с. 497]. Так и сегодня, все разнообразие информационных связей и потоков подчиняется закономерностям информационно-коммуникационного производства.

Предвижу возражение: в современно информационном мире все больше социально-сконструированной, то есть ложной информации. Верно, но этот факт двойственности информационных сетей не опровергает общих принципов их конструирования и распространения. Приведу цитату из ныне почти забытого раннего труда Ю.А. Левады. «В современной науке опыт, знания, навыки, накопленные человечеством (культура), выступают в объективированном виде – как особая система (как особый объективный язык культуры), которая подлежит усвоению индивидуальным сознанием. Поэтому овладение культурой включает освоение научных методов и системы расчленения научных знаний. Это дает возможность не только для расширения социальной памяти, но и для сознательного усвоения... значительной части информационного богатства общества. Возможности разумной, сознательной деятельности людей невообразимо расширились, не благодаря тому, что люди стали “умнее”, но благодаря тому, что <ныне> социальная информация приобрела иную структуру» [Левада, 1965, с. 183-184].

Теперь – о взаимоотношениях общества и индивида. Как правило, в Марксе видят критика капиталистического способа производства. И это, несомненно, так. Но далеко не только. В своих ранних работах Маркс обращался также к его «личностному» уровню, то есть к проблеме автономии индивида, индивидуализации его поведения и, соответственно, к проблеме его включения в разные каналы социального общения. И Маркс, и Ф. Энгельс подчеркивали, что индивидуум обособляется лишь силой исторической необходимости. Только на определенной ступени общественного производства можно говорить об индивидуальной активности, относительной

автономности его поведения, о его целях и средствах. Наконец, только на определенном этапе исторического развития возникает возможность выбора индивидом тех или иных каналов общения, о том или ином его способе включения в коммуникативную систему. Как подчеркивали Маркс и Энгельс, ни в одну из прежних исторических эпох, вплоть до появления (в условиях капитализма) гражданского общества, производительные силы не принимали формы, безразличной к общению *индивидов как индивидов*, потому что само их общение было ограниченным. Только теперь они «получают... возможность вступить в связь друг с другом как *индивиды*» [Маркс, Энгельс. Фейербах..., 1966, с. 93].

Но это – лишь одна сторона дела. Другая сторона заключается в том, что процесс расширения круга общения и его универсализации сопряжен с нарастающим *отчуждением личности*. Труд человека, противостоящий капиталу, теряет всякие признаки самостоятельности, активности. Маркс и Энгельс называют такой труд «отрицательной формой самостоятельности», то есть именно того свойства, которое присуще человеческому общению. То есть выхолащивание человеческой сути общения является неизбежным результатом «универсализирующей потенции» денежного обращения. «Деньги делают всякую форму общения и само общение чем-то случайным для индивидов.

Таким образом, уже в деньгах коренится то явление, что всякое общение до сих пор было только общением индивидов при определенных условиях, а не *общением индивидов как индивидов*» [Маркс, Энгельс. Фейербах..., 1966, с. 93]. Только постепенно, под воздействием возрастающих требований капиталистического производства и в процессе борьбы трудящихся за свои права и свободы сфера общения «индивидов как индивидов» постепенно расширялась. Но все равно, как отмечал советский философ Г.С. Батищев, деятельное изменение предметов и изменение людьми самих себя в процессе общения оставались оторванными друг от друга.

Далее, современная литература по глобализации полна важных мыслей, касающихся её неустойчивого, «текучего» характера. Да, стабильность в современном мире еще присутствует, но только временно и в форме локальных традиционных сообществ. Иначе ставил этот вопрос Маркс. Категории стабильности и мобильности (всесторонней изменчивости) трактуются им в «Капитале» и других его работах конкретно-исторически, в связи с определенным способом производства. Эту нестабильность, изменчивость, неопределенность создает само это производства, его темпо-ритмы все время меняются, ускоряются.

В «Капитале» Маркс прямо указывает, что именно «природа крупной промышленности обуславливает перемену труда, всестороннюю подвижность рабочего» [Маркс, Энгельс, Соч., т. 23, с. 498]. Если же новый тип производства соседствует со старым типом производства (семейным, цеховым или др.) с его окостеневшими специальностями, то он «уничтожает всякий покой, устойчивость, обеспеченность жизненного положения рабочего, постоянно угрожает вместе со средствами труда выбить у него из рук и жизненные средства...» [Там же, т. 23, с. 498]. Иными словами, развитие капиталистического производства обуславливает постоянную перемену труда (а с ним и места жизни), в котором Маркс видел всеобщий закон современного производства, «к нормальному осуществлению которого должны быть приспособлены <общественные> отношения» [Там же, т. 23, с. 499]. То есть, закон перемены труда создает необходимость всесторонней подвижности любого работника, периодическую смену «способов жизнедеятельности», а, следовательно, и налаженного механизма смены и перераспределения каналов социального общения.

Теперь о диалектике процессов развития и рутинизации. Вторая, Третья и Четвертая промышленные революции не могли развиваться без нарастающего числа и разнообразия технологических и социальных коммуникаций. Уже неоднократно

отмечалось, что разнообразие жизненной среды (в иной терминологии, среды обитания) принципиально важно как фактор развития самого работника, роста его социального потенциала. Но здесь важно, прежде всего, наличие разнообразия взаимодействующих индивидов, их культур, интересов, потребностей. Важно потому, что такое разнообразие представляет собой и генератор инноваций, и диалог культур, в результате которых происходит кристаллизация общих, то есть общепонятных и общепринятых понятий и представлений. То есть процесс «опривычивания» таких представлений столь же необходим, как и производство инноваций.

Именно таким образом процессы производства вещей и информации превращаются в процессы социального воспроизводства индивидов. И вот здесь важно еще одно замечание Маркса. Если раньше эти привычные (обыденные) моменты производственной и воспроизводственной деятельности кристаллизовались в ходе длительного процесса совершенствования эмпирически найденных орудий и приемов, то теперь эти рутинные инструменты и приемы создаются технологическим применением научного знания. Процесс замены «эмпирических рутинных приемов – сознательным применением науки» [т. 23, с. 307], начавшийся в эпоху второй индустриальной революции, сегодня охватил все общество.

Научно-техническая революция, урбанизация и городская среда. Маркс писал: «Новейшая история есть проникновение городских отношений в деревню» [Маркс, Энгельс, Соч., т. 46, ч. 1, с. 470]. Сегодня мы наблюдаем два взаимосвязанных процесса: проникновение городских отношений в менее социально-экономически развитую периферию, и – наоборот, проникновение традиционных форм жизненного уклада в большие города. Этот двусторонний процесс не отменяет исторической связи между более и менее развитыми сообществами. Напротив, он пространственно и социально делает эту взаимосвязь всеобщей и всепроникающей.

Как отмечалось ранее, основой проникновения городских отношений в деревню было тогда развитие капитала и наемного труда, «распространяющегося в обществе во всю ширь и становящегося вместо земли той почвой, на которой базируется общество... С известной точки зрения, это – не что иное, как перенесение наемного труда из городов в деревню, то есть распространение наемного труда по всей поверхности общества» [Там же, т. 46, ч. 1, с. 228]. Так что городские отношения и городская экология были порождением не только территориальным сгущением населения, а развитием капитала и наемного труда как своих предпосылок.

Сегодня социальная роль городской среды заключается в посредничестве между потоками специальной (экономической, научно-технической, экологической, военной и другой) и общекультурной информации. То есть можно сказать, что сегодня городская среда (материальная и виртуальная) играет роль канала массовых коммуникаций, кристаллизуя и распространяя правила и нормы повседневной жизни. Конечно, сказанное – лишь «идеальная модель» городской среды, в действительности её функции гораздо более разнообразны и противоречивы, но, все же выработка общих и одновременно наиболее рациональных и эффективных форм повседневного общения – это её главная социальная функция. Однако в условиях современной научно-технической революции эта среда выполняет функцию механизма адаптации к быстро изменяющимся технологиям и условиям повседневного общения.

Я специально избегаю здесь анализа Марксом проблем и противоречий капиталистической урбанизации. Приведу только одну выдержку. Капиталистическое производство, писал он в «Капитале», «постоянно увеличивая перевес городского населения», сосредоточивая его в «крупных центрах, накапливает тем самым... историческую силу движения общества вперед...» [Маркс, Энгельс, Соч., т. 23, с. 514]. Современные российские и зарубежные исследователи урбанизации подтверждают этот тезис Маркса.

Рассмотренные выше тенденции развития технологий, общества, города и индивида, выявленные К. Марксом, «встречаются» в одной точке: развитие научно-технической революции и людей, в ней участвующих, неразрывно связано с принципом активности, самостоятельности личности, «общения индивидов как индивидов». В условиях антагонистического общества их социально-информационная активность находится под воздействием капиталистической конкуренции и интересов глобальных игроков. Капитализм, каким бы «гуманным» он ни был, через систему массовых коммуникаций навязывает индивиду потребительские стандарты поведения и тем самым, противодействует развитию его самосознания и социальной активности. Как писал акад. А.М. Румянцев, казалось бы, процесс универсализации (общения – прим. ред.) дает – в принципе – личности возможность осознать себя и действительно стать универсальной личностью. На деле же происходят иные хорошо известные вещи: глобализация общественных сил придает отчуждению окончательно мистический характер.

Итак, по моему мнению, ни социология, ни социальная философия К. Маркса не устарели. В короткой заметке невозможно изложить всю совокупность идей К. Маркса даже в тезисной форме. К тому же, ни один, даже самый великий ученый, не может предсказать картину мира через сто и тем более через двести лет. Да, пролетарской революции не произошло, тем более в масштабах всего мира. Но если читать Маркса внимательно, то оказывается, что выявленные Марксом внутренние антагонизмы капиталистического способа производства XVII–XIX вв. присущи его современной фазе с соответствующими экономическими и социальными последствиями. Разве две мировых войны и непрекращающийся ряд локальных войн и национально-освободительных движений тому не подтверждение?

И весь этот бурлящий и неустойчивый мир, каждый миг грозящий «свалиться» во вселенскую катастрофу, который западные теоретики элегантно называют «турбулентным периодом», тоже не подтверждение? Как говорят ведущие российские экономисты, хотя Марксу и его идейным последователям не удалось разрушить капитализм «снаружи», то есть посредством пролетарской революции, сегодня мировая капиталистическая система переживает системный кризис, начиная распадаться изнутри. И её чередующиеся «взлеты и падения» всегда сопровождаются войнами, акциями массового протеста и периодическим обесценением социального и человеческого капитала – это тому подтверждение.

К тому же, Маркс, справедливо заметив, что «человек живет природой», тогда не мог предвидеть, что безудержное развитие капиталистической системы приведет развитие социального мира к его «экологическому самоторможению», то есть эксплуатируемая человеком природная экосистема предъявит человеку счет. А грозящее человечеству подчинение миру «умных машин», им же самим созданных, – разве это не угроза самоуничтожения этой системы? Маркс не пользовался терминологией современной социологии (риски, опасности, вызовы, катастрофы и т.д.), но он вскрыл противоречивые и до сего дня сохраняющиеся механизмы капиталистического способа производства. Если посмотреть на динамику этого способа производства за два века, то на ум приходит известная в научном мире максима: истина, в конечном счете, побеждает, но не персонифицируется.

26.05.2018

8. О войне и мире

Эти темы тесно связаны со всеми предыдущими, но прежде всего, с процессом глобализации и всепроникающим характере порождаемых ею рисков. Но сначала, как всегда, – о частном случае, который, однако, имеет всеобщее значение.

Бункеры и саркофаги

Японцы до сих пор размышляют, нужен ли саркофаг над Фукусимой-1, говорят, что Чернобыльский саркофаг нуждается в срочном ремонте, в Европе – антиатомные протесты, а на Рублевке строят бункеры... А нам коллеги-социологи предлагают заниматься только «повседневностью» и не думать (впредь) ни о чем плохом. В школе учат физику, но той «физике», что случилась четверть века назад и которая пронизывает всех нас от рождения и до смерти, не учат нигде. Страна репетирует очередные торжества, а политики строят догадки, «чья возьмет» на следующих выборах?

Конечно, 25-летие со дня Чернобыльской катастрофы отмечается, но все чаще – как «исторический факт»: теперь-то мы все знаем, предусмотрим и все сделаем, как надо. Чего вам беспокоиться? А как же тогда самые предусмотрительные, самые дисциплинированные и высокотехнологичные японцы?

Разрыв между *знанием*, неважно научным или обыденным, и *осознанием*, *пониманием*, остается кричащим. И Чернобыль нас, видимо, ничему не научил. Каюсь, сам очень долго не мог осознать этой новой ситуации всеобщего риска, всепроникающей угрозы жизни, хотя, волею судьбы, был рядом с «Маяком» в 1958 г., а осенью 1986 г., будучи в Голландии, наблюдал буквально панику рядовых граждан этой благополучной страны. Я не раз разговаривал с идеологами и политиками антиядерного протеста в Европе (социологом А. Турэнном и другими), имел возможность общаться с оставшимися в живых ликвидаторами и теми, кто их наблюдал и лечил, а также – с моими родственниками в Украине и Белоруссии, живущими там по сей день. Тем не менее, я долго не мог осознать, что мощный и отделенный «железным занавесом» от остального мира Советский Союз – всего лишь часть мира, где, по Коммонеру, «все связано со всем и все куда-то попадает».

Если более точно, то это – растущий разрыв между гонкой инноваций в любой сфере: научной, военной, фармацевтической и т.д. и осознанием её *последствий*. Мир действительно живет днем сегодняшним, мало заботясь о том, как эти изобретения и новации, пройдя невидимую для рядового человека цепь трансформаций, вернутся к нему в виде рисков и угроз здоровью детей, близким, привычному образу жизни и существующему социальному порядку. Фукусима-1 продемонстрировала всему миру, любая «точечная» катастрофа способна оказать влияние на весь мир без исключения: на его систему ценностей, экономику, политику, поведение людей. У. Бек был прав, определив функционирование современного ему общества как борьбу с «побочными эффектами» (side-effects) принимаемых решений.

И пока нет силы, которая снизила бы уровень этой всеобщей беспечности, недальновидности и постоянной гонкой за прибылью и геополитическим доминированием. Гражданское общество в лице антиядерных движений максимум чуть-чуть сдвинет энергетический баланс мира в пользу возобновляемых источников энергии, а о «превентивной силе» международных организаций и говорить не приходится: их роль все более сжимается до оказания гуманитарной помощи уже пострадавшим, то есть точно по У. Беку.

Если судить по ситуации в Северной Африке, интеллектуальная мощь НАТО падает: оно, ввязавшись в этот конфликт, не смогло просчитать своих действий хотя бы

на два-три шага вперед. Интерес к прогнозированию в мировом социологическом сообществе в последние годы тоже падает, несмотря на проведенный форум МСА «Какие будущие мы хотим»? На этот вопрос нет ответа, потому что *сначала надо ответить на другой вопрос: может ли человечество самоизмениться*, то есть стать менее жадным и более чувствительным к нуждам других? А количество хитроумных гаджетов, включая те, что позволяют контролировать не только каждый наш шаг, но, страшно подумать, наши мысли, все растет. Саркофаги, бункеры, бронежилеты, средства видеонаблюдения, слежения и прослушивания, высокие заборы, частные охранные предприятия и т.д. А как насчет взаимного доверия?

26.04.2011

После Фукусимы-1: как у всех?

«Как у всех» означает: у всех тех, кто включен в капиталистическую систему. Чего только не писали о специфике отношения японцев к случившейся катастрофе: что угроза природных катаклизмов есть часть их исторического сознания и современного мировосприятия, что они внутренне и организационно подготовлены к критическим ситуациям, а когда они случаются, держатся всегда спокойно и с достоинством, что о пострадавших повсеместно заботятся и т.д. Однако, чем дальше от «черных дней» катастрофы, тем яснее становится, что вся пост-катастрофная активность осуществлялась японским капиталом и в его интересах, хотя сегодня уже ясно, что катастрофа такого масштаба затронула *всех и каждого*.

Информация запаздывала, была неполной или вовсе скрывалась; власть предрежащие говорили, что «все под контролем», хотя МАГАТЭ утверждала, что оно давно предупреждало японское правительство о недостаточной защищенности АЭС страны; далеко не все переселенцы устроены; на разборке завалов, впрочем, как и до катастрофы, заняты наемники из числа наименее обеспеченных; в результате японцы теряют доверие к правительству и впадают в уныние; в Токио прошли многотысячные акции протеста против атомной энергетики и т.д.

Главное, что политики и эксперты утверждали, что Фукусима-1 – это «случай», локальный технологический слом, порождение природной аномалии, тогда как по прошествии более трех месяцев выясняется, что это – глобальный *политический и социальный процесс*, имеющий глубокие корни в японской культуре.

Тем не менее, главный фрейм японского капитализма второй половины XIX века можно, как ни странно, выразить фразой из «Марша энтузиастов» советских времен: «Нам нет преград ни в море, ни на суше, нам не страшны ни льды, ни облака...!». Съел капиталистический способ производства традиции этого народа, хотя культурная оболочка остается – национальная по форме, но интернациональная по содержанию. Очевидно, что в Японии никто не понес должного наказания за бедствия народа, не сделал себе харакири. Можно сделать вывод, что современный технократический капитализм – нечто вроде Бога, неподвластный человеку дух, особая субстанция. Капитализм вездесущ, неуловим, ему нельзя предъявлять претензии, можно лишь каяться в собственных грехах, хоронить мертвых и зализывать раны оставшимся в живых. Фукусима-1 и все, что случилось после трагедии, – еще одно подтверждение тому, что капитализм как нравственная система калечит души всех, но в первую очередь – власть предрежащих.

Наконец, самое главное, касающееся нас социологов, непосредственно: как и везде в капиталистической системе, наиболее правдивая информация и оценка пост-катастрофного процесса – это инсайдерская информация. Взгляд изнутри и снизу доступен только некоторым представителям гражданского общества. Можно сколько угодно проводить массовые опросы, но взгляд рефлексиирующих наблюдателей из

разных точек страны представляется самым достоверным и потому особо ценным для нас.

Одним из таких инсайдеров является Юрий Окамото, русский, живущий в Японии уже 17 лет. Для социолога оценки и прогнозы таких лиц весьма ценны, потому что с одной стороны, он – инсайдер, способный оценить катастрофу в контексте истории и социальной жизни страны, а с другой – дистанцированный наблюдатель из среды гражданского общества, способный рассуждать именно как независимый эксперт (*citizen-turned-expert*). Вот лишь некоторые его выводы и оценки:

Любое решение в Японии принимается, во-первых, коллективно, с опросом заинтересованных лиц, особенно в высших инстанциях, а во-вторых, на основании прецедентов. На этот раз прецедента не было, а обмен мнениями занял слишком много времени, отчего меры следовали половинчатые и запоздалые. И в этом суть современной японской системы управления – она работает совершенно так же, как *столетиями работала японская деревня*... Все решалось на основании долгих разговоров всех жителей и обсуждения мер, помогавших в подобных случаях в прошлом. На уровне деревни такая система функционировала вполне достойно. На уровне страны или крупной компании она работает несколько хуже.

Пошатнулся очень важный для большинства японцев миф: миф об успешном продвинутом государстве, одним из главных атрибутов которого была ядерная энергетика. Выяснилось, что жителям бедных деревень, где возводили АЭС, платились довольно высокие (нередко по полмиллиона долларов) компенсации. При этом многие станции строились возле так называемых хисабэцу бураку – деревень японских неприкасаемых, которых, несмотря на новые демократические законы, другие японцы все еще воспринимают как людей второго сорта. Причем как раз именно они часто и шли работать на АЭС.

Японское единодушие основано по большей части не на индивидуальных качествах – чести и патриотизме, оно зиждется на осознании, что на тебя всегда смотрят. Глаза людей в транспорте, глаза соседей, глаза коллег. Ты всегда ответствен за все, что ты делаешь, и каждый твой поступок будет проанализирован и оценен. В былые времена это называлось сэкэнтэй – «твое тело в миру»... Сейчас, когда люди в городах живут все более обособленно, а масштаб общества несоизмеримо вырос, примерно то же самое достигается понятием дзёсики – неким усредненным обывательским знанием о мире, обществе, приличиях и манерах, которое вырабатывается более или менее коллективно в СМИ, в органах самоуправления и в интернете... Именно через интернет насаждается так называемое *дзисюку* – *добровольное самоограничение*, отказ от вольностей и демонстрация скромности перед лицом национальной трагедии.

Наличие дзёсики становится фундаментом, на котором, как кажется самим японцам, и стоит их демократия. Оно работает вместо привычных деревенских собраний, вместо обсуждений прецедентов – оно заменяет собой глас народа, оставляя при этом каждого индивидуума без голоса. И в этом смысле японская демократия абсолютна – народ полностью подминает под себя самого себя.

Большинство японцев пока еще не видит страдальцев, пока те еще не переехали в другие города и села, где муниципалитеты будут выделять им пособия на проживание и хлопотать, чтобы их первыми взяли на работу – в обход местных, среди которых и так безработица зашкаливает. Они еще не стали неудобными чужаками, людьми, о которых никто ничего не знает, да еще и говорящими на странно звучащем диалекте северо-востока страны, малопонятном для японцев даже из близкого оттуда Токио. Сейчас остракизму подвергаются те, кто не страдает. Но совершенно такой же остракизм ждет и беженцев из района Фукусимы..., просто потому, что они иные. Люди страдают потому, что страдают все вокруг них. Потому, что сейчас сострадание –

абстрактный общий знаменатель. Одно дело сострадать издалека, не видя объекта сострадания. Или когда ты едешь ненадолго волонтером одарить несчастных чужих. И совсем другое дело, когда те же самые чужие оказываются в твоём доме.

Японское общество, как никакое другое, способно спрятать недовольных, спрятать иных, спрятать слабых. Это доказывает растущее число (счёт идет на сотни тысяч) так называемых хикикомори – людей, которые живут на деньги родителей, практически не выходя из дома, предпочитая узким социальным рамкам острую социальную самоизоляцию. Или почти всеобщая готовность гордо сказать, что Япония – страна японцев, игнорируя постоянно живущих в стране иностранцев.

Примечание. Я выбрал лишь несколько суждений Ю. Окамото из журнала «Сноб» (режим доступа: <http://www.snob.ru/magazine/entry/36695>). Кто хочет узнать подробнее, читайте блог Ю. Окамото и других блогеров из числа волонтеров, японских и иных.

25.06.2011

После Африки – весь мир: ресурсы массового протеста

Сегодня, когда протестная акция «Оккупируем Уолл-стрит» явно пошла на спад, интересно посмотреть, имели ли события в Африке отношение к массовым протестам в развитых странах? С моей точки зрения – имели, равно как и войны в Ираке, Афганистане и особенно в Ливии, с кадрами кровавой расправы над Каддафи. США и НАТО преподнесли хороший урок «силовой демократии» тем, кто вздумает всерьез сопротивляться существующему социальному порядку. Точнее, роль мобилизующего ресурса сыграли не деньги (всеобщая маркетизация, по М. Буравому), а социальный контекст: всеобщий, то есть финансовый кризис, и конкретный – события в Африке, Афганистане, Пакистане и т.д.

Социологи настолько уверовали во всемогущество «золотого тельца», что забыли о другом сильном мотиве и одновременно – *ресурсе* массового протеста: нравственном, социально-психологическом, эмоциональном. Мы настолько привыкли переводить все социальные действия в рубли или доллары, что забыли о движущей силе *человеческих эмоций*: раздражении, возмущении и гневе. Например, как быстро американцы забыли свою собственную историю. Я имею в виду борьбу за гражданские права афроамериканцев в 1960-х гг. (См., например, бестселлер: Taylor Branch. 1999. 'Pillars of Fire: America in the King Years 1963-65'. N.Y.: Simon and Shuster Publishers). Это были годы, когда лидером этого движения был Мартин Лютер Кинг. Тогда афроамериканцы добились равенства гражданских прав.

Через полвека оказалось, что декларированное равенство гражданских прав вовсе не означает равенства возможностей, равенства жизненных стандартов. И в этом, прежде всего, виновато государство, там и у нас, которое всякий раз спасает банки, потому что *сегодня деньги можно делать из денег, без участия людей*. Не производительный труд, а финансовые спекуляции правят бал. Интеллектуальный и психологический ресурс молодых остался не востребованным.

Поэтому современная ситуация напоминает известный анекдот: «Но я же имею право на это...!? – «Да, имеете» – «Значит, я могу сделать это?» – «Нет, не можете». Думаю, никто не заподозрит меня в призыве к уравниловке, но лозунги нынешних протестантов по всему миру ясно говорят: одному проценту населения – всё, другим 99 процентам – что останется. Не означает ли происходящее теперь, спустя 50 лет, начало новой волны борьбы за гражданские права, только теперь в глобальном масштабе? Во всяком случае, мир еще не знал такого *всеобщего возмущения* и призыва к борьбе за изменение существующего социального порядка. Еще раз подчеркну: виртуальные сети – мощный ресурс социального протеста, но все же это только инструмент мультипликации этих чувств гнева и возмущения.

Кто они, эти протестанты? Социальная база (constituency) этого глобального движения как главный ресурс – опять проблема для социологов. Ну, во-первых, это не «беспорядки», проявления экстремизма или действия «хулиганствующих элементов», как наши официальные СМИ любят квалифицировать подобные массовые протесты. Хотя, как всегда, в них есть и экстремисты, и любители шоу. Но не они делали погоду в данном случае.

Во-вторых, на улицу вышел не «низший средний класс», как полагают некоторые наши аналитики, и тем более не только безработные. Причем, что принципиально важно – это протестовал средний класс и молодежь крупных и крупнейших городов. Что разбивает концепцию тех, кто полагает, что в век глобализации большие города уже не играют той роли, которую они выполняли в конце XIX и на протяжении всего XX веков. Нет, большие города по-прежнему, хотя и с другим (сетевым) инструментарием со-организации, остаются двигателями социальных перемен. В-третьих, как отмечают многие аналитики, недовольство выражают как «левые», так и «правые». Протестантов поддержали даже некоторые сверхбогатые: Дж. Сорос, например. Только, зная его, маловероятно, что им руководят действительно гуманистические мотивы.

Основной костяк протестующих составил трудовой народ самых разных занятий и разного достатка. Сами протестанты называют себя «99 процентами», обозначая этим, что их протест отражает позицию подавляющего большинства населения. Так, в Барселоне вышли на улицы более 500 тыс. чел., в Риме – 150 тыс., в Нью-Йорке – 50 тыс. и т.д. (для сравнения: в России на подобный «День гнева» выходит обычно 30-50 человек). Я думаю, что это – центральный пункт, потому что у всех категорий трудящихся наболело, накопилось. «Возмущайтесь!» – значит, не будьте безразличны, действуйте, как написал в своей книжке ветеран французского Сопротивления, которая разошлась миллионным тиражом.

Посмотрите на лозунги протестующих: «Встаньте, люди Европы!», «Жадность корпораций убивает нас», «Мы клянемся покончить с нашей коррумпированной демократией, Не убивайте нашу мечту!», «Это – классовая война!», «Остановите капитализм, он – катастрофа», «Алло, Конгресс, вы слышите нас?» и т.д. Естественно, что на улицы городов вышли, прежде всего, жители тех стран, которые наиболее подвержены глобальному экономическому кризису.

Еще несколько показательных цифр. В США 64,2% участников движения «Occupy Wall Street» – люди моложе 34 лет, пожилых в нем было мало. В основном образованные (колледж), в подавляющем большинстве называющие себя белыми (81,3%). Но самое интересное, что 70% опрошенных называют себя *независимыми*!

Западные аналитики делят протестующих на две группы: тех, кто выступает против неравного и, значит, несправедливого распределения богатства в США, и тех, «безбилетников» (free riders), которые смогут воспользоваться результатами протестного движения в случае его успеха. Затем, всегда присутствует элемент карнавала. Плюс, как выяснилось, в рядах протестантов оказалось и несколько сотен ультра-радикалов. Но не они делали погоду.

Как ответил на мой вопрос «Что же это было?» один из европейских лидеров социологии социальных движений, «это был высоко экспрессивный социальный протест, который мог бы сыграть большую роль в формировании программ новых партий левой ориентации. Но без участия традиционных левых сил, этот протест может остаться только выражением социального недовольства (social grievances), не имеющего продолжения». С позиций теории мобилизации ресурсов, я с ним согласен. Но это не противоречит моей версии: данный массовый протест есть проявление кризиса недоверия к существующей системе. Или, иначе, доверие к ней исчерпано.

Вопрос об участии в этом массовом протесте новых эмигрантов и тем более – беженцев или вынужденных переселенцев остается открытым. Скорее всего, на этом этапе заботы о повседневном выживании в новой, в том числе языковой среде, сделают их как минимум пассивными, отстраненными. Трудно стать протестантом сегодня, если ты вчера мечтал найти себе место в этой стране, которая «вдруг» отвергла все то, к чему ты стремился. Что уже ясно, так это то, что их никто не ждет: у ЕС своих проблем хватает. Но они уже повсюду, и не только в Италии и Испании. 25 лет назад я жил неделю в Осло на границе его европейской и пакистанской части. Честно скажу, ощущение малоприятное, особенно вечером. Четкое ощущение, что там, за низким дувалом мир, живущий по иным законам. Что и подтвердилось сегодня.

Снова не буду углубляться в теорию, скажу только: всеобщий, всеохватывающий кризис когда-то должен был превратиться во всеобщее негодование. «Угол падения равен углу отражения».

Какой урок извлекла НАТО и, прежде всего, США из африканской авантюры? Стали ли они после нее хозяевами положения? – Вряд ли. Если победит демократия, то демократия не европейская, а исламско-ориентированная, как это уже произошло в Тунисе. Если ввязываться еще глубже, то не получит ли Запад множественный Афганистан? Плюс войны с Сирией?

В том, что акция «оккупируем Уолл-Стрит» была задумана вовремя, нет сомнения: у властвующей элиты слишком много других забот, и первая из них: сохранение целостности Европейского Союза. Но идеологии, организованности и ресурсов явно не хватило.

30.10.2011

Готовы ли социологи к холодной войне?

А зачем нам это? – говорят одни. Это дело политиков, политологов, специалистов по международным отношениям. И действительно, этот термин (холодная война) в социологических текстах встречается чрезвычайно редко. Исключение представляет фундаментальная работа В.О. Рукавишникова «Холодная война, холодный мир» (М.: Академический проект, 2005). Но наши рафинированные теоретики всё равно скажут, что это – не их дело, пусть им занимаются другие.

А другие тоже говорят: зачем нам это, ведь мы регулярно проводим опросы общественного мнения и постоянно информируем о них население нашей страны. Можем еще раз 1500 человек спросить об их отношении к холодной войне. Чего же более?

И действительно, население, особенно молодое поколение, за редким исключением никогда не знавшее, что такое настоящая война, вряд ли озабочено этой проблемой. Да и их ли это проблема? Работа, карьера, социальные лифты, доступ к интернету и социальным сетям – вот это их проблемы. Им и в голову не придёт, что летом 2014 года закончилась одна эпоха и началась другая, эпоха холодной войны. Закончилась та эпоха пока незаметно. Хотя нет, уже десятки тысяч людей, оказавшихся в мирное время за границей без жилья и средств существования из-за банкротства нескольких крупнейших туристических фирм, уже ощутили это на собственной шкуре. А ведь обвал сферы туристического бизнеса – это только начало, «первый звоночек».

Да и с работой далеко не всё в порядке: и малый бизнес, и СМИ, и наука, и даже, о, страшно сказать, бюрократия (пока что ещё только мелкая и средняя) попали под сокращение. А поехать россиянину на работу за рубеж на Запад или, скажем, в Австралию, с каждым днем становится всё труднее. Будут «просвечивать» ещё тщательнее, чем госпожу канцлера Ангелу Меркель. Те, кто хотел, точнее смог, давно

уже уехали. А с беженцами с Украины тоже ведь надо делиться рабочими местами. И волна гастарбайтеров, готовых на любую работу здесь, не снижается.

Общая атмосфера, как бы это помягче сказать, сгущается, «темнеет». Нет, свет пока ещё не отключают, но рубль быстро дешевеет, товары первой необходимости с каждым днем дорожают, услуги, в том числе коммунальные, дорожают также, поэтому кредиты отдавать всё труднее. От некоторых товаров первой необходимости мы отказываемся сами. Это наш ответ на санкции Запада, поскольку процесс импортозамещения займёт не один год. Замораживается до лучших времен накопительная часть пенсии и т.д.

Но есть тема сугубо социологическая: ценности, идеалы. Пока что она исследуется достаточно в узком спектре: насколько россияне по сравнению с нашими бывшими соседями (Литвой, Латвией, Эстонией и др.) успешно адаптируются к рыночным отношениям. В.А. Ядов утверждал, что Эстония, прежде всего хуторская, впереди всех. Как бывалому эстонскому хуторянину ему виднее. Но ведь проблема ценностей одними рыночными рамками не ограничивается. В подобных исследованиях подавляющее большинство российских социологов ориентируются на ценностные шкалы, созданные на Западе – времена знаменитых «47 пятниц» коллектива Бориса Андреевича Грушина давно прошли. А почему бы нам сначала не попробовать самим сконструировать российскую структуру ценностей, а потом уже сравнивать её с западной структурой? Это дело тоже не простое, требующее многих пилотажных исследований, зондажей и исторических изысканий, но оно гораздо более надежное.

Это не значит, что я отрицаю существование европейских ценностей и, тем более, общечеловеческих ценностей (естественно, не в трактовке, М.С. Горбачева). Россия на протяжении, по крайней мере, трёх последних столетий не только стремилась, но и была вполне европейской страной. *Но со вполне осязаемой российской спецификой*, как об этом прекрасно написал современный российский философ В.К. Кантор в своей книге «Русский европеец как явление культуры» (М., РОССПЭН, 2001). И даже в сталинские времена школьники и студенты знали русскую классическую литературу неизмеримо лучше, чем сегодняшние. А ведь она наиболее глубоко (не меньше, чем В.О. Ключевский и другие русские историки) изучала систему ценностей русского народа и её эволюцию.

Но в том-то всё и дело, что цепь событий последнего года, и вполне ожидаемых и совсем неожиданных, трагических вдруг обнаружила *труднопреодолимый разрыв* между ценностями современной европейской культуры и ценностями российской правящей элиты. Эта цепь, на первый взгляд, выглядит достаточно случайной: «присоединение Крыма – помощь ополченцам на юго-востоке Украины – сбитый кем-то Боинг с почти тремястами мирными гражданами на борту». Но все это проблемы геополитики? Но нет, оказалось, что и они имеют свои ценностные ориентиры. Количество перешло в качество.

Однако то объяснение, которое дала Е.М. Альбац этому скачку, на мой взгляд, недостаточно (Эхо Москвы, 05.08.2014). Да, Европа, пережившая кошмарный XX век (двух мировых войн и лагерей смерти, в которых погибли десятки миллионов человек), стала больше ценить человеческую жизнь. Говорю «больше» (то есть больше чем раньше, но отнюдь не абсолютно), потому что одновременно и сегодня Объединенная Европа готова бомбить и Северную Африку, и собственную Южную Европу (как она это делала 20 лет назад), если кто-то нарушит угодный её правящей элите «социальный порядок».

Но есть другая, скрытая сторона в этом ценностном разрыве: ценностная «имперская доминанта» есть стержень Объединенной Европы. И эта доминанта никуда не делась – она просто микшируется «миролюбивой» политической концепцией «мягкой силы». Подчеркну, официальной концепцией ЕС. Отсюда извечное желание

Европы устранить Россию с мировой экономической и политической арены. Тем более что Россия – кладёз ресурсов, которых Европе постоянно не хватает. К тому же, даже Объединенная Европа продолжает оставаться несамостоятельной, на неё, как и на весь мир, давит военно-политическая мощь США. Геополитических войн никто не отменял, а сегодня явно наступает новый этап передела мира. Так что выражение «количество перешло в качество» имеет и другой вполне материальный смысл: пора, по их мнению, указать России её действительное место, то есть ресурсного придатка и резервной территории ЕС. Да, ценностный разрыв стал критическим, но ценностной «имперской доминанты» как стержня Объединенной Европы никто не отменял.

Но наращивание коллективных санкций против России обернулось для ЕС новыми проблемами. По существу Объединенная Европа оказалась между трех огней. С одной стороны, она не хочет терять тех благ, которые ей дают нормальные отношения с Россией. С другой, она смертельно боится новой «горячей войны». С третьей, давление на неё со стороны США возрастает. Поэтому она избрала холодную войну. Однако сегодня холодную войну, впрочем, как и войну горячую, сегодня уже никто не объявляет. Холодная война объявляет себя сама.

07.08.2014

А действительно – готовы ли социологи к гибридной войне?

Этот вопрос все еще обсуждается, главным образом, в среде военных специалистов и экспертов. Но, к сожалению, недостаточно широко, потому что, как говорил У. Черчилль, генералы всегда готовятся к прошлой войне. Вероятно потому, что обсуждаются, прежде всего, вопросы военной тактики и стратегии. *Но, по моему глубокому убеждению, эта война уже идет, и пока мы в ней не выигрываем.* Далее, масса людей плохо осознает, что такая война, в конечном счете, ведется именно против них. Но она об этом мало думает и еще меньше к этому готовится. Но рассмотрим сначала конкретные случаи. Вот, например, проблема сетевой войны, которая трактуется как тотальный риск.

Уже более четверти века европейские, американские и российские социологи твердят, что риски приобрели глобальный (всеохватывающий) характер. И на первом месте из них стоит *сетевая война*. То есть война на уничтожение или запугивание, которая ведется безо всяких фронтов. Сегодня эти «фронты» – уже внутри каждой организации, каждой социальной ячейки, внутри каждого из нас. Но социологов не слышат! В СМИ ведутся постоянные дискуссии о том, на какую долю процента сегодня упали или выросли биржевые индексы, не понимая, что тотальный риск может вообще обрушить эти и другие социальные институты рынка. Все, кто только может, проводят опросы, но эти сиюминутные данные не могут ни объяснить, ни помочь в борьбе с таким тотальным риском, коим является хакерство и глобальный терроризм.

Да, мы помогаем законной власти Сирии на законных основаниях, но это «там». Печальный опыт Франции и других стран ЕС показывает, что этот тотальный риск уже «здесь». Но как мы боремся с сетевой опасностью именно «здесь»? На мой взгляд, если сетевая война против нас – это тотальная угроза, значит, она не может быть ограничена усилиями специальных служб. С конкретными террористами не разговаривают – их уничтожают. А вот почему в исторически короткий срок возникала такая мощная сетевая угроза как ИГИЛ – этот вопрос учёным всех дисциплин надо всесторонне обсуждать, в том числе с бывшими лидерами и рядовыми участниками этого радикального движения. Ведь уничтожив один, сотню, сто тысяч отдельных вирусов, эпидемиологи не уничтожают опасность. Только поняв её природу и разработав новое «лекарство» (вкупе с другими мерами защиты), можно победить эпидемию.

Почему социологов не слышат? А потому, что такие тотальные риски есть форма скрытой гибридной войны, которая есть один из инструментов борьбы за мировое господство и средство увеличения капитала. Вспомним Афганистан, Ирак Ливия, Тунис и т.д. Результат: хаос или «управляемый хаос» и, одновременно, источник пополнения рядов радикальных террористических организаций и групп. Государство превращается в «территорию». Или наши партнеры ждут еще одного «9/11»? Пока что Европа реагирует стандартно: проверить, усилить, ужесточить, ограничить. Все это необходимо, но и они, и мы должны смотреть вперед. Нужны не только обычные «решения», но и опережающие действия.

Что же конкретно делать нам, российским социологам сейчас? Во-первых, взять курс на глубокое и всестороннее изучение феномена сетевой войны. Судя по публикациям в наших профильных журналах, таких исследований нет, или они недостаточны. Сетевая война – это точечная война, что и произошло в ночь на 14 ноября с.г. в Париже. Значит, исследование «точек» так же важно, как и изучение соединяющих их сетей.

Во-вторых, понять, что современный терроризм – это глобально-локальная проблема, следовательно, необходимо глубже изучать как её общие закономерности, так и специфику применительно к российскому обществу. Глобализация, как выяснилось, имеет свою «темную сторону»: процессы дезинтеграции, силовые разрушительные действия с последующим выделением «энергии распада» (потoki беженцев, вынужденных переселенцев, и, как видно сейчас, террористов). Во всяком случае, эйфория по поводу благ глобализации у наших западных коллег давно прошла.

В-третьих, у этого тотального риска есть глубокие экономические, политические, социальные и другие причины. Следовательно, пора преодолеть «предметный» (отраслевой) подход: *перед нами острая комплексная проблема, значит, и подход к ней должен быть проблемный, то есть междисциплинарный*. Но даже наши ближайшие коллеги, политологи, пока что не очень озабочены проблемой глобальных рисков. А социологи не торопятся изучать эту проблему как «вызов цивилизации», как её квалифицировал Президент РФ В.В. Путин. Однако социологических исследований, ориентированных на изучение цивилизационных процессов практически нет.

В-четвертых, все террористы, устроившие теракт на Дубровке, в Беслане и многих других местах РФ, были уничтожены. Но как тогда можно понять их глубинные или же, напротив, извне инспирированные мотивы? Понятно, что соответствующие службы работают скрытно. Но как готовить общество к этой новой ситуации? – это уже вопрос к нам, социологам, на который пока я не вижу ответа.

В-пятых, современные теракты явно рассчитаны на устрашающий медийный эффект. Значит, наиболее вероятными целями будут большие города и их инфраструктуры (метро, аэропорты, вокзалы, системы водоснабжения и т.д.). Обратная сторона той же медали – в больших городах гораздо легче спрятаться, затеряться. А не пора ли нам жестче регулировать приток мигрантов в большие города?

В-шестых, террористы наносят удары везде, но прежде всего по тем странам, которые ведут с ними борьбу, то есть с теми, где существуют активные очаги сопротивления им. Террористы предупреждают о будущих терактах одни страны и диктуют условия их прекращения другим странам. Так что ответ их политиков сегодня не менее важен, чем реакция социологов.

В-седьмых, тотальная сетевая война уже ведется «здесь и сейчас». Поэтому прогнозы в этой сфере знания должны быть одновременно и долгосрочными, и краткосрочными. У нас социальное прогнозирование за прошедшие 25 лет практически исчезло, а о реакции общества на сетевые войны мы вообще никогда не задумывались.

В-осьмых, у общества и власти пока нет запроса на подобные исследования, «большие гранты» адресуются другим направлениям. Поэтому и нет коллективов, способных быстро развернуть исследования тотальных сетевых рисков.

Наконец, последнее и, на мой взгляд, одно из самых главных – это «гражданская оборона». Многие социологи, с которыми я разговаривал, вообще не имеют понятия, что это такое. Организация системы такой обороны – дело не только одного, даже очень мощного министерства. Рискну утверждать, что сегодня гражданская оборона есть дело также общественное, то есть гражданское в прямом смысле слова.

В начале Великой Отечественной войны такие группы граждан немало способствовали борьбе против «точечных» диверсий, тушили зажигательные бомбы, оказывали помощь пострадавшим. А партизанское движение на оккупированных территориях тех же времен – разве это не прообраз современной сетевой войны? Важный аспект гражданской обороны – СМИ и социальные сети в Европе. Если первый источник заполнен «breaking news», то, по сообщению российских корреспондентов, большинство британских газет стремится «разговаривать» со своими читателями, чтобы уменьшить их шок от случившегося.

Сегодня в стране сложилась достаточно сильная сеть волонтеров. А вот некоторые социальные сети стоило бы переориентировать с подсчета бесконечных «лайков» на дискуссии по более актуальным вопросам. В них ведущая роль должна принадлежать лидерам крупных социально-ориентированных гражданских организаций. Несмотря на жесткие меры против «иностранных» и «нежелательных» агентов, многие гражданские организации стали профессионально-гражданскими и вышли на публичную арену. Победить зло терроризма без участия сил гражданского общества невозможно.

16.11.2015

«Война и мир» – почему эта тема очень важна для нас?

Война и мир, понимание их взаимозависимости – одна из самых актуальных проблем современности. Сегодня эта проблема присутствует везде: в СМИ, в исторических и военно-политических исследованиях, в художественной литературе, в научной фантастике. Однако этой тематики практически нет в современной российской и зарубежной социологии. Почему? На мой взгляд, тому есть несколько причин.

Исторически сложилось так, что вопросы войны и мира решали правители, императоры, цари, главы государств, фельдмаршалы, то есть высшая военная и политическая элита стран. Именно она создавала армии, военно-политические союзы, распоряжалась природными, человеческими и интеллектуальными ресурсами. Эта элита создавала армии и организовывала завоевательные и освободительные походы. Соответственно, она формировала заказ и давала средства на изучение причин и последствий войны. Даже когда появилась на свет такая наука как геополитика, это была именно отрасль политики, а не социологии. Хотя в истории накапливались факты, свидетельствующие об обусловленности войн динамикой социальных структур и процессов, а также природными, демографическими и научно-техническими трансформациями, социологическая наука избегала анализа этих связей. Об истории Второй мировой и Великой отечественной войн опубликованы десятки томов и сотни книг, но о том, как война и мир влияли друг на друга, есть лишь очень важные, но частные разработки. Вот тезисы, отражающие мой подход к данной проблеме.

Во-первых, войны сопровождают всю историю человечества, хотя, на мой взгляд, не являются его естественным состоянием. Исторически очевидно, что война и мир составляют неразрывное целое. Достаточно вспомнить вторую половину 1940-е гг., когда человечество, еще не успев залечить раны «горячей войны», уже было вовлечено

в «холодную войну». Процессы восстановления и реабилитации идут параллельно с процессами модернизации, которые в свою очередь, позволяют накапливать военно-промышленный потенциал, предъявлять новые экономические и политические требования, которые, как предполагают международные соглашения, достигаются путем переговоров и т.д. Однако обратите внимание на современную постановку вопроса американскими военными: речь идет о войнах «в противоборствующем и беспорядочном мире». Не значит ли это, что если мир становится именно таковым, его надо усмирять только при помощи военной силы? А где же тогда весь арсенал дипломатических и иных средств? Человеческих связей, мирных протестов и народной дипломатии? И вообще, как в подобном мире должны сочетаться усилия по поддержанию мира и военные действия везде-везде?

Во-вторых, почему образовался такой огромный разрыв между подходами к современному миру социологов и военных. Надо признать, что методологически военные нас опередили на много шагов вперед. Смотрите: мы, социологи, в лучшем случае продолжаем решать наши отдельные (сугубо социологические) задачи. Тогда как для военных США весь мир – одна гигантская проблема. Пока мы, гуманитарии, продолжаем думать и действовать в рамках наших (институционально закрепленных) дисциплин, они имеют «Директорат объединенных сил Комитета начальников штабов вооруженных сил США». Политики имеют ООН и другие международные организации, поддерживающие международное право, имеют возможность налагать санкции, предавать зачинщиков массовых войн международному трибуналу и т.д. А что имеем мы, социологи? Несколько международных и региональных дискуссионных клубов. Чувствуете разницу? Между тем, любой вооруженный конфликт сегодня это, прежде всего, человеческие и культурные потери.

В-третьих, *социальный и демографический состав населения планеты, его идеология и социальный потенциал все время меняется*. Мигранты, бегущие сегодня в Объединенную Европу, качественно отличаются от тех наемных рабочих Турции, которых Германия привлекала в 1960-х гг. Впрочем, как и мигранты, которых привлекает РФ из стран бывшего Советского Союза. Представляется, что современная глобальная мобильность как фактор международной напряженности еще недостаточно изучена, потому что она – не только приток «рабочих рук», но и перенос идеологий, образцов культуры и повседневного уклада. Смогут ли Европа и Россия быть «плавильным котлом» в отношении массового притока мигрантов из бедных стран – ключевой вопрос проблемы становления нового социального порядка.

Далее, под воздействием информационной политики и прямого военного вмешательства ЕС и США произошли распад существующего порядка и его хаотизация в ряде стран Африки и Ближнего Востока. Наконец, за последние полвека резко изменился глобальный идеологический климат. Экспансионистские устремления всегда порождали радикальный ответ, на которые Европа отвечала неадекватным образом (толерантность, мультикультурализм). Так, в течение почти 30 лет европейские гуманитарии и политики тешили себя идеей «устойчивого развития». Как показало время, эта концепция не выдерживает критики ни с научной, ни с политической точки зрения. Развитие всегда совершается только через изменения, причем по большей части болезненные для части населения, некоторые социальные институты уходят в небытие. А сегодня к ним прибавились изменения неожиданные, подчас катастрофические. Так что концепт «Нашего общего будущего» под большим вопросом.

В-четвертых, если в годы Второй мировой войны и после нее можно было говорить о «мире и войне», как о периодах относительно спокойного и турбулентного развития, то теперь разделение на мир и войну, фронт и тыл, на зоны повышенной опасности и относительно безопасные, становится все более условным. Сегодня сложилась качественно новая ситуация. Такие понятия, как внешнее и внутреннее,

далекое и близкое, свое и чужое, стали относительными. На планете уже нет абсолютно безопасных мест, остались только более и менее безопасные зоны. Сети всех видов в корне изменили сам смысл и структуру глобального социального порядка. Его принципиальными качествами стали двойственность и неопределенность.

В-пятых, основным понятием, определяющим переход мира в состояние глобализации, являются его внутренняя интегрированность: «вся связано со всем, и все куда-то попадает». Эта интегрированность диалектическая, многосторонняя. С одной стороны, экономические, социальные и коммуникационные сети резко ускоряют все социальные процессы. Кажется, что пространство исчезает (феномен инверсии пространства). Но с другой стороны, это ускорение является угрожающим и даже разрушительным. Потому что все, что распадается, превращается в отходы, *порождает гигантский выброс социальной энергии распада* в виде массы беженцев, вынужденных переселенцев и просто тех, кто «не успел». З. Бауман уже давно ввел в социологический оборот понятие «человеческие отходы». Термин жесткий, но отражающий реальное положение дел.

В-шестых, «человеческие отходы» – это живые люди, разоренные и угнетенные или лишившиеся возможности реализовать свой человеческий потенциал. И тогда они решают искать «лучшей жизни» на свой страх и риск. Это – не переселенцы, которых Британская империя отправляла в свои колонии. И не беженцы из послевоенной Европы в США, то есть в страну родственной англо-саксонской культуры. Это массовый приток мигрантов из стран иной культуры и цивилизации, которые уже знают, что могут получить свое «место под солнцем» в богатой Европе. А она с массовым носителем Ислама дела раньше не имела! И этот, внешне хаотичный поток быстро превратился в *коллективного социального субъекта*, легко пробивающего любые заслоны на своем пути.

В-седьмых, молодая российская социология подпала под влияние структурно-функционального анализа. Опросы, опросы, опросы... Да, они необходимы, но это лишь один инструмент для постановки важнейших *проблем*. Назову только несколько из них. Одна – это невнимание к будущему страны. В постперестроечные годы российские социологи интенсивно изучали настоящее, иногда оглядываясь назад. *Сегодня общее будущее мира как актуальная проблема исчезло из повестки дня нашей науки*.

Второй – это продолжающееся движение в сторону профессиональной «локализации», то есть дробим нашу дисциплину на все более мелкие части, тогда как мировые проблемы становятся все более взаимосвязанными, то есть «гибридными». Третий, вытекающий из второго, – *это дробление «поля социологии» на предметные, а не на проблемные области*. Функционально мир все более интегрируется, становится сложным, а мы продолжаем его дробить на таксономии, то есть на статистические группировки по полу, возрасту, образованию и т.д.

Четвертый – это очень медленный сдвиг в сторону междисциплинарного анализа. Американцы правы, когда говорят о дефиците жизненно важных ресурсов, а мы никак не можем спасти сибирские леса от ежегодных пожаров. Пятый – это так и не решенный вопрос о нашей идеологии. Это – предмет отдельного разговора, здесь только замечу, что идеология, как бы она ни называлась (объединяющая идея, религия, система ценностей), – мощное оружие в современной войне.

Шестой, войны всегда были процессами без начала и конца. Всегда были раненые, покалеченные, бездомные, уведённые в плен и т.д. Но современные войны не зря получили название гибридных. Практически все, что производится человечеством, может быть использовано в качестве «оружия», начиная от политических заявлений и пропаганды в СМИ и до использования экологического и биологического оружия. Всякая война превращает многие территории в «мертвые земли». Минные поля,

заложенные в Северной Африке, в 1941–42 гг. и в 1970х гг., равно как и на территории Балканского полуострова в 1992–94 гг., взрываются до сих пор. Сегодня человек воюет не только с собственным прошлым и с другими людьми – он воюет с вирусами, наводнениями, пожарами и многими другими природными и техногенными катастрофами. Он, наконец, воюет с концепциями и моделями несправедливого будущего. Проблемы адаптации и реабилитации людей к таким «мобилизационным» состояниям вышли на первый план. Спасателей и волонтеров и соответствующей техники требуется все больше.

Седьмой, как строить социологическую концепцию войны и мира? На мой взгляд, опираясь на *концепцию глобализации как интегрирующего процесса*. В соответствии с этим принципом мною была предложена концепция нашей планеты как социобиотехнической системы (СБТ-системы). Эта концепция исходит из принципа взаимозависимости и взаимной трансформации социальных, природных и технических систем. Сегодня трудно, а иногда и практически невозможно, различить, где «кончается» жизнь природы и начинается функционирование социотехнических систем. Недаром современные военные стратегии всегда имеют двуединую задачу: подавить или разрушить коммуникационные структуры противника и заместить их собственными. Это аналитический принцип означает, что среда обитания есть непрменный участник войны, и как цель, и как ресурс, причем чем далее, тем более СБТ-системы вероятного противника рассматриваются как важнейший ресурс. Думаю, что со временем появится термин «метаболические войны», то есть использующие метаболические процессы в СБТ-системах в качестве оружия.

Восьмой, понятие «информационная война» не схватывает полностью сути современной борьбы в веб-пространстве. Её главная задача: разрушить существующий социальный порядок и, прежде всего, институциональную структуру вероятного противника и навязать собственный принцип её организации. Подчеркну: сегодня СБТ-система – важная часть этого порядка. Это, в частности, означает, что идеология и системы ценностей суть структурные элементы любого порядка. Отсюда, понятие «информационной войны» включает усилия по программированию сознания и поведения населения на подконтрольной территории и перепрограммирование сознания и поведения вероятного противника. Значит, обе стороны заинтересованы в сохранении технологических систем, обеспечивающих коммуникацию. Эти общие закономерности не исключают того факта, что противоборствующие стороны будут периодически создавать временные информационные сети, в частности, используя людей в качестве носителей информации.

Итак, какая социология войны и мира нам нужна? Глобалистская, точнее, глобо-локальная, способная видеть в локальном глобальное, и – наоборот. «Непрерывная», поскольку сегодня уже нет четкой грани между миром и войной. Активистская, то есть изучающая любой случай «гибридной» войны как совокупность взаимодействий видимых и скрытых агентов, социальных, биологических и технологических процессов. Ресурсно-ориентированная, поскольку любая война – это прямая и косвенная борьба за ресурсы. Особое значение имеют идеологические и морально-этические ресурсы.

Социология войны и мира должна изучать постоянно изменяющуюся расстановку конкурирующих сил, доступных им ресурсов, актуализацию старых и возникновение новых идеологий и социальных движений. Отсюда – использование вероятностных (сценарных) методов. Эта социология должна быть междисциплинарной, понимающей войну как взаимодействие социальных, природных, техногенных и других действующих сил.

Ключевой метод такого анализа – *изучение метаболических процессов*, то есть взаимодействия природных, социально-природных и собственно социальных процессов. Социология войны и мира должна быть диалогической, интерпретирующей

различные формы переговоров, прямых или через третью сторону, как инструмент воздействия на конкурента или вероятного противника. Этот пункт касается всех категорий населения: военных, ученых, производителей, комбатантов, местного населения и др.

Социология войны и мира должна быть также институциональной, уделяющей особое внимание процессам институциональных трансформаций и возникновению новых конфликтных ситуаций между сложившимися формами социального порядка и новыми формами массовых социальных движений.

И, наконец, это должна быть миротворческая социология, имеющая несколько целей. Одна – это ранний (упреждающий) анализ возникающих социальных конфликтов и вооруженных столкновений. Второй – это разработка методов гуманитарной помощи страдающему населению, независимо от его места нахождения (зона боев, лагеря беженцев, миграционные потоки). Третий – это теоретико-методологический анализ вооруженных конфликтов в условиях глобализации и НТР. Общий вывод: нет отдельных феноменов мира и войны – есть единый процесс геополитической динамики, периодически чреватый конфликтами и войнами.

17.08.2016

Люди, будьте бдительны или, хотя бы, более осмотрительны!

Убит российский посол в Турции. За подобный факт раньше объявляли войну. Однако сегодня другие времена, и надо разрешать эту критическую ситуацию по-иному. Но вот, параллельно, другой, вполне обыденный факт: более полусотни погибших от употребления бытового растворителя под ласковым именем «Боярышник»! Скажете, ну, хватил, это же совсем разные вещи! Нет, это просто разные проявления феномена, называемого *всеобщим или всепроникающим риском*. Да, сегодня сам процесс обыденной жизни стал опасным для этой самой жизни! Потому что эта жизнь все более насыщается электроникой, химическими «добавками», лосьонами и т.д. Не буду здесь напоминать, сколь разрушительными могут быть кибератаки на российские информационные системы, включая ваши собственные айфоны, это тема для отдельного разговора.

Искренне соболезную семье и родным погибшего. Но что же делать с десятками тысяч погибших в результате дорожных катастроф? Что делать с другими несчастными, умершими только потому, что скорая помощь не смогла, не успела довести их до больницы? Или со сгоревшими от неисправности электропроводки инвалидами? Или как относится к родителям, ведущим каждый день детей в детсад, на территории которого стоят засохшие деревья, и обломившаяся от ветра ветка может покалечить любого ребенка? Я уже не говорю о том, что мы, горожане, уже давно «голенькие» перед лицом беспрерывно звонящих по телефону или стучащих в дверь странных типов. Кто и как «раздел» нас, фактически лиши права на приватную жизнь? Сегодня наши «авось» да «небось» из обычной беспечности превратились в социальное зло.

Я обращаюсь с этими вопросами к своим коллегам-социологам, потому что победить это всеобщее зло прямым обращением к нашим гражданам просто невозможно. Уважаемые коллеги-социологи, *включайте, наконец, в свои исследовательские проекты исследование фактора всеобщего риска!* На мой взгляд, это – наш общий профессиональный долг. К сожалению, наша неосмотрительность и даже беспечность, привели к тому, что сегодня практически любой вид социальной деятельности потенциально содержит фактор риска. Надо людей и, особенно, молодых, готовить к жизни в этой опасной ситуации. И нельзя надеяться только на спасателей или скорую помощь. Для чего мы сначала должны изучать те типичные критические

жизненные ситуации, в которых риск наиболее вероятен, а мы – наиболее беспечны. А потом сделать карту рисков, но не городов и регионов, наиболее им подверженных, что давно уже было сделано, а социальную шкалу нашей собственной беспечности и недалекости.

В этой работе наши ближайшие союзники – это врачи, медики, гигиенисты, спасатели, то есть все те, кто имеет дело непосредственно с социальными болезнями человека. Потому что невнимание к фактору риска – это тоже социальная болезнь.

20.12.2016

О морали гибридной войны

Это – действительно актуальный вопрос для нас, социологов. Когда весь мир стал потенциально проницаемым, «прозрачным», причем можно залезть не только в ваш кошелек, но и в ваши мозги, манипулируя ими так, что вы ничего не почувствуете. Когда все большее число людей принимают за правду то, что покажут или скажут СМИ, когда, наконец, «мое личное мнение» становится на деле просто пересказом вчерашнего ТВ-шоу, о какой именно морали «гибридной войны» может идти речь?

Моя гипотеза следующая: «гибридная война» существовала всегда, но сегодня, благодаря новейшим технологиям, она обрела тотальный характер. Сегодня становится все труднее распознать, где правда и где откровенная ложь, но замаскированная под правду. Происходит это потому, что ТВ-зритель или пользователь социальных сетей получает «картинку» некоторого события плюс его интерпретацию. Поскольку события в Сирии или на Донбассе от большинства из нас далеко, то у рядового потребителя телевизионной или сетевой информации нет возможности выработать собственную точку зрения в отношении того или иного далекого события. Как когда-то заметил М. Кастельс, медиа-магнаты навязывают массовому потребителю нужную им точку зрения при помощи всего двух инструментов: перепрограммирования исходной информации и переключения её каналов.

Еще 15–20 лет назад казалось, что уж в своей «скорлупе», то есть дома, законопослушные граждане более или менее защищены от вторжения в их жизнь непрошенных гостей. Речь идет о том, что западные социологи называли и называют «приватностью», полагая, что она – базовый элемент истинно демократического общества. Но разве происходящая на наших глазах тотальная информатизация общественной жизни, вытеснение думающих людей «умными машинами» не есть «гибридная война» против человечества. Что это, человек по существу начал войну на самоуничтожение? Приведу пример из истории человека, но истории, спаянной с природой. Есть у биологов такое понятие, как «перевыпас», когда скот, поедая траву, превращает природу в пустыню, в результате чего погибают и скот, и человеческое сообщество им кормящееся. Некоторые биологи мирового уровня и сегодня считают, что человек продолжает себя вести как биологический вид.

Вернемся, однако, к собственно социологическим сюжетам. Когда медиа становятся «между» некоторым событием и его аудиторией, появляется возможность манипулировать сознанием масс. Никогда бы ЛГБТ движение или, например, современный вариант «Черной сотни» не получил бы на Западе такого распространения, если бы некоторые социальные события нельзя было бы сконструировать (или, как говорит проф. С.А. Кравченко, «инсценировать»), выдавая их за борьбу в защиту гражданских прав и свобод населения. Более всего мне обидно за общественные организации, позиция которых, как мне ранее казалось, честнее и ближе к сути дела. Увы, я ошибся. Международные правозащитные организации сегодня все чаще становятся серьезным оружием «гибридной войны». Причем, каждый раз их широкоэшелонные заключения базируются на «анонимных источниках». Еще один

пример. Широко распространенные сегодня в ходе сирийского кризиса «гуманитарные паузы» все реже используются для помощи местному населению и все больше для перегруппировки тех сил, которые поддерживает коалиция во главе с США.

Но совсем не обязательно говорить о вооруженных конфликтах. Так, например, до сих пор не ясно, что такое «глобальное потепление»? То ли это – долгосрочный и всеохватывающий тренд, то ли периодические краткосрочные климатические колебания, сопровождающие весь ход человеческой истории? А ведь на этом строится глобальная экологическая политика. Смотрите: Парижский саммит по глобальному изменению климата давно прошел, но ни в национальном законодательстве, ни в предвыборных программах президентских выборов в США и ЕС тема глобального изменения климата специально не выделялась. В лучшем случае она называлась через запятую, среди многих других. Да, в РФ в ходе «года экологии» будет проведена уборка территории РФ от десятилетиями накопившегося мусора – дело, безусловно, необходимое. Но долгосрочной государственной стратегии сбережения природных ресурсов и сохранения ландшафта страны как не было, так и нет.

Меня этот вопрос беспокоит еще и потому, что он тесно связан с проблемой модернизации. Если модернизация станет главной целью государства и общества, то быстрое возрождение индустриального комплекса может привести к резкому подъему уровня загрязнения всех сред обитания: аэрокосмической, воздушной, наземной и подземной.

21.03.2017

Некоторые мысли по поводу новой хакерской атаки

Недавняя хакерская атака носила уже не точечный, а глобальный характер. На мой взгляд, это означает, что глобальное сообщество продолжает руководствоваться только сиюминутными интересами, теряя способность учитывать прошлый опыт и строить сценарии возможного будущего. Именно отсюда вытекает его неустойчивость, непредсказуемость и, следовательно, нелинейный характер его динамики, отягощенный непредвидимыми поворотами и бифуркациями. Более того, возникновение множества все новых критических зон на планете обуславливается ориентацией мировых игроков не на трезвый анализ глобальной динамики, а на сконструированные ими и тиражируемые в масс-медиа социальные факты и модели.

Так как функционирование любых социальных систем обеспечивается и поддерживается глобальными информационными сетями, резко возрастает риск их разрушения или «перепрограммирования» посредством массированных хакерских атак. Сегодня хакерство – это уже не цепь отдельных актов, а *деятельность некоторой «антисистемы»*, равной по потенциалу своей разрушительной мощи другим глобальным рискам, производимым человеком. Например, ядерному удару, резкому изменению климата планеты, пандемии вирусной инфекции, для которой нет антидота и т.д. То есть некоторая часть человечества в своем стремлении к мировому господству произвела еще один способ тотального самоуничтожения. Тем самым, еще раз подтвердив, что и по сей день, эта его часть ведет себя как биологический вид: уничтожая среду своего обитания оно, тем самым, уничтожает и себя.

Другая сторона того же глобального риска состоит в том, что разрушительная мощь глобальных систем, производящих ядерное, биологическое, климатическое оружие и иные средства массового поражения, *сравнилась с разрушительной мощью отдельного индивида* или их малой группы, вооруженных компьютером. Это, в свою очередь, означает, что критическое состояние глобального сообщества есть та последняя фаза его динамики, когда еще можно пытаться предотвратить самоуничтожение человечества.

Поэтому снова, как сто, двести и тысячу лет назад, первостепенными становятся не технологические, а *гуманитарные проблемы*. Естественно, что будут создаваться все новые системы технологической защиты. Но на каждый антивирус будет создан новый вирус, поэтому как стратегия соревнования «взломов» и все новых систем защиты бессмысленна. Можно ли совладать с этой неимоверно возросшей мощью отдельного человека, который нажатием десятка клавиш, может потенциально нанести непоправимый урон человечеству и среде его обитания? – вот ключевой вопрос. Как обучить человечество (да, именно его в целом) не поддаваться этому соблазну самоуничтожения? Мне представляется, что есть только один путь: объединение все отраслей научного знания и социальной практики для решения этой неотложной задачи.

15.05.2017

Время военное и мирное: общий принцип эффективной работы

Когда несколько лет назад я выдвинул гипотезу, что наиболее действенным условием междисциплинарного взаимодействия является мобилизационная или критическая ситуация в обществе, мои уважаемые коллеги приняли её снисходительно. Дескать, опять Яницкий что-то изобретает. Но вот два факта, один из истории Великой Отечественной войны, другой – из вполне мирной жизни, подтвердили эту гипотезу.

В связи с очередной годовщиной начала той войны ТВ канал «Культура» показал чрезвычайно поучительный сериал, показывающий, как в тяжелейших условиях первых лет войны люди страны смогли не только переместить вглубь страны сотни производств, но и непрерывно совершенствовать их. Это было время, когда академики и другие первоклассные специалисты совместно с рабочими, со всем (подчеркиваю, со всем!) персоналом перемещенных на Восток предприятий сделали то, что еще вчера казалось в столько короткие сроки и буквально «на пустом месте» невозможным.

Да, это была мобилизация, *мобилизационная ситуация в экстремальных условиях*. Для быстрого достижения результата все межведомственные и междисциплинарные барьеры были сняты! То есть подтвердилось именно то, что я сформулировал теоретически: междисциплинарное взаимодействие наиболее эффективно в условиях мобилизационной ситуации, когда времени в обрез, а ресурсы только те, что есть под рукой!

Эта мысль (скорее, тогда ощущение) появилась у меня еще в эвакуации в Казани, в 1941–42 гг., когда я, 8–9-летний подросток, месяцами болел и был по преимуществу один. Неправда, что дети и подростки не способны размышлять. Особенно если они выросли во взрослой среде. Тогда моими «учителями» были всего две книги, «Плутония» В.А. Обручева и «Тайна двух океанов» Г. Адамова. Сейчас дети вмиг проглатывают научную и ненаучную фантастику и требуют новой порции «острых ощущений». Тогда, в Казани, были иная ситуация: сначала я был целыми днями один, а позже чуть оправившись, стал ходить в госпиталь, где мама-врач была сначала начмедом, а потом замначальника госпиталя. На войне я не был, но хорошо разглядел её изнанку: раненых и тех, кто их спасал от смерти. А работа врачей невозможна без четкой согласованности действий целой группы специалистов, специального транспорта и др.

А теперь о совсем иной, вполне мирной ситуации. Вчера в телепрограмме мелькнуло лицо Риккардо Боффила, одного из знаменитых современных архитекторов, приехавшего в Москву на градостроительный конгресс. А где-то в середине 1970-х гг. я был у него в мастерской в Барселоне. Тогда меня поразило, что в ней собственно архитекторы были в меньшинстве, но было много тех, кого тогда наш архитектурный цех и на порог не пустил бы. *Были писатели, поэты, художники, философы*, всех не

вспомню. И вся эта мастерская Бофила размещалась тогда в двухэтажной «банке» из-под цемента, переделанной в мастерскую. Это более чем скромное прибежище столь разных талантливых людей никак не воспринималось нашими бюрократами от градостроительства, привыкшими к большим масштабам «сталинского ретро». В том визите в мастерскую Бофила меня попросили быть переводчиком для одной из московских градостроительных «шишек», которая никак не могла взять в толк, как можно строить дома для людей, не имея огромной машины строительной индустрии.

Но вот в этой, с позволения сказать, «банке» из-под цемента рождались идеи, которые во многом позже определили один из магистральных путей современного градостроительства. Его лозунгом был «город для людей». Но почему мобилизация? Да потому, что *это была тоже мобилизация, но «мобилизация изнутри»*, то есть мобилизация добровольная и сугубо творческая! Этих столь разных людей объединяло всего одно, но очень мощное желание: сделать города более человечными, более удобными и привлекательными для их обитателей. Конечно, в составе этого коллектива были и инженеры, и коммунальщики. Но главное препятствие для их эффективного взаимодействия – бесконечные ведомственные согласования – отсутствовало. Именно поэтому такая «мирная мобилизация» сработала! Так что сама история помогла превратить мою гипотезу в важный элемент теории междисциплинарного взаимодействия.

И еще одно замечание: снобизм некоторых наших интеллектуалов, говорящих, что они вообще не признают телевидение, неуместен. Для очень многих социологов, в особенности с ограниченными возможностями, анализ телепередач – очень важный ресурс для их исследовательской работы.

23.06.2017

Добавление от 03.10.2018 г.

Прошло всего три года, а глобальная ситуация снова сильно изменилась, причем она меняется чем дальше, тем быстрее. А социологи, как показали два крупнейших международных мероприятия, проведенных МСА, – Мировой социологический форум (Вена, 2016 г.) и XIX социологический конгресс (Торонто, 2018 г.) – практически не реагируют на растущие международные конфликты.

С моей точки зрения, глобальная гибридная война, уже идет, потому что все страны и регионы тесно связаны информационными сетями. Недавно начатая США торговая война с Китаем, которая сразу ухудшила общую глобальную ситуацию, лучший тому пример. Плюс ширится использование угроз и применения военной силы. Мир быстро приближается к ситуации «войны всех против всех» (Томас Гоббс).

Но это – совершенно другая война, где нет ни фронта и тыла, ни четкого разделения на «мы» и «они» и т.д. Эта война ведется срезом по всем «фронтам», но само понятие «фронта» непрерывно изменяется. «Фронта» как такового нет, потому что риски гибридной войны по своей сути всепроникающие и всеохватывающие. И они – не только информационные, но также финансовые, климатические, бактериологические и т.д.

За что воюют? – За ресурсы природные и человеческие, научные и территориальные. Поэтому сегодня социологии гибридной войны уже нет, и не может быть, а есть геополитические, финансово-экономические, технологические и информационные войны. Для нас, социологов, важно, что гибридная война – это непрерывная и комплексная война, которая ведется изменяющихся совокупностью агентов действия. Их главный инструмент – это социальные сети, где западные исследователи игнорируют российских авторов, а политики используют социальные сети как инструмент публичной демонстрации силы.

А раз так, то социологи должны уметь следующее. Осознать, что все наши типологии (архетипы, группировки и т.д.) все время меняются. Затем, мы должны уметь строить модели поведения (действия) изменяющихся агентов действия. Далее, сами эти агенты – суть комплексные системы, следовательно, мы должны понимать их внутреннее устройство и потенциальные возможности на поле гибридной войны. Затем, каковы необходимые ресурсы для ведения подобных войн? Только ли современные технологии? А как насчет интеллектуального и социального потенциала их потенциальных участников?

Еще вопрос: хорошо ли мы осознаем, что современная гибридная война ведется, прежде всего, против мирного населения? Но пока что СМИ полны сообщений об авариях и катастрофах и только вскользь – о тех страданиях и потерях, которые несет мирное население. Уже сами некоторые военные специалисты пишут, что сегодня население отчуждено от такой войны именно потому, что оно является их главной мишенью.

Потом, гибридная война как глобальный риск означает, что в мире больше не осталось абсолютно безопасных мест, есть только более или менее безопасные, и их соотношение непрерывно меняется. Еще раз напомним мысль У. Бека, который утверждал, что мы живем сегодня в век «побочных эффектов», событий, которые было трудно предугадать. И если гибридная война целиком переместится в космос, то от этого ничего не изменится.

И наконец, риски, порождаемые гибридными войнами, есть двойная – материально-виртуальная реальность. Это «удвоение» мира, в котором мы живем – принципиальный пункт, с которым должен считаться любой агент глобальной геополитики. С одной стороны, при сильном давлении материального мира индивид прячется в виртуальном мире. Но с другой стороны, этот мир есть лишь временное убежище для людей, спасающихся от опасности.

Теперь – об изменении самой политики и изучающих ее наук. Начну с того, что чем дальше, тем больше политическая реальность не изучается, а конструируется при помощи СМИ, социальных сетей, заявлений мировых и региональных лидеров. Но также она конструируется событиями материальной реальности: техногенными авариями и природными катастрофами, дефицитом средств жизнеобеспечения (прежде всего, питьевой воды), эпидемиями и т.д.

Чем дальше, тем чаще *реальная политика есть сконструированная неопределенность*, потому что такое «конструирование» дешевле и эффективнее, чем длительные исследования. Сегодня глобальная политика есть, прежде всего, бизнес, к которому наука имеет лишь косвенное отношение. Сегодня политические стратегии конструируются, прежде всего, властными структурами и их военной составляющей. Население знает, сколько будет потрачено на здравоохранение и образование, однако, сколько должна стоить наша безопасность, не знает никто, потому что вычисления на эту тему всегда носят вероятностный характер.

Наконец, и, наверное, самое главное для любой общественной науки, это взаимопонимание между представителями разных наук и скорость выработки ими согласованного решения. Иными словами, в условиях гибридной войны всякое «решение» должно быть комплексным и континуальным. Фактически, *речь идет о создании института динамической науки*, не только «догоняющего» развивающуюся действительность, но и обгоняющего её. Это – очень сложная, но насущная задача институциональной «перестройки» науки, тем более сложная, что сегодня многие европейские и другие ученые выступают за сокращение экономического роста.

И последнее замечание. Российские исследователи, бежавшие на Запад, изо всех сил стараются понравиться своим новым работодателям. Поэтому эти «коллеги» избегают каких-либо упоминаний социологических или политологических

исследований, выполненных в России российскими исследователями. Если заезжий специалист побывал неделю-другую в РФ и после этого пишет о ней статьи, это – пожалуйста. Но ссылаться на российских ученых-обществоведов они не хотят. Хотя – с интересом читают и даже используют их мысли и тексты в своих работах. Но без ссылок.

ЧАСТЬ II О РОССИЙСКОЙ СОЦИОЛОГИИ

9. Какая социология сейчас на дворе?

Вернусь на несколько лет назад, чтобы попытаться схватить хотя бы некоторые тенденции ее развития. Динамика российской социологии систематически не изучалась с 1998 г., то есть более двадцати лет, если учесть процесс подготовки статей по ее основным разделам, редактирования, издательского процесса и т.д. Я имею в виду работу под названием «Социология в России»/под ред. В.А. Ядова, 2-е изд. М.: Издательство Института социологии РАН. 696 с.

Это было несомненное достижение. Но, судя только по Оглавлению, российская социология была и оставалась моно-дисциплинарной наукой. После работ предреволюционного периода, когда между социологией и другими общественными науками, а также – между ними и естественными науками наметилось некоторое сближение (см. работы П.А. Сорокина, Н.А. Бердяева, С.Л. Франка и П.Б. Струве) советская и российская социология, чем дальше, тем больше становилась моно-дисциплинарной. После распада СССР добавилось неприятие (и даже прямое забвение) марксизма, хотя в других странах мира интерес к историческому материализму и теории революционного преобразования капиталистического общества только возрастал.

Я не историк социологической науки, каким, несомненно, был проф. Ю.Н. Давыдов, но я не уверен, что история социологии и есть ее теория. И уж в чем я совершенно уверен, так это в том, что созданная на скорую руку «Социология в России в лицах» может сказать нам, каково состояние российской социологии сегодня и какие исследовательские направления в ней преобладают. Скорее, наоборот, этот труд создает картину разобщенности российского социологического сообщества. В скобках замечу, что методика этого исследования публично не обсуждалась.

Ниже приведены мои краткие размышления по разным проблемам современной российской социологии, и о её месте в мировой социологической науке, опубликованные в блогах на сайте Института социологии ФНИСЦ РАН.

Итак, какая социология на дворе?

Вероятно, она – такая же, каков сам «двор». То есть такая же, как страна и мир, в котором мы живем. Но страна и мир быстро меняются, особенно в последние годы. А методы, которые социологи изучают их проблемы, остаются практически

неизменными. Более, того, сам набор проблем (и, соответственно, дисциплин) практически не изменились за 20 лет!

Оставим в стороне такие явно ненаучные определения, как «лихие 1990-е гг.» или «турбулентные времена». Обратимся к новейшей истории. Экономический кризис, новую волну которого с тревогой ожидают все, локальные конфликты и войны, терроризм, немотивированные убийства, наркомания и алкоголизм, коррупция, повышение тарифов ЖКХ, беженцы, бегство капитала, гастарбайтеры – этот список можно продолжать до бесконечности и в любой последовательности. И, конечно, малые и большие катастрофы, которые следуют с угрожающей регулярностью.

Но, как и 20 лет назад, наши социологи за редким исключением продолжают опросы общественного мнения (все те же, всегда и везде «репрезентативные» 1500 человек), то есть все та же «средняя температура по госпиталю», часто не замечая постоянно меняющегося контекста! Как будто ценности населения, его настроения, психология и т.п., – одни и те же во время чеченских войн и после них или в «тучные годы» и во время кризиса. Как будто не произошло смены поколений, нет глобализации, не утерян безвозвратно целый социальный слой «синих воротничков» и Россия не вступила в ВТО и т.д. Я уже не говорю о влиянии таких тонких материй, как растущая информатизация населения и всех сфер публичной деятельности, переносе большинства сфер человеческой коммуникации в интернет-пространство.

Так кто или что же все-таки кривое: «зеркало социологии» или восприятие обществом самого себя? То есть, его нежелание видеть его таким, каково оно на самом деле? Давайте, по крайней мере, признаемся себе, что большая и определяющая часть нашего общества и мира в целом, детерминирующие траекторию его движения, *закрываются для социологического анализа*. Армия, государственные и частные силовые структуры, бюрократический аппарат, практически весь средний и большой бизнес и его сервис-класс, не говоря уже о транснациональных корпорациях, недоступны для социологов-аналитиков. За исключением некоторых «доверенных лиц», которым позволено освещать жизнь властвующей элиты и других элит нашего «транзитного» общества.

Причем перекося все явственней: внутри этих закрытых корпораций и сообществ множатся исследовательские группы и целые институты, изучающие «массу», а социологи «с улицы», то есть мы с вами, в эти структуры доступа не имеют. Отсюда и мой вопрос: какое общество мы видим в «зеркале социологии»: всю его подвижную и противоречивую социально-пространственную, социально-конфессиональную и т.д. структуру, или же только ту его часть, которая доступна для массовых опросов? Мне представляется, что цифры колебания «общественного мнения» не отражают всей сложности происходящих перемен.

На этом фоне весьма отрадным выглядит факт появления экспресс-исследования «Социология бедствия», проведенного Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики – Санкт-Петербург» (НИУ–ВШЭ СПб) в г. Крымске и станице Нижнебаканской с 22 по 28 июля 2012 г. под руководством проф. В.В. Костюшева и его коллег. Основные тематиками исследования были доверие жителей к институтам власти, взаимодействие власти и общества, информированность жителей, уровень взаимопомощи людей, готовность жителей к защите своих прав, физическое и психическое самочувствие людей и функциональность волонтерского сообщества... Главный вывод исследования: люди доверяют друг другу и волонтерам и не доверяют властям всех уровней. Важен и сам методический инструментарий: интервью и включенное наблюдение на месте катастрофы. Будем надеяться, что следующий этап – восхождение социологического анализа от «места» к институтам – будет столь же успешным.

25.08.2012

100 лет назад: социология из семейного архива

Разбирая одну из коробок семейного архива (ту его часть, которая касается биографии моей тетки Веры Федоровы Шмидт, урожденной Яницкой, русского и советского психоаналитика, секретаря Русского психоаналитического общества в 1922–1930 гг. Вера Федоровна была автором многих научных и экспериментальных работ по социологии детства), я наткнулся на любопытный ответ на вопрос еще дореволюционной анкеты: «Как вы относитесь к употреблению алкоголя?» (опрос проводился почтовым методом посредством рассылки почтовых открыток, причем предполагалось, что респонденты дадут развернутые ответы). К сожалению, в архиве сохранилась только одна почтовая карточка с прикрепленным к ней развернутым ответом:

«Извольте, вот он. Употребления алкоголя, безусловно, вредно. Так гласит теоретическая мудрость. Против науки, а в особенности, и такой еще любвеобильной как медицина, спорить трудно. Но есть еще мудрость житейская, которую дают нам житейские казусы. Под влиянием таких казусов теория не только теряет почву, но становится абсурдом. Впереди меня – абсолютное ничто, беспросветная тьма, конец надеждам, могила счастью. Позади ряд неудачных опытов на разнообразных житейских поприщах, постоянное высыхание живой любви к людям, безусловное поражение своих сил и победа сил незримых и, тем более, грозных. Чем же заполнить настоящее, когда так страстно хочется уйти от него?

О, алкоголь! Ты, безусловно, могущественнее и полезнее былых нектаров и амброзий. Не бессмертия и вечного блаженства хочу я, но мою будничную убогую жизнь ты волшебством своим превращаешь в очаровательную сказку. Как жалко, что презренная проза <жизни> побуждает меня сейчас идти, куда бы я, может быть, и не хотел бы! О, если бы все человечество было им <то есть алкоголем> очаровано: на земле воцарился бы золотой век!

Ваш трезвый товарищ (подпись)»

18.04.2014

Регионы и города как предмет междисциплинарного анализа (Из выступления на Ученом совете Института социологии РАН 25 марта 2015 г.)

Уважаемые члены Ученого совета! Прежде всего, я хотел бы поблагодарить коллег из Вологды за ту огромную и весьма ценную для науки и практики работу, которую они проделали за прошедшие 25 лет под руководством проф. В.А. Ильина. Думаю, большинство членов Совета согласится с этим.

Пользуясь приездом наших коллег из Института социально-экономического развития территорий РАН, я хотел бы затронуть один вопрос, который, по моему мнению, сегодня имеет стратегическое значение для нашей науки и для страны в целом. Я имею в виду необходимость скорейшего перехода от предметного подхода к решению стоящих перед нами задач, к *подходу проблемному*, то есть к междисциплинарному и меж-секторальному.

Но сначала несколько примеров. Мы готовимся отметить 70-летие Великой Победы. Но та война преподала нам важный урок: в начале той войны не было необходимой согласованности действий отдельных подразделений, фронтов, родов войск. Исправление этой ошибки обошлось стране и её гражданам очень дорого. В только что закончившихся военных маневрах на северо-западе страны преследовалась именно эта цель: обеспечение эффективного и быстрого взаимодействия между наземными частями, флотом, авиацией в быстро меняющихся условиях.

В послевоенные годы была издана монография Н.А. Вознесенского «Военная экономика СССР в период Отечественной войны» (1947). Но позже проблематика территориальной организации общества в целом в мобилизационные периоды ни тогда, ни позже, социологами практически не изучалась. Раньше такую работу возглавлял Институт градостроительства, но комплексной работы не велось. А ведь территориальный подход к социально-экономическим процессам требует именно комплексного и проблемного подхода.

Но вот пример из близкой нам сферы: из СМИ. Сидя дома на бюллетене последние три месяца, я ежедневно смотрел на 3-м канале ТВ передачу «Право голоса». Весьма поучительный для нашей академической науки урок! По моим подсчетам, более 75% выступавших были не из академических институтов, а из маленьких мобильных проблемных НИИ, общественных фондов и т.п. Причем, так или иначе, все они были связаны с проблемой междисциплинарной коммуникации. Из социологов я видел там только проф. Никиту Евгеньевича Покровского. Когда Михаил Константинович Горшков только пришел в Институт, он верно сказал: «Если вас нет в Интернете, считайте, что вас нет вообще!».

Почему я говорю об этом сегодня? Потому что откладывать этот трудный поворот всей отрасли нашей науки и образования больше нельзя. Это, в первую очередь, касается территориальной организации этих отраслей. Это – очень трудный поворот, так как сложившаяся столетиями научная и образовательная система построена по предметному принципу. Я занимаюсь МДС (междисциплинарными) исследованиями уже более 40 лет и вижу, как медленно подвигается этот подход. Но одновременно я вижу, что когда внешние условия диктуют свои требования, то междисциплинарные перегородки ломаются и проблемный подход берет верх.

Вот известные исторические примеры. Когда речь шла о создании оружия массового поражения, наши великие ученые организовывали работу именно по проблемному принципу и установили ядерный паритет на многие годы. Когда в 1960-х гг. американцы увидели, что СССР их обгоняет в космосе, они создали специальный алгоритм (он получил название «Система ПЕРТ»), который позволил им догнать наши космические разработки.

Еще 5 лет назад были сформулированы основные задачи реформирования государственной региональной политики. Среди важнейших принципов этой реформы были названы: преодоление отраслевого управленческого кризиса, ориентация на *интегральные* показатели эффективности и развития, поддержания среды в которой создаются, обращаются и используются ценности, обеспечивающие идентичность человека и различных типов человеческих сообществ, политика территориальной безопасности жизнедеятельности. (См., например, Васецкий А., Зуев А. Государственная региональная политика: основные направления оценки эффективности // Власть, 2010, № 7. Есть и другие важные документы).

Теперь – о главном, то есть о наших ближайших профессиональных задачах. Нужны ли для такого поворота какая-то серьезная ломка, дополнительные ресурсы, которых сейчас нам никто не даст, и т.д.? На мой взгляд, нет, не нужны! Я считаю, что городские и региональные исследования, где проблемы более конкретны и осязаемы, а главное – тесно взаимосвязаны, для такого поворота подходят более всего. Работая последние годы над проблемами природных и техногенных катастроф, я увидел, что в этом случае есть реальная возможность налаживать междисциплинарное и межсекторальное взаимодействие. Просто в чрезвычайных ситуациях иначе нельзя.

Вот почему я решил поднять этот вопрос сегодня. Может быть, я ошибаюсь, но мой прошлый опыт социолога-урбаниста, говорит именно в пользу МДС исследований, прежде всего, на городском и региональном уровне. Еще в 1970 году группа молодых социологов-урбанистов из разных стран, включая Мануэля Кастельса, Иржи Мусила,

Раймонда Пала, Овсея Шкаратана и вашего покорного слугу, на Конгрессе Международной социологической ассоциации в Варне создала Исследовательский комитет городского и регионального развития этой Ассоциации, который существует до сих пор. Подчеркиваю, *городского* и *регионального*, поскольку необходимость в такой связке была видна уже тогда, 45 лет тому назад! В 1970-80-х гг. мой 10-летний опыт работы над проектом «Города Европы...» по программе ЮНЕСКО «Человек и биосфера», в котором участвовали ученые и практики социальной работы из 16 европейских стран (а это было еще в советское время!) свидетельствует о том же. Результаты компаративного российско-китайского проекта, который ведет наш Институт, также могут быть использованы для МДС анализа.

Внутри Института социологии есть несколько подразделений, с которыми я успешно сотрудничаю на междисциплинарном поле. Не могу перечислить всех, но с отделом проф. Александра Васильевича Тихонова или сектором Аллы Викторовны Мозговой у нас уже давно установился весьма плодотворный контакт. В нашем Институте есть много других подразделений, многолетний опыт которых может быть чрезвычайно полезен для развития проблемного подхода и его продвижения в практику.

Но компаративные исследования – только один из методов реализации интегративного подхода. Обозначу три других. Это, прежде всего, изучение сетей – информационных, ресурсных, энергетических и вообще любых других поточных процессов. Это – очень важный инструмент интегративного анализа, однако его практическое использование тормозится недостатком нужной, информации, с одной стороны, и коррупцией и «откатами», с другой. Далее, это – привлечение ученых и практиков естественнонаучного и технического профиля. Даже когда с ними просто разговариваешь, постепенно находишь взаимопонимание, а затем и способы перевода их знаний на язык социологии и практической политики. Я называю этот метод социальной интерпретацией данных естественных и технических наук. Скажу больше: этим ученым интересно, когда на их исследования и гипотезы смотрят со стороны.

Вот, например, я давно, уже в течение двух поколений, поддерживаю связь с Институтом океанологии РАН. Вон он, в шаговой доступности, на Нахимовском проспекте. Вы скажете: при чем здесь океан, когда речь идет о городах и регионах? А связь прямая: через водный баланс биосферы. Еще март не кончился, а уже по всей России начались пожары, уже есть их очаги и в Московской области. Ну и вообще полезно периодически разговаривать с учеными, обладающими широким научным кругозором. Такой же контакт я стараюсь поддерживать с экологами России и мира. Ничто так не обогащает, как взгляд на твои мысли со стороны. Особенно эффективно, когда специалисты разных наук работают длительное время в общем проекте. Все социальные и природные процессы имеют определенные темпоритмы, и интеграционные процессы здесь не исключение.

А что касается социальной практики, то тут могу даже подсказать, кто на региональном уровне ежедневно занимается такой межсекторальной работой. Таких людей сотни в законодательных собраниях и муниципалитетах. Но социологи предпочитают брать интервью у губернаторов, бизнесменов и записных экспертов, тогда как следовало бы обратить внимание на корпус многочисленных помощников депутатов и администраторов, поскольку именно они собирают и интегрируют самую разнородную информацию, которая, в конечном счете, ложится в основу конкретного решения на городском или региональном уровне. Вообще, одновременный анализ региональных проблем «сверху» и «снизу» есть одно из обязательных условий интегрального подхода.

Важные интеграционные функции выполняют «специалисты-страновики». В нашем Институте есть несколько «страновиков», то есть ученых, которые комплексно

занимаются проблемами отдельных стран. Например, Австрией или еще какой-нибудь одной европейской страной. Да, есть Институт Европы, а в Татарстане есть своя Академия наук. Ну и что? Наверное, не зря Президент РФ посещал ту же Австрию. Эта страна – хороший пример комплексного решения внутренних и внешних проблем и оазис относительного спокойствия в современной «турбулентной» Европе. Напомню, что Международный институт системного анализа находится именно в Австрии. Наконец, не случайно следующий форум Международной социологической ассоциации состоится в июле следующего года в Вене.

25.03.2015

Была ли социология в СССР?

Полтора года назад я уже обращался к этому вопросу в связи с выходом книги проф. Б.М. Фирсова «История советской социологии. 1950-80-е годы». Однако ежегодная конференция Института социологии РАН (17.06.2015) и, в частности доклад о 50-летнем опыте исследований бюджетов времени и его несомненном лидере, сотруднике нашего института Василии Дмитриевиче Патрушеве, ныне покойном, с которым я сотрудничал еще в начале 1960-х гг., побуждает меня вернуться к этой теме еще раз.

Снова открываю книгу Фирсова. Да, В.Д. Патрушев упоминается в ней, но упоминается мельком, через запятую, всего один (!) раз. А вот Б.З. Докторов – 50 раз! *Признаюсь, я не знаю такого историка советской социологии.* А В.И. Переведенцев, ведущий советский и российский специалист в области демографии и социологии миграции в книге Фирсова не упоминается вообще! Равно как и его жена, Жанна Антоновна Зайончковская, ученый с мировым именем. Г.Г. Дилигенский упоминается там 2 раза, Н.И. Лапин – 3 раза, а американский социолог А. Гоулднер – более 20 раз, В.Э. Шляпентох – более 30 раз и т.д. Невольно складывается ощущение, что история советской социологии писалась и пишется в США, Европе, но не в самой России. *Ну и себя самого Б.М. Фирсов цитирует около 100 раз!*

Между тем, коллектив сотрудников В.Д. Патрушева работал над проблемой бюджетов времени с середины 1960-х гг. В частности, В.А. Артемов – с 1971 г., В.И. Болгов – с 1962 г., Г.А. Пруденский с конца 1950-х гг. и т.д. Я уже не говорю о классиках этого жанра, работах акад. С.Г. Струмилина и П.М. Керженцева, изданных в 1950-х гг. Почему возник такой перекося? Да потому что подразделения социологических вузов и институтов, видимо, рассматривают эту часть нашей профессиональной истории как не заслуживающей внимания. Недавно похожую мысль высказал большой чиновник от науки и образования.

Теперь – о главном для меня вопросе, о развитии собственно теоретической социологии. В.А. Ядов, солидаризируясь с А.Ф. Филипповым, полагал, что её неразвитость объясняется недостаточностью эмпирической базы. Частично это, несомненно, так. Однако, что именно следует понимать под эмпирической базой? Только ли опросы, или исторические факты и документы тоже являются «эмпирической базой»?

Но также верно и то, что существует, или, по крайней мере, до сих пор существовала, и *собственно теоретическая социология* как рефлексия по поводу уже существующих теоретических схем и концептов. А также – интерпретации уже проведенных эмпирических исследований (так называемый вторичный анализ). Можно сколько угодно спорить о правомерности использования тех или иных инструментов критического анализа, но критика как таковая, а также «критика критической критики» существуют уже несколько столетий.

А ведь есть ещё и «позитивная» (не позитивистская!) разработка концептуальных схем как гипотез, то есть как рабочих инструментов для последующей апробации, так и *выдвижение собственных теоретических положений*. Вот здесь для многих пишущих об истории советской социологии и возникает проблема. Если социолог провел десяток массовых опросов, то он потенциально уже имеет «право на имя». Если же он опирается на весь свой аккумулированный ранее интеллектуальный багаж, глубинные интервью и гражданский опыт, то тогда ему говорят типа: «ты, парень, в поле работал мало и поэтому не заслуживаешь упоминания в анналах советской социологии».

А – теперь, имена других, незаслуженно забытых (по алфавиту). С.Г. Айвазова – ведущий специалист по гендерной социологии, по левому и женскому движению за рубежом – не упоминается. Ю.В. Арутюнян, крупнейший специалист в области социологии села и межнациональных отношений (всего 2 упоминания в книге Фирсова). Н.А. Аитов – тоже 2 упоминания. А.И. Антонов, крупнейший специалист по социологии семьи – не упоминается вообще. А.О. Бороноев – упоминается только 1 раз в качестве редактора. Б.С. Ерасов, выдающийся специалист в области культурологии и истории культуры Востока, не упоминается. А.А. Галкин, крупнейший специалист по электоральному поведению, не упоминается. Г.Г. Дилигенский, столь же универсальный специалист по социологии рабочего и других социальных движений, его работы по социальной психологии личности цитируются до сих пор, – не упоминается. А.В. Дмитриев – 1 раз. М.А. Заборов, специалист по исторической социологии и рабочему и профсоюзному движению в России и за рубежом – не упоминается.

Далее, Ю.А. Замошкин, один из основателей Советской социологической ассоциации, – упоминается всего 4 раза. Н.Ф. Наумова, крупнейший специалист в области социологических проблем модернизации и социальной психологии, работы которой переиздаются до сих пор, – ни разу! Н.В. Новиков, также значимая фигура советской социологии, – ни разу. В.Б. Ольшанский – 2 раза, а Э.В. Соколов, не менее значимый специалист в области социологии личности – ни разу! А.Г. Харчев, фактический основатель журнала «Социологические исследования», у которого уже в 1979 г. 2-м изданием вышла книга «Брак и семья в СССР», всего 3 раза и т.д. Причем, по мнению Фирсова, этот журнал носил «стыдливое (безродное?) название»! Это что, просто незнание истории российской социологии, или же её целенаправленное унижение?

Я уже не говорю о том, что упоминание работ, касавшихся критического осмысления трудов западных социологов, в книге Фирсова отсутствует вообще. А именно такое переосмысление явилось залогом развития профессиональной советской и российской социологии. Моя книга «Урбанизация и противоречия капитализма. Критика американской буржуазной социологии», над которой я работал семь лет, вышла в 1975 г. и получила шесть положительных рецензий от специалистов, которых я ранее и не знал! А ведь я был не первым и далеко не единственным участником этого направления в социологии СССР/РФ.

Есть одна этическая проблема, она называется «право на имя». Это понятие я взял у петербургских социологов – их это изобретение или же оно заимствовано у западных коллег в данном случае не важно. Важно другое: что это понятие – этически нейтральное, или же оно только с «плюсом»? Судя по книге Фирсова, оно может быть и таким, и другим, недаром он широко цитирует И.В. Сталина, Ю.А. Андропова, Л.И. Брежнева и себя тоже.

Тем не менее вопрос о том, как те или иные авторы отбирают фамилии своих персонажей, какие оценки им дают, на какое место ставят – это вопрос принципиальный и до сих пор открытый. Вот, например, в Индексе имен к книге Б. Фирсова нет упоминания имени Марью Лауристин, которая немало сделала для

развития социологии в СССР, была в годы перестройки одним из немногих социологов, ставших публичными политиками позднего СССР (её фамилия есть только в тексте). На организованные ею семинары социологов в Къярикку съезжались десятки социологов со всего СССР. Значит ли это, что Фирсов исключил её из индекса имен из-за того, что её политические взгляды теперь изменились? И вообще, эстонская школа социальной психологии, точнее – школа психологии городской среды, тогда фактически открыла этот новый горизонт социологических исследований. Но и о них – тоже ни слова. Почему же тогда Фирсов и многие другие тогда широко цитируют американских социологов безотносительно их политических взглядов и позиций в отношении СССР, в частности? Это что – просто безопаснее?

Есть и другая – методологическая проблема. Б.М. Фирсов, разворачивая картину становления советской социологии в лицах, часто пользуется терминами «видные», «значительные» и «выдающиеся». Да, одни таковыми были и остаются, других, однако, вряд ли можно аттестовать таким образом. Однако главная проблема в том, что становление советской социологии было *массовым процессом*. Настолько массовым, что И.В. Бестужев-Лада получил выговор по партийной линии, а вице-президент АН СССР, акад. А.М. Румянцев лишился своего поста.

Более того, можно сказать, что это было профессиональное движение, основу которого составляли «ядра» и «сети» межличностных связей. Только на хорошо знакомом мне «поле» городской и сельской социологии трудились *десятки* молодых и уже не очень исследователей. При этом был сделан принципиальный шаг: социология города и села перестали трактоваться в парадигме постепенного «сближения» последних и стала трактоваться в парадигме «урбанизации», о чем А.С. Ахиезер, Л.Б. Коган и я написали еще в начале 1969 г.

Это был принципиальный идеологический и методологический поворот. Поворот, подкрепленный через год шестью докладами советских ученых, представленных на VII Всемирном социологическом конгрессе в Варне. А также их активным участием в создании Исследовательского комитета по социологии городского и регионального развития МСА в 1970 г. Имя Леонида Борисовича Когана, почетного академика архитектуры по званию, но социолога урбанизации по профессии, который был автором первой статьи (в 1964 г.) по социологии города в ключевом тогда общественно-политическом журнале «Вопросы философии», в книге Фирсова не упоминается вообще. Вообще, советской социологии города и села в ней отведено всего 3 абзаца (с. 175-176). Странно, не правда ли?

Еще один принципиальный вопрос. Фирсов уделил большое внимание отношениям советской социологии как становящейся новой отрасли знания с партийно-государственным аппаратом СССР. Справедливо. Но с самого начала своего существования, даже не получив еще институционального признания, советская социология включилась в *международный процесс* развития этой науки.

Так, в 1962 г. В.С. Семенов встретился на V конгрессе МСА (в США) с П. Сорокиным. А начиная с 1966 г., советские социологи стали регулярно участвовать в международных социологических конгрессах, постепенно завоевывая статусные позиции в ее исследовательских комитетах и бюрократическом аппарате. Г.В. Осипов, Н.В. Новиков и многие другие стали активными участниками этих конгрессов. С другой стороны, в СССР приезжали десятки западных социологов (М. Кастельс, Э. Минджоне, Э. Претесей, Т. Парсонс, А. Турэн, А. Шафф, Р. Дюкло, И. Селени, Р. Пал, Э. Уайт и многие другие). Были переведены на русский многие фундаментальные труды западных социологов (Г. Беккера и А. Боскова, Т. Шибутани и др.). Советские социологи переписывались со своими зарубежными коллегами.

С конца 1950-х – середины 1960-х гг. начались международные проекты с участием советских социологов, в частности сравнительное изучение бюджетов

времени, позже – сравнительное исследование низовой общественной активности горожан и т.д. Так что ни о какой изоляции советской социологии от мирового процесса развития этой науки не было и речи.

Да, советская социология была молодой, формирующейся, с серьезными теоретическими и методологическими огрехами. Но она заявила о себе в стране и за рубежом во многом «вопреки» политическим ограничениям уже в конце 1960-х – начале 1970-х гг. Она тогда была действительно молодой по демографическому составу её создателей и носителей.

В 1998 г. вышел уже упоминавшийся коллективный труд «Социология в России». В 2015 г. вышел долгожданный биографо-библиографический словарь по отечественной социологии под редакцией Ж.Т. Тощенко. Это, несомненно, большое достижение. Есть и другие, не менее важные социологические словари, составленные например, С.А. Кравченко. Тем не менее, представляется, что советская социология *в динамике и в лицах* еще ждет своего исследователя. Впрочем, здесь я неправ.

Один наш бывший соотечественник, а ныне гражданин США, весьма преуспел в разработке этой, поистине «золотой жилы». Однако и к нему есть вопросы. Набрав его имя в поисковике, я с удивлением обнаружил, что, оказывается, советская социология «делилась» по поколениям. Очень интересная эта разбивка: 1-е поколение – это люди, родившиеся в 1933 г. и позже, 2-е поколение – в 1934 г. и позже и т.д. Не говоря уже о сомнительности такого подхода, главная проблема в другом: эволюция любой сферы знания, в том числе социологии, идет не «прыжками» из поколения в поколение, а в результате смены парадигм в данной сфере знания (см. Т. Кун).

То, что Б.М. Фирсов в своей книге назвал «ленинградской школой», никогда не выстраивалось по поколениям, как группы в детском саду. Это был сложный *эволюционный процесс* передачи некоторых общих принципов научного анализа и научной этики, процессом, шедшим «поверх» условных поколенческих размежеваний. В формировании любой научной школы всегда участвует несколько поколений, связанных между собой общими аналитическими интересами и этическими принципами, научной средой и повседневным общением. То есть это был, по существу, *сетевой процесс*.

Фирсов аттестует упомянутого выше автора биографий советских и российских социологов как «ассоциированного исследователя». Интересно бы знать, каков юридический и общественный статус такого исследователя? Он ведь не работающий по контракту зарубежный ученый и не «профессор-визитер». Это – далеко не праздный вопрос. Когда-то В.А. Ядов высказался отрицательно в отношении существования национальных социологий. Напротив, А.Г. Здравомыслов считал, что такие школы есть. Сегодня это вопрос приобрел уже глобальный и практически-политический характер.

Социологи Юга планеты (в геополитическом понимании этого термина) все более жестко выступают против теоретико-методологического империализма (или гегемонизма) её Севера. Достаточно посмотреть международные журналы «International Sociology» и «Current Sociology» за этот и прошлый годы. В общем, наше социологическое прошлое, его исторические корни сегодня приобретают особое значение. В частности, потому что еще живы реальные участники и свидетели становления советской социологии. Если мы не напишем её историю в теоретической динамике и эволюции её социальной практики сами, то её напишут за нас другие.

18.06.2015

Была ли социология в СССР? Ответ Б.З. Докторову

Г-н Докторов мгновенно отреагировал на эту мою публикацию в блоге, но, видимо, так торопился, что не ответил ни на один из поставленных там вопросов, касающихся методологии и теории написания текстов по истории социологии. Равно как и не опроверг ни одного факта, приведенного в предыдущей публикации. Г-н Докторов посвятил свой ответ напоминанию, что он тоже написал несколько работ – интервью с ведущими российскими и советскими социологами. Это факт, но не снимает ключевого вопроса: как писать историю советской социологии?

Нет сомнения, интервью с ведущими социологами России – это важный материал для познания нашей истории. Но, с моей точки зрения, это все же исходный материал, а по характеру это – публицистика. Когда я в прошлом году опубликовал свой «Экологический архив», содержащий десятки интервью, то это был именно *архив*, который другие исследователи, возможно, используют в будущем и совсем в других целях. Но и в этом, «архивном» случае я старался рассматривать биографии экологов в их жизненном контексте. У меня и в мыслях не было выдавать эти три тыс. страниц за законченное историко-социологическое исследование. Поэтому вопрос, о чем речь – о серии «социологических портретов» российских социологов, или все же об истории советской социологии? – для меня вопрос принципиальный.

Может быть, я ошибаюсь, но интервью – это инвариант метода опросов общественного мнения. Меня же в данном случае интересовал принципиальный вопрос: что мы изучаем – общественное мнение, то есть агрегированные субъективные оценки, или же социологические факты? Если уж пытаться писать историю социологии на материалах индивидуальных интервью, то лучше бы это сделать методом «устных историй» (oral histories), предложенном Паулем Томпсоном. Это метод хорош тем, что он сфокусирован не на истории отдельного человека, а на его восприятии истории своей страны, свидетелем или участником которой он был.

Не знаю, сколь подробно г-н Докторов знает историю социологии США, но вначале своей карьеры как социолога я 10 лет был американистом и достаточно хорошо осведомлен о работах Р. Парка, Ю. Барджесса и других отцов-основателей Чикагской школы городской социологии. Я уже не говорю о работах Р. Пайпса и, особенно, о работах Л. Грехэма, американского историка, специально изучавшего историю становления *советской науки в 1920–60-х гг.* Если бы читатель знал, сколь тонкие и методически важные вопросы он мне задавал по истории советской науки, когда я был у него профессором-визитером в Массачусетском технологическом институте в 1995 году. Но 25 годами раньше я получил также хороший урок от Р. Мертон и Д.С. Прайса, когда встретился с ними на заседании одного и того же исследовательского комитета на VII конгрессе Всемирной социологической ассоциации в Варне. Надеюсь, концепт «этоса ученого» Мертона г-ну Докторову хорошо известен.

Работы Бориса Андреевича Грушина, основанные на серии массовых опросов общественного мнения, это – совсем другая история. Грушин писал именно историю нашей страны, это было его сверхзадачей. К тому же, его «47 пятниц», то есть работа над методикой массовых исследований, – образец чрезвычайно серьезного отношения к поставленной исследовательской задаче.

Да, работали в СССР/России и американские обществоведы, изучавшие её историю, как, например, Дуглас Вайнер (Douglas Weiner). Но Вайнер в течение 12 лет человек буквально не вылезал из российских архивов, а также брал интервью, изучал документы экологического движения, участвовал в его съездах и конференциях и т.д. Потом он опубликовал первую свою книгу (на английском и русском), затем обсудил её здесь, еще в СССР. Потом работал еще пять лет и опубликовал вторую книгу. И

после этого еще много раз приезжал сюда и обсуждал со специалистами результаты своих работ. Как мне представляется, это – достойная модель работы иностранного ученого в России.

Предполагая, что г-н Докторов продолжит свою работу «там – здесь – там», я бы все же порекомендовал ему посмотреть работы серьезных профессионалов в области истории общественнознания, а также изучить работы российских историков науки. И, в первую очередь, 6-томник дневников В.И. Вернадского. А также его работы непосредственно по истории науки. Например, когда уходил из жизни кто-либо из его старших коллег, Вернадский не писал стереотипного «in memoriam», а обязательно делал анализ того вклада, который сделал тот или иной ученый в отечественную и мировую науку. Не знаю, насколько г-н Докторов хорошо знаком с работами французской «Школы Анналов», но томик Марка Блока «Апология истории» давно есть в русском переводе. Мой замечательный школьный учитель истории Дмитрий Николаевич Никифоров не раз говорил нам, что история – это не только история смены фараонов, царей и других выдающихся личностей.

Наконец, были и есть и российские историки науки, например, акад. Дмитрий Сергеевич Лихачев, Аарон Яковлевич Гуревич его выдающиеся работы по истории средневековой культуры и, в частности, его знаменитая книга «История историка». Есть Евгения Львовна Рудницкая, и её не менее известная монография «Лики русской интеллигенции», а также работы Натана Эйдельмана, Владимира Кантора и многих других российских историков и обществоведов. Напомню, что, как говорил один из виднейших историков социологии Юрий Николаевич Давыдов, история социологии есть, в сущности, её теория. Эти и многие другие советские и российские историки научили меня отделять собственно научные концепции создателей Чикагской школы (и других американских социологов) от их политических взглядов и личных пристрастий. Что касается моих комментариев в отношении названной ранее книги Б.М. Фирсова, то они – лишь мои критические замечания к ней, а отнюдь не переход «на личности». Б.М. Фирсова я знаю давно, и всегда относился к нему с глубоким уважением.

Я убежден, что историю своей страны, в частности, историю социологической науки, должны писать люди, *глубоко укорененные в этой среде*, исторической, научной и общественной. Эта «укорененность» исследователя отнюдь не исключает его глубокой рефлексии по поводу её провалов и достижений, её места в мировом социологическом процессе, равно как и прогнозов её динамики. Тем не менее, взгляд изнутри здесь необходим.

22.06.2015

10. О конгрессах и конференциях

Что периодическое участие в них необходимо, особенно для молодых ученых, а также для тех, кто полагает, что его исследование вносит новый вклад в науку. Но также и для тех, кто уже выработал свой творческий ресурс, но не хочет выпасть из этой престижной международной обоймы. Но, побывав на многих из них в течение полувека, полагаю, что работа за столом или в поле все же важнее, чем «мелькание» на этих престижных международных площадках. Для меня всегда более предпочтительным было участие в международных мероприятиях тематического характера, а также в международных исследовательских проектах. Ниже отмечу только моменты «входа» и «входа» на крупные международные мероприятия.

Первым было мое участие в VII всемирном конгрессе МСА в г. Варна (Болгария) в 1970 г. с докладом «Социально-информационные аспекты урбанизации», что положило начало моему постепенному вхождению в международную среду

социологов, причем не только социологов-урбанистов. Сегодня на подобные международные мероприятия я уже не езжу, поскольку со временем понял, что потраченное время и силы не окупаются. Тем более что есть возможность спокойно ознакомиться со сборниками Абстрактов, размещаемых в интернете или с коллективными монографиями, выпущенными по результатам этих международных мероприятий.

Полагаю также, что российские съезды и конференции, организуемые РОС, СоПСо и другими профессиональными организациями не менее интересны и полезны, тем более что доступ на них открыт, финансовые затраты значительно ниже, а знания иностранного языка не требуются.

Ниже читателю предлагаются несколько моих кратких резюме, написанных по результатам ежегодных конференций ИС РАН, съездов РОС, а также Форума МСА (2016 г.) и конгресса МСА (2018 г.).

Адаптация как вечная тема социологического анализа

Я очень рад, что проблема адаптации стала главной темой ежегодной конференции Института социологии РАН, которая состоялась вчера, 17 июня. Рад потому что это – вечная тема для социологического анализа. А также – для политического, конфессионального, философского и культурологического. Более того, *адаптация – насыщенная междисциплинарная проблема*. Сколько будет существовать мир, столько нужно будет её исследовать.

К тому же, сам термин адаптация имеет множество коннотаций: например, как-то приспособиться, прижиться, «спрятаться» или стать полноправным членом новой среды. Или же, напротив, адаптироваться посредством постепенного создания своего национального или конфессионального анклава. Или адаптировать новую среду к своим собственным интересам и порядкам. Наконец, что адаптация: повышает или сокращает социокультурное разнообразие, ужесточает или смягчает социальное напряжение в обществе? Кто именно и с какой целью адаптируется? Еще много лет назад Ю.А. Левада говорил, что есть три позиции в отношении города: коренного жителя, туриста и исследователя. Сегодня таких позиций (установок) гораздо больше. И еще один, не менее принципиальный вопрос, к какой именно жизни индивид стремится адаптироваться? К законной, легальной жизни или же к жизни «по понятиям»?

Постановка вопроса о формах и способах адаптации представляется мне весьма своевременной, потому что мир и мы вместе с ним меняемся на глазах. Точнее, *мир меняется быстрее*, чем мы успеваем это осознать и, тем более, приспособиться. Мы стоим на пороге биотехнологической модернизации, то есть очередной научно-технической революции, тогда как плоды революции информационной еще нами вполне не освоены. К тому же перед нами стоит еще задача частичной реиндустриализации. Периоды «кондратьевских волн», меняя свою природу, становятся все более короткими и, что значительно хуже, все менее предсказуемыми. Исламское государство Ирака и Леванта, вирусы Эбола и МЕРЦ стали глобальными проблемами буквально за год-два. И к ним нельзя «адаптироваться» – с ними надо бороться, а время на принятие решений быстро сокращается.

Вторая новация – это направленное формирование зон «управляемого хаоса», который постепенно стал не только неуправляемым, но превратился в генератор мощного радикального движения. Я говорю о том же Исламском государстве. То есть создание массы людей колеблющихся, растерянных, испуганных рассматривается его идеологами как инструмент завоевания мирового господства. Созданные западными СМИ образы «империи зла», «государств-изгоев», а также идея

«мультикультурализма», хотя и провалились, но, тем не менее, они нанесли ощутимый вред, плодя маргиналов по всему миру.

Третья новация – это новый этап глобальной борьбы за передел мира, за ресурсы планеты. Те, кто считал, что «экология» – это второсортная социологическая дисциплина, теперь поймут, что они ошибались. Уже эмпирически доказано, что если Китай, Индия и другие страны юго-восточной Азии достигнут уровня потребления энергии в США, то потока солнечной энергии просто не хватит для других стран и народов. На планете становится все меньше мест, пригодных для относительно безопасной и здоровой жизни. А если учесть «зарытые» в землю или поглощенные биосферой риски, то таких мест будет еще меньше. Так или иначе, *мы должны адаптироваться к жизни в условиях дефицита ресурсов и растущих опасностей.*

Четвертая проблема – *это рост числа потенциальных дезадаптантов.* А.В. Мозговая и Е.В. Шлыкова эмпирически подтвердили, что мы сегодня живем в обществе риска. М.Е. Позднякова указала на наркотрафик и группу наркоманов как на глобальные источники риска. Это – весьма актуальные, но далеко не единственные группы риск-адаптации. В мире и у нас быстро растет число «лузеров». В США и Европе считают, что их можно просто содержать на пособие. Но это – глубокая ошибка. Те, кто многие годы и даже поколения жил на пособие, не только теряют свой социальный капитал, но и становятся участниками радикальных движений, членами религиозных сект или – вообще «уходят в себя», де-социализируются.

Но и без «лузеров» *численность потенциальных дезадаптантов в мире растет.* Современный капитал шаг за шагом сокращает социальные гарантии для наемных работников, переводя их в категорию контрактников, временно занятых, фрилансеров и т.д. Российским социологам здесь тоже есть, о чем подумать. В частности, общественные инициативы и движения – инструмент адаптации и социализации.

Пятая – это «сетевые люди», то есть растущая группа «граждан мира», которые в принципе не адаптируются к конкретной социальной среде или лишь символически обозначают такую адаптацию. Какова их идентичность и как она соотносится с национальными моральными нормами и правилами? Какие потери несет национальное государство, когда часть его населения фактически выпадает из существующего социального порядка? Обратная сторона этой медали – это «ловцы человеческих душ», то есть сети вербовщиков, набирающих рекрутов по заказу любых частных вооруженных формирований и криминальных групп. Безработные, секты, религиозные анклавы – их потенциальная питательная среда. Поэтому я предлагаю различать адаптацию как встраивание, вживание в некоторую социальную среду и адаптацию как чисто символический процесс, как мимикрию.

Шестая – это сотни тысяч потенциальных дезадаптантов: из неблагополучных семей, детдомовцев, из числа беженцев и вынужденных переселенцев, тех же наркоманов, членов молодежных клик и банд и просто тех, кто был лишен дома, семейного тепла, всего того, что я называю первичной социально-экологической структурой. Закон «отрицательной селекции», открытый П. Сорокиным почти сто лет назад, продолжает действовать.

Седьмая проблема – это все еще существующее непонимание, что любая природная, техногенная и социальная среда есть весьма сложный социальный агент. Это – люди, организации, институты, психологическая атмосфера и сама жилая среда. Этот сложный социальный агент не только «адаптирует» мигрантов к себе, но прямо и косвенно влияет на число прибывающих, на формы и сроки их адаптации к новым условиям. Существенно, что это влияние может быть как непосредственным, так и отложенным. Или, напротив, «взрывным». Если же среда отторгает приезжих, то возникает проблема их ре-адаптации. С чем они возвращаются домой или же становятся «дикими гусями»? – вопрос открытый.

Наконец, еще одна комплексная междисциплинарная проблема – это направленная ре-адаптация (ценностная и поведенческая переориентация) как коренных жителей, так и мигрантов, с целью раскачивания, разрушения существующего социального порядка. Или их превращения в заложников, «живой товар», в потенциальных борцов с существующим в данной стране политическим режимом для его дестабилизации и разрушения. Именно для этого существуют вербовочные сети. Но и накопление в городе и обществе вполне «мирных» дезадаптантов потенциально является фактором дестабилизации существующего социального порядка.

Я сознательно не затрагиваю религиозные и ценностные аспекты адаптации, поскольку они заслуживают отдельного разговора. Скажу только, что СМИ – слишком односторонний инструмент для формирования ценностных и моральных скреп в многоконфессиональном государстве. Язык СМИ однообразен, дидактичен и не предполагает адаптации пропагандируемых ими символов к разнообразию местных социокультурных сред. Оппозиция «мы – они» имеет весьма ограниченный адаптационный потенциал. Если мы хотим ограничить влияние радикального ислама, то нужны профессионалы, которые, к тому же, могут говорить на его языке. Без сетей «проповедников» и их кропотливой ежедневной индивидуальной работы здесь не обойтись. Идентификация через прошлое необходима, но так как мир быстро меняется, столь же необходима идентификация через «будущее», то есть через идеологию развития и защиты вечных культурных ценностей.

24.06.2015

Навстречу V Всероссийскому социологическому конгрессу

Всякое собрание общественной организации, тем более, если оно проводится раз в четыре года, имеет две главные цели: подведение итогов деятельности своих подразделений за прошедший период и определение новых вызовов и, соответственно, приоритетных направлений своей деятельности. На то они и общественные организации, чтобы быстро реагировать на новые вызовы и предлагать (или, по крайней мере, обсуждать) возможные ответы на них. Тем более что в своем выступлении на Валдайском форуме президент В.В. Путин обозначил новые глобальные вызовы: нарушение ядерного паритета, продолжающееся приближение НАТО к границам РФ, «продвижение модели одностороннего доминирования» в мировую политическую практику, «угроза, что конкуренция – политическая, экономическая, военная – может стать неуправляемой», агрессивная информационная война, навешивание ярлыков. Изменилось восприятие войны как таковой, «она превратилась в зрелищную медийную картинку. Военная терминология звучит практически во всех сферах». Президент обозначил также главные риски для России: снижение темпов экономического роста, «под ударом оказалась промышленность», и «нам нужно сосредоточить внимание на поддержке особо пострадавших отраслей» (Цит. по: К. Латухина. *Валдай и мир*. Российская Газета, 23.10.2015: 1, 2).

Возможно, коллеги ответят мне: это дело политиков и экономистов. Не могу согласиться. Современный мир всегда многогранен и многообразен, а социальные проблемы суть предпосылки или следствия экономических, политических и других процессов. Если судить по публикациям в отечественных социологических журналах, то реакция отечественных социологов на эти и другие вызовы пока недостаточна. Если же обратиться к проблематике рисков и катастроф, которой я занимаюсь уже много лет, то картина будет еще более удручающая. Социологи-глобалисты у нас наперечет, а систематический и комплексный анализ глобальных рисков вообще отсутствует.

Однако суть глобализации в том и состоит, что всякая «внешняя» проблема одновременно является и «внутренней». Об этом нам не раз напоминали Лев Толстой, Федор Достоевский и Питирим Сорокин. Война или бедность где-то «там», сегодня быстро становятся российскими проблемами. Поэтому ни одна тема, которой занимаются современные социологи, не является «чисто социологической». Всегда, скрыто или явно, ими практикуется междисциплинарный подход! Так, может быть, пора его узаконить, институционализировать? Вот свежий пример: недавно прошло заседание Научного Совета по комплексным проблемам евразийской экономической интеграции, модернизации и устойчивому развитию России, где рассматривалась задача «интеграции интеллектуального потенциала евразийского пространства». Готовы ли мы к подобной постановке вопроса?

Такая интеграция является частью общей проблемы укрепления целостности нашего общества в условиях растущей нестабильности и умножения войн и конфликтов. Напомню слова П. Сорокина, о том, что четыре бедствия являются самыми разрушительными и страшными, а именно, война и революция, голод и эпидемия. Эти бедствия оказывают влияние на каждый момент нашего существования: на наши умственные способности и поведение, на нашу общественную жизнь и культурные процессы, они отбрасывают свою тень на каждую нашу мысль, на каждое действие, которое мы совершаем.

В январе этого года вышла моя книга «Причины и следствия современной войны: взгляд социолога», а за ней еще несколько статей на ту же тему. Судя по тому, что никакого резонанса они не вызвали, данная тематика находится вне поля зрения моих коллег. Поэтому рискну повторить основные выводы этой работы. Итак, какая социология нам нужна?

Во-первых, многомерная, учитывающая связь глобальных, региональных и местных трендов. Во-вторых, всеобъемлющая, комплексная интегральная. В-третьих, *активистская*, то есть изучающая всю совокупность реально действующих и «скрытых за сценой» акторов, вовлеченных в мирную или критическую ситуацию. В-четвертых, *динамическая*. И критическая ситуация, и позитивная динамика динамичны: по мере их развития одни их агенты теряют силу, уходят, другие, напротив, приходят и увеличивают свое влияние.

В-пятых, как уже отмечалось, *междисциплинарная*. Ключевой момент здесь – это умение переводить выводы других наук и практик на социологический язык. В-шестых, *диалогическая*. Несмотря на различие точек зрения противоборствующих сторон и даже конфликт между ними, стоящие за их спиной силы, эти стороны должны вести (прямой или через третью сторону) диалог. Этот пункт касается всех: политиков, ученых, профессиональных военных, лидеров вооруженных формирований, активистов из среды местного населения. И, конечно, социологов.

В-седьмых, *ресурсно-ориентированная*. Эволюция всякой современной критической ситуации зависит от объема и качества ресурсов, находящихся в распоряжении сторон и способности к их мобилизации. Причем, важнейшим ресурсом здесь является время. Особое внимание надо уделять морально-этическим ресурсам противоборствующих сторон, а также таким «не-социологическим» ресурсам, как уверенность в своей правоте и своих силах, терпению, способности к внутренней мобилизации и даже тому, что Сорокин называл «созидательным альтруизмом».

В-восьмых, нужны объединенные усилия всех гуманитарных наук с целью изучения *процессов институциональных трансформаций и форм легитимации* вновь возникающих «социальных новообразований». До сих пор социология чаще всего обращалась к уже существующим сообществам, нежели к процессам из возникновения и легитимации. В-девятых, социология должна уметь сочетать анализ проблемных ситуаций «сверху», то есть в свете общемировой динамики и/или межгосударственных

противоречий, и «снизу», то есть с точки зрения противоборствующих сторон *in situ* и страдающего мирного населения. Чтобы выполнить такую сложную задачу, необходим «консорциум» отраслевиков, междисциплинарных теоретиков и социологов-инсайдеров, способных видеть в каждом конкретном событии этой войны формы и методы сплетения глоболокальных процессов. Журналисты были и будут главными инсайдерами современных критических ситуаций.

Однако сотрудничество с журналистами не исключает непосредственного участия в подобных ситуациях профессионалов-социологов. Наконец, в-десятых, возрождение мощного движения за доверие и мир во всем мире на новой, информационной основе – не единственный, но весьма мощный инструмент превентивного воздействия на современные «партии войны» и снижения порога разрушительного противостояния и давления на психику и поведение масс, если такие войны все же случаются. Апатия, страх, фобии преодолеваются как раз *солидарными действиями*. Именно в их ходе происходит сближение устремлений и ценностных установок разных активистских групп, повышается их способность к достижению совместных целей.

Поэтому центральной темой для обсуждения на предстоящем конгрессе, как мне представляется, должна быть проблема структуры и динамики российского общества на современном критическом витке глобализации. Важнейшим вопросами для обсуждения здесь являются: гибридные войны, глобализация и международный терроризм, сохранение целостности нашего общества как социальной системы, междисциплинарное и многоцелевое регулирование социальных процессов, принципы динамики «мобилизационного общества», регулирование и самоорганизация, социальная поддержка бедным и безработным. Конечно, во всех этих вопросах развитие науки и технологий являются приоритетными и сквозными.

25.10.2015

11. Императив междисциплинарного подхода

Краткое предисловие

Уже в самом начале подборки текстов этой книги я отмечал, что мой интерес к междисциплинарным исследованиям возник как бы помимо меня. Он формировался исподволь моим семейным окружением, позже – в ходе процесса высшего образования и работы архитектором и градостроителем, в процессе перехода в сферу научных исследований и т.д. Однако долгое время этот процесс шел исподволь, без должной рефлексии. В этом смысле индивидуальная память схожа с коллективной памятью: что-то в ней накапливается, накапливается, а потом вдруг становится отдельным (и необходимым) направлением исследований.

Что-то подобное произошло и со мною. Еще в 1982 г. в своей статье «К экологическому городу: проблема интеграции знания и практики», опубликованной в «International Social Science Journal», (No 93: 469-479), я рассматривал проблемы проектирования и создания городов в междисциплинарном ключе. А позже мои коллеги и я по программе ЮНЕСКО «Человек и биосфера» постоянно возвращались к необходимости тесного взаимодействия естественных, социальных и технических наук.

Но, видимо, существующие тогда междисциплинарные барьеры уже были столь высоки, что потребовалось еще 35 лет, чтобы реальный процесс сближения социальных и естественнонаучных исследований все же начался. Наконец, изучая с начала 1980-х гг. студенческое движение охраны природы в СССР, я понял, что его устойчивость и сила заключались в его сетевой структуре, то есть в многосторонних связях как внутри движения по стране, так и во взаимодействии с учеными и университетской профессурой.

Наконец-то, свершилось!

В Осло 24 октября 2016 г. на объединенной Ассамблее Международного совета социальных наук и Международного совета естественных наук ЮНЕСКО было принято решение о слиянии (merging) этих двух международных организаций в единый Совет общественных и естественных наук. Президент Международного совета социальных наук проф. А. Мартинелли справедливо назвал этот факт историческим событием, к которому ученые шли в течение многих десятилетий и который является ответом на глобальные изменения.

Процесс слияния, по решению названной Ассамблеи, продлится до 2018 г., поскольку он повлечет за собой весьма серьезные институциональные, организационные и ресурсные изменения. Конечно, коллективы ученых в разных странах мира постоянно вели и ведут междисциплинарные исследования, однако каждый раз натываясь на существующие институциональные размежевания и бюрократические барьеры. Достаточно вспомнить множество случаев, когда готовую диссертацию с интересными выводами нигде не принимали на защиту только потому, что ее тема никак не вписывалась в существующие дисциплинарные размежевания.

Мне и моим коллегам из разных стран, проработавшим по программе ЮНЕСКО «Человек и биосфера» почти 15 лет, уже тогда было ясно, что без междисциплинарного подхода, практически ни одна проблема на планете не решается. Более 35 лет назад мы опробовали на практике такой подход и выявили проблемы, которые неизбежно возникают на этом пути. Была опробована и организационная форма такого перманентного сотрудничества, получившая название «постоянно интегрированных коллективов» (full-time integrators). Позже, уже мною самостоятельно были выявлены организационные структуры, необходимые для постепенного сближения точек зрения и взаимопонимания представителей разных наук. Но дисциплинарные размежевания и бюрократические барьеры оказались слишком высокими.

Я желаю Объединенному совету наук, чтобы процесс слияния не приобрел символический характер. Для этого на каждом его этапе рядовые ученые из всех стран мира должны принимать активное участие.

P.S. Желая узнать, о чем конкретно может идти речь, предлагаю посмотреть мою статью в журнале Социологическая наука и социальная практика, 2016, № 3.

25.10.2016

Взаимодействие социологии с естественными и техническими науками (из доклада на Ученом Совете ИС РАН 31.05.2017)

При обсуждении других вопросов я уже неоднократно обращался к этой теме. Постараюсь теперь кратко суммировать сказанное выше и обосновать актуальность такого взаимодействия сегодня. Исторически, социология – молодая наука, особенно по сравнению с естественными науками и технологическим воплощением их достижений. Социология долго боролась за право институализироваться и быть самостоятельной отраслью общественнознания. И желание других дисциплин потеснить её на этом общественном поле не снижается.

Замечу, однако, что взаимодействие социального знания с другими его отраслями существовало всегда. Достаточно вспомнить работы «исторических футурологов», таких как Т. Кампанелла, Т. Мора, Жюль Верна, «Город будущего» Э. Говарда, «зеленые города», созданные советскими урбанистами в 1930-х гг. и их современных последователей. Но были еще междисциплинарные исследования П. Сорокина, В.И. Вернадского, Д.С. Лихачева, а также книги и статьи Н.А. Толстого, Д. Гранина,

В.Г. Распутина, С.Я. Маршака, В. Ильина, Б. Жидкова и многих других советских писателей, которые одновременно были блестящими популяризаторами науки.

Почему же сегодня междисциплинарные исследования так актуальны? Первое, наша планета все быстрее превращается в сложную, высоко интегрированную социобиотехническую систему. Природа – социализирована и технически изменена, а современный человек живет, по существу, в иной среде, нежели его ближние и дальние предки. Тотальная «химизация» нашей жизни через воду, продукты питания, одежду, лекарства и т.д. есть уже состоявшийся факт.

Второе, это формирование глобального информационного пространства. Причем, оно стало не только единым, но благодаря ускорению информационных процессов, сильно сжалось и продолжает сжиматься.

Третье, гибридные формы социального действия становятся сегодня наиболее эффективными. Значит, им должны соответствовать структурно-функциональная организация общественного организма на всех его уровнях.

Четвертое, сознание человека становится объектом манипулирования социально-техническими средствами и прежде всего, масс-медиа и социальными сетями. Человек в своей повседневной жизни все более ориентируется не на научные, а на социально-сконструированные факты. Когнитивный диссонанс усиливается, что в просторечии называется спором телевизора с холодильником.

Наконец, хотя социологи и другие общественные науки стремятся сохранить свою автономию, процесс взаимодействия наук все же идет. Эти их интеграция порождается давлением самой сложной (комплексной) действительности.

Теперь несколько подробнее о вызовах глобализации. Сегодня с исторической дистанции Третья (промышленная) революция представляется серьезным прорывом вперед. Но наступающая Четвертая (информационно-коммуникационная) революция это пока скорее угроза человечеству. Она несет массовую безработицу, обесценение прошлого знания и практического опыта, уже создала «разрыв старшего и младшего поколений». Что принесет человеку всеобщая роботизация его жизни вообще непонятно. Сегодня внедрение в жизнь общества информационно-коммуникационных технологий, индивидуальное и коллективное хакерство, множества искусственных языков (digital languages) ведет к разрушению семьи и соседства как первичных ячеек общества.

Что, на мой взгляд, побуждает социологию и, в особенности, социологию, занимающуюся проблемой индивидуальности, к междисциплинарному взаимодействию? Это, прежде всего, существование человека в двух мирах, материальном и виртуальном. Гибридный характер современных процессов и угроз, когда риск максимален, а времени на его предотвращение критически не хватает. Далее, это обратное воздействие среды обитания на поведение человека, когда эта среда трансформируется из структуры, поддерживающей человеческую деятельность, в еще одного социального агента, угрожающего жизни и здоровью множества людей.

Эта опасность проявилась уже сегодня, когда погода (пока еще, к счастью не климат в целом!) становится все более непредсказуемой и чреватой наводнениями и пожарами. А люди, за много веков их существования привыкли к тому, что окружающая их природная среда к ним нейтральна.

Затем, борьба за дефицитные ресурсы и геополитическое превосходство все чаще приводит к конфликтам и войнам, человеческие общности и среда их обитания разрушаются с выделением энергии их распада (вынужденные мигранты, опустынивание и т.д.).

Потом, это пока еще малоизученные метаболические процессы, порождаемые упомянутым выше «химизмом» нашей жизни. Как правило, эти процессы невидимы невооруженным глазом, то есть они являются *отложенным риском* для здоровья и

безопасности человека. А существующие социальные институты не успевают за подобными трансформациями. Наконец, такие современные методы анализа как Big Data невозможны, если исследователь не знает, что является источником позитивных или негативных социальных изменений, к примеру, улучшение качества среды обитания или же рост материальной обеспеченности?

Да, трудности междисциплинарного взаимодействия пока сохраняются. Это, прежде всего, приоритет естественных и точных наук над общественными науками в общественном сознании. Социология пока не вошла в «клуб» Большой Науки. Естественнаучное знание строже, легче формулируется и потому более доступно для усвоения индивидуальным сознанием. Так или иначе, естественнаучное знание, основанное на «элементном принципе», легче усваивается сознанием ребенка и подростка. Поэтому если социологи видят мир все более сложным и саморегулируемым, то технократы – все более упрощенным и управляемым «умными машинами».

Конечно, история и особенно археология являются комплексными дисциплинами, там без этого просто нельзя. В архитектуре и урбанистике тоже нужны специалисты, владеющие азами многих дисциплин. Но, к сожалению, *общая организация процессов школьного и вузовского образования остается классно-урочной*. К тому же, институциональные барьеры между отдельными дисциплинами даже внутри социологического цеха все более ужесточаются, поэтому разрыв между «дисциплинарно-ориентированным» молодым специалистом и требованиями к нему современных многомерных производственных процессов все время нарастает. Это тем более удивительно, что на уровне такой международной организации как ЮНЕСКО уже произошло слияние ее общественных советов по естественным и социальным наукам. В своей повседневной исследовательской работе я все время стараюсь изучать такие «случаи», когда без этого просто невозможно обойтись. Например, при изучении критических ситуаций: аварий, катастроф или военных конфликтов.

В заключение назову несколько «окон возможностей», где междисциплинарное сотрудничество уже реализуется. Это – социологическая и экологическая экспертиза глобальных и национальных проектов типа «Нового Шелкового Пути», где без взаимопонимания специалистов разных наук просто не обойтись. Это также участие в общественных слушаниях по подобным проектам. Сегодня делаются попытки переориентировать некоторые обучающие программы на взаимодействие разных дисциплин и т.д. Но наиболее действенным средством практической реализации междисциплинарного подхода является инициирование и разработка таких многосторонних проектов и программ.

31.05.2017

К проблеме теории социально-политических сетей (тезисы к семинару в Отделе политико-социологических исследований Института социологии ФНИСЦ РАН)

Как я уже писал, интерес к взаимодействию наук и практик был у меня с самого детства: дед был военным врачом, участником трех войн, отец – географом, читал лекции «У карты мира», так тогда называлась геополитика, мать – врач, дядя – полярный исследователь. А моя первая специальность по диплому – архитектор, что требовало знания азов многих дисциплин. Ну а темой моей кандидатской диссертации были сети торгово-бытового обслуживания жилого района города.

Сам термин геополитика как теория и практика был предложен англичанином одним из основателей науки геополитики Х.Д. Макиндером в 1914 г.

Исходные позиции сетевого анализа следующие:

- всеобщая связь происходящего на земле и её окружении (Конфуций, Б. Коммонер и др.);
- но не просто связь, а взаимодействие с самыми разными результатами;
- всякой общественный организм может существовать только в колебательном режиме;
- любая устойчивость такого организма достигается только через постоянные изменения;
- организм и среда взаимосвязаны. Если предел «несущей способности» последней превышен, то она превращается в агента;
- историческая динамика социальных организмов имеет пространственные параметры: слияние, интеграция, расширение, снова распад и т.д.;

Всякий колебательный процесс подобного развития имеет качественные и временные пределы. Если преобразования радикальны и быстро следуют одно за другим, то периоды обретения устойчивости слишком коротки, и она снижается;

В течение XX века Россия / СССР / РФ прошла следующие критически важные трансформации:

- Первая мировая война
- Революция и гражданская война
- Коллективизация и индустриализация
- Великая отечественная война 1941–1945 гг.
- Хрущевские реформы (создание совнархозов и т.д.)
- Распад СССР и перестройка
- Введение рыночных отношений

Далее, каждый сетевой агент или процесс имеет свой специфический ритм функционирования и динамики, точнее, их темпо-ритмы. Но эти процессы не сводятся к схеме «товар-деньги-товар». Происходит множество других трансформаций: взаимная поддержка, подавление, ускорение—замедление и даже взаимное уничтожение (аннигиляция). То есть имеют место *метаболические процессы*.

Что изменила информационно-коммуникационная революция?

- Процесс глобализации усилился во времени и пространстве
- Произошла «инверсия пространства», его уничтожение посредством времени
- Человек, его знания и умения заменяются «умными машинами»
- Благодаря IT-технологиям, риски стали всепроникающими и всеохватывающими
- Итог: на планете нет больше безопасных мест — есть только более или менее безопасные места
- Феномен «силы слабости»: один человек может уничтожить весь мир
- Гибридные войны стали постоянными, это война за ресурсы и геополитическое доминирование

Пример: «Новый Шелковый Путь»

Итог: ускорение сетевых процессов ведет к меньшей устойчивости геополитических систем (см. книгу J. Urry. *Mobilities*. 2008)

Фактически, произошел отказ от системы международных институтов (общих правил игры) в пользу непрерывных переговоров, временных соглашений, дорожных карт и т.п.

Основные выводы:

Мир и все мы находимся в «промежуточном состоянии», т.е. в состоянии «между» (А. Грамши, З. Бауман), так как одни геополитические системы развиваются, другие стагнируют, а третьи распадаются и исчезают совсем;

Сегодня нет единого вектора глобальной динамики, и это дополнительный фактор глобального риска;

Иными словами, глобальная геополитическая система находится в точке наименьшей устойчивости;

Естественные науки снова резко уходят вперед, давая в руки глобальным и региональным стейкхолдерам все новые и новые средства геополитического давления;

То есть, глобальная гибридная война не только усиливается, но и обретает новые формы (биохимическая, геологическая, климатическая и т.д.);

А общественные науки топчутся на месте, продолжая строить разные типологии. Сегодня на вооружение ими взята концепция Антропоцена, заимствованная из естественной истории. А необходимо создавать модели глобальной геополитической динамики;

И мы со своими опросами все больше отстаем от темпов глобальной геополитической динамики. Для преодоления этого разрыва необходим непрерывный мониторинг всего комплекса глобальных трансформаций;

В свою очередь, для этого нужны методы междисциплинарного анализа на основе комплексного непрерывного наблюдения; То есть *нам нужно динамичное знание о геополитических процессах*;

Но это не так-то просто, потому что геополитику делают не ученые, а сами политики и политтехнологи;

Политическая наука, оперирующая научными фактами, не может конкурировать с социально-сконструированными фактами, брошенными в общественную жизнь.

08.10.2018

12. Еще раз о конгрессах и съездах

Будущее мира: надо ли нам думать о нем сейчас?

Опубликованы абстракты докладов на Форуме Международной социологической ассоциации по проблеме «The Futures We Want. Global Sociology and the Struggle for Better World». Судя по замыслу организаторов Форума, предлагалась дискуссия по трем направлениям: (1) Какое именно будущее мы хотим? (2) Что такое глобальная социология? и (3) Какими способами надо бороться за этот «лучший мир»? А недавно вышла в свет коллективная монография по его итогам с амбициозным названием «Передовые рубежи глобальной социологии». Но сначала – о самой постановке вопроса?

В действительности, в теме будущего Форума спрятано множество других, не менее важных вопросов, например: Кто именно эти самые «МЫ?». Если речь идёт о социологах, то существует ли единство глобального социологического сообщества вообще? Или же это, как предполагают некоторые социологи из развивающихся стран, речь идет об очередной попытке навязать всему глобальному научному сообществу эпистемологию социологии Англо-Саксонского мира?

А может быть «МЫ» – это, прежде всего, желаемое будущее с точки зрения Большого Бизнеса или же международной финансовой олигархии, действующей под маркой Всемирного банка или Международного валютного фонда? Или же «МЫ», это – радикальные силы Ближнего Востока, начисто отрицающие сегодня любые версии «западного модерна»? Существуют ли вообще в мировой социологии альтернативные модели «желаемого мироустройства», и если – да, то какие именно?

В советское время социальная футурология существовала и развивалась. Не время сейчас обсуждать её достижения и потери – важнее другое: она исчезла «как класс», как только началась перестройка, и к нам пришёл капитализм. Точнее, его нам

принесли молодые решительные люди (Е. Гайдар, И. Чубайс и др.) «на блюдечке с голубой каемочкой» и сказали: вот вам новая жизнь, и всё будет хорошо! Но, как это случилось и прежде, если вам новую жизнь даруют «сверху», то «снизу» получается что-то другое. Я совсем не сторонник идей и политики В.И. Ленина, но мечтать всё же необходимо, иначе, зачем нам социологическое воображение, о котором сегодня всё чаще вспоминают мои российские и зарубежные коллеги.

Что же было потом? Развивалось прогнозно-проектное мышление, заимствованное у второсортных планировщиков городов, и снова никакой идеологии и никаких прогнозов о будущем страны. А, как выясняется, без идеологии социальное прогнозирование невозможно! Точнее, идеология была: всё можно спроектировать, то есть спланировать. Такой вот Госплан СССР, только в масштабе нашей дисциплины. Затем последовали «бизнес-планы», всё шире применяющиеся в прикладной социологии. Но, если отбросить всю заимствованную на Западе бизнес-терминологию, то в сухом остатке будет голый практицизм: как извлечь максимум прибыли при минимуме затрат. О возможных потерях такого «прогнозирования» для людей и природы – ни слова. А ведь они хорошо известны по нашему опыту и практике развивающихся стран.

Сегодня существует множество маленьких институтов, которые заняты разработкой сценариев развития нашей страны (прежде всего, её экономики) в относительно короткой перспективе: 5, 7 максимум 10 лет. Более того, эти исследовательские коллективы, так или иначе «завязаны» на структуры федеральной власти. Я сам сторонник сценарного подхода, но сейчас меня беспокоит другое: практически полное отсутствие в отечественном общественном знании разработок, касающихся прогнозов динамики мироустройства в целом. Я осознаю, сколь сложна эта задача, но, как представляется, даже в условиях нынешнего кризиса нельзя не думать о социальной динамике глобального масштаба и месте российского общества в ней. И какая идеология будет лежать в основе такой «футурологии»? Иначе мы останемся привязанными лишь к одной «футурологической» переменной: цене на нефть, которая, как показали события последнего года, величина тоже величина сугубо вероятностная, неопределенная.

Но всё-таки, над чем мы, социологи, должны думать в первую очередь: какой может быть в обозримой перспективе эта социодинамика, или же о том, что такое «глобальная социология»? Или – о том и другом вместе? Если посмотреть англоязычную социологическую литературу, то пока социологические силы мира разделились примерно поровну между этими двумя задачами. Но, может быть, в глобальном, тесно взаимосвязанном социуме уже не может быть социологии как «отдельно стоящей» отрасли знания, так как сегодня верх берёт комплексный междисциплинарный подход?

Как мы, российские социологи, должны, например, вести анализ такого нового многофакторного и многоцелевого феномена, как «гибридная война», о которой речь шла выше? Но ведь, если присмотреться, как следует, то и «мир» (мирная жизнь) феномен не менее «гибридный», сложный и далеко не всегда предсказуемый.

Странно, но иные наши социологи, стремясь оградить себя от «вредных» влияний сторонних дисциплин и процессов, как-то забывают о том, откуда вышла социология вообще. А как же тогда великий Т. Гоббс (1588–1679 гг.), полагавший что «война всех против всех» есть естественное состояние рода человеческого? А Г. Спенсер, с его «органицизмом»? А Р. Парк и Ю. Барждесс, основатели Чикагской школы человеческой экологии, да и во многом всей американской социологии вообще? Как тогда быть с таким признанным «отцом-основателем» социологии, как Э. Дюркгейм и его разделением труда? Или с М. Вебером, полагавшим, что капитализм вырос из протестантской этики? И уже совсем непонятно, как тогда быть с прирожденными

клиницистами Т. Парсонсом и И. Гоффманом? Все они сначала где-то что-то заимствовали, но затем критически осмысливали и социологически интерпретировали, чем и прославились.

Если у российских социологов был бы солидный задел в области глобального социального прогнозирования, я бы так не беспокоился: что-нибудь напишем и выступим достойно на будущем Форуме. Но такого задела, к сожалению, нет. А год – очень маленький срок, чтобы создать фундамент (пока неизвестно чего). Вопросов больше, чем ответов. Тем более что в нынешней непростой политической ситуации к нам будут очень внимательно прислушиваться все: и сторонники «западной» социологической школы, и её современные критики из Индии, ЮАР, Бразилии, Китая и многих других развивающихся стран.

Недавно вышла коллективная монография по результатам Форума МСА 2016 г. под достаточно амбициозным названием: «Frontiers of Global Sociology. Research Perspectives for the 21st Century». Термин *frontiers* имеет несколько значений. Это может быть «границы», но также и «пределы познания». К сожалению (за редким исключением), ни того, ни другого в этой коллекции хорошо отредактированных докладов нет. И что самое главное – нет той самой перспективы или границы, которая обозначается термином *frontiers*.

Детальный анализ этой работы требует самостоятельного исследования, поэтому здесь ограничусь только несколькими, на мой взгляд, принципиальными положениями. Первый вопрос, может ли быть много «будущих» в современном тесно интегрированном и противоречивом мире? Может быть, сначала надо понять, о каком глобальном объекте идет речь? Судя по структуре этой книги, этот «единый» объект разделяется уже существующими дисциплинарными барьерами. То есть нечто «глобальное» состоит из множества мало связанных между собой структур и процессов, которые затем, изучаются уже существующими дисциплинами: климат, среда обитания, культура, спорт, СМИ и т.д.

Второй вопрос, точнее, тезис: термин *антропоцен*, это геохронологический термин, введенный геоморфологами, к социологии никакого отношения не имеет. Здесь, как минимум, нужна некоторая междисциплинарная концепция, связывающая естественные и общественные науки. Темпы-ритмы геологических и социальных процессов разнятся в тысячи, если не в сотни тысяч раз! Некоторые палеонтологи склонны отождествлять начало антропоцена с неолитической революцией, начавшейся более 8 тыс. лет назад.

Третий вопрос, можно ли говорить о перспективах развития науки на весь XXI век, когда глобальная геополитическая ситуация меняется буквально каждый день? Не слишком ли это амбициозно, потому что в этой работе я не нашел никаких идей относительно методов столь долгосрочного прогнозирования.

Четвертый вопрос, если будущее будет *nonhuman or trans-human*, каков будет объект и предмет социологии? Если не-человеческий, тогда это не предмет не только социологии, но и никаких других общественных наук. Транс-гуманитарный – этот термин мне вообще непонятен.

Наконец, пятый, но далеко не последний, вопрос, как можно отделять вопросы изучения мобилизационных состояний и их агентов (социальных движений) от тех процессов, которые уже происходят или будут происходить в антропосфере или биосфере? Ведь любые формы мобилизации гражданского общества или профессионального сообщества есть функция изменения их среде обитания?

04.10.2018

XIX Всемирный Конгресс МСА: заметки стороннего наблюдателя

Начиная с 1970 г., я много раз принимал участие в конгрессах МСА и ЕСА и других международных мероприятиях. В Торонто я не собирался, тем более – это не моя тематика, поэтому ограничусь сегодня некоторыми общими впечатлениями об этом и ему подобных международных мероприятиях.

Они всегда суть политическое действие. С одной стороны, в тематике международного мероприятия всегда должна быть новизна и актуальность, с другой – необходимо предложить такую тему, чтобы она была интересна всем, с третьей – правильно сориентироваться в международной обстановке и т.д. Что отчетливо видно по позорному, с моей личной точки зрения, отказу в канадских визах незамужним женщинам из РФ, хотя темы их докладов были приняты оргкомитетом МСА. И это решение МИДа страны, выступающей за женскую эмансипацию и гендерное равенство!

Однако изданные заранее и размещенные в Интернете абстракты участников Конгресса, дают хорошую возможность получить общее представление о характере и трендах движения мировой социологии как социальном институте, точнее, как социальном институте глобального гражданского общества. Это была нелегкая работа: предстояло прочесть и осмыслить более 1130 стр. мелким шрифтом, общим объемом 12,5 МБ информации. А если учесть, что все время приходилось сопоставлять тематику и содержание абстрактов с публикациями, этих и других авторов, в других изданиях, то общий объем обработанного текстового материала составлял более 2–2,5 тыс. стр.

Скажу сразу *эффект личного присутствия на таком Конгрессе чрезвычайно важен*, особенно для молодых исследователей. Он повышает самооценку участника, дает возможность уловить что-то новое для себя лично, сравнить свой доклад и личные достижения с общим ходом развития социологии и т.д. Однако для систематической исследовательской работы, для развития науки он недостаточен. В этом «плавильном котле» людей, языков и культур чрезвычайно трудно правильно сориентироваться. Например, если какая-то тема Конгресса часто повторяется в докладах и выступлениях, это еще не значит, что она является наиболее актуальной. Так, проблема бедности была и остается одной из наиболее актуальных глобальных проблем, но чтобы стать участником подобного международного мероприятия эту проблему надо связать с его заранее обозначенной официальной тематикой. Попробую обозначить наиболее характерные черты материалов данного Конгресса.

Первое, общий тренд мировой социологии остается пока неизменным: богатый Север продолжает «вести за собой» бедный Юг, хотя теперь это делается в «демократической» форме коллективных докладов. Тренд господства западной социологии в мировом социальном пространстве отражен в подробном обзоре социологических журналов, подготовленным предшествующим президентом МСА М. Буравым [Burawoy, 2015]. Много лет участвуя в группах и коллективах, работавших над национальными и международными исследовательскими проектами, я убедился, что *это – ложный коллективизм*. В конечном счете, все равно лидер проекта садится и выстраивает поданные ему материалы в некоторую теоретически и логически единую схему. Писать «всем колхозом» нельзя, иначе эклектика неизбежна.

Второе, удивительно, что абстракты к данному Конгрессу сильно разнятся по размеру и качеству. Создается отчетливое впечатление, что какие-то его будущие участники заранее знают, что их заявка будет принята. И – наоборот, мой многолетний опыт показывает, что руководители Исследовательских комитетов и тематических групп обладают личным правом принимать или отвергать заявку на участие, независимо от её качества. Такие волевые решения обычно прикрываются

«коллективным мнением» бюро данного подразделения по принципу «мы так решили», что мне очень напоминает советские времена: «мы тут посоветовались и решили...».

Третье, этот «коллективизм» отражает две взаимосвязанные тенденции. С одной стороны, *междисциплинарный подход медленно, трудно, но постепенно все же пробивает себе дорогу*. Сегодня, как полагал Э. Дюркгейм, выводить социологические факты только из социологических фактов уже невозможно! Волей-неволей приходится учитывать влияние природных, техногенных и других факторов. С другой стороны, сегодня этот «коллективизм» есть форма работы по схеме «патрон—ученик», когда теория и методика некоторого социологического исследования разрабатывается западными учеными, а сами исследования проводятся местными силами, но опять же под контролем всесильного Запада. Не забудем, что средства на междисциплинарные исследования тоже чаще всего дают западные фонды.

Четвертое, отсутствие в программе Конгресса докладов лидеров мировой социологии (во всяком случае, они не были официально обозначены) говорит о двух вещах. Эти лидеры или уже ушли в мир иной (З. Бауман, У. Бек), или сильно постарели и предпочитают высказывать свою точку зрения отдельно, как это делал, например, Э. Гидденс на интернет-форуме «Global Dialogue». Возможно также, что они экономят свои силы для подведения итогов своих исследований. Так или иначе, я не нашел в абстрактах к Конгрессу каких-то *headliners*.

Пятое, возможно, что мировая социология уже вступила в период смены поколений. Что новые фигуры появятся – это для меня очевидно, «свято место пусто не бывает». Проблема заключается в другом: откуда (географически) они придут и с каким научным багажом? Будут ли они продолжать линию своих предшественников по изучению постмодернизма? Или же предложат свою «повестку дня»? И какой именно будет эта повестка: глобальной или региональной?

Шестое, не менее острой является проблема быстрого вытеснения социологического знания социально-сконструированным. *Социология со своим опросами общественного мнения просто не успевает за скоростью происходящих в мире перемен*. В публичном пространстве безраздельно властвуют масс-медиа. Вообще, проблема времени как важная категория как-то выпала из сферы интересов современных социологов. Пока социология не восстановит способность «успевать» за ускоряющимися изменениями, она будет плестись в хвосте социальной и иной политики.

Седьмое, полагаю, что идущий сегодня передел мира и сфер геополитического влияния, несомненно, окажет влияние на позиции нового лидера или группы лидеров. Могу высказать лишь свое предположение: новый лидер, скорее всего, придет с Востока, и предполагаемая повестка дня будет сочетать моменты глобализма и национальной специфики, как, например, «капитализм с китайской или иной спецификой».

Восьмое, по моему мнению, так или иначе, социологии как обособленной отрасли гуманитарного знания, как её видели отцы-основатели, уже не будет. Геополитика, с одной стороны, и усиливающиеся междисциплинарные связи, с другой стороны, усиливающийся дефицит ресурсов и непредсказуемые изменения политической и климатической ситуации, с третьей стороны, заставят социологов мыслить и действовать комплексно. Придется научиться переводить данные естественных и технических наук на язык социологии и политики.

Девятое, в опубликованных к Конгрессу абстрактах такие глобальные проблемы, как рост глобальных рисков, вытеснение человеческого труда «умными машинами», растущий дефицит питьевой воды и других ресурсов жизнеобеспечения, если и упоминаются, то лишь вскользь, в связи с тематикой Конгресса. Нет и внимания к весьма актуальной проблеме разрушения международных социальных институтов и

замене их на бесконечную цепь переговоров, временных соглашений, «дорожных карт» и т.д.

Десятое, современные методы исследований – тема отдельного разговора. Но и здесь видно, что использовать такие современные методы сбора информации как Big Data (причем нужна постоянно обновляющаяся информация в режиме непрерывного мониторинга) по карману лишь крупным международным организациям или военным располагающим специальными ресурсами. Поэтому, судя по абстрактам, пока серьезных перемен здесь не видно.

В заключение рекомендую всем тем, кто по каким-то причинам не смог поехать на Конгресс, посмотреть этот сборник абстрактов. Если найдете что-то для себя интересное, всегда можно получить и-мейл интересующего вас автора через секретариат МСА.

14.09.2018

13. От исследования – к публикации Организованный беспорядок?

Уже 50 лет я публикую статьи в отечественных журналах и более 40 лет – в зарубежных журналах, как международных, так и национальных. Делаю я это по разным причинам. Стараюсь понять, какая реакция будет на мои публикации, и будет ли она вообще? Критика со стороны всегда полезна, даже если мой оппонент придерживается иной точки зрения. Мне также интересно, в каких странах и на каком языке меня читают? Считаю своим долгом популяризировать и продвигать в общую социологическую «копилку» то, что мне удалось сделать. Именно так поступали мои учителя здесь и за рубежом – учиться никогда не стыдно, даже если тебе за восемьдесят.

Наконец, зарубежные анонимные рецензенты четко следуют установленной процедуре оценки поступающих к ним статей, причем *они оценивают каждый раздел поступившей на рецензию статьи* (дается её балльная оценка плюс рекомендации, как для автора, так и для редактора). И вся эта процедура – в четко установленные сроки. Были случаи, когда редакция без всякого рецензирования мне сообщала, что это – не их тематика, но сообщала сразу же, без всякой проволочки.

У нас пока все по-другому. Регламента редакционного процесса, от поступления статьи в редакцию и до её выхода в свет (или отказа от публикации) по-прежнему нет. Указания по форматированию есть (кегель, поля справа и слева и т.д.), а регламента нет. Неоднократно бывали случаи, когда статья просто исчезала в недрах редакции. Звоню главному и прошу: ну, хоть рецензии покажите, чтобы я знал свои ошибки. Ответ более чем странный: мы лично к Вам претензий не имеем, но рецензии такие ужасные, что показать их вам просто не можем (???). Как это понимать? Вроде лексика статьи была вполне цензурная и никого я лично в ней не обличал...

Эту, подчеркиваю, сугубо аналитическую статью (а их было всего три) я доработал по собственному разумению и отослал в один из восточных академических журналов. И все они с небольшой правкой были опубликованы.

В другом случае статья в престижном российском журнале была принята, но редактор, который её вел, сделал на первой же её странице приписку, придававшую статье политический характер, чего в ней не было (копию этой «редактуры» у меня хранится), и вообще я – научный работник, а не политик или пропагандист.

Наконец, почему бы не перенять у наших западных коллег систему оценок присланных статей, сочетающую количественные (баллы) и качественные, то есть содержательные, оценки, о чем я говорил выше?

21.09.2017

Из инструкции по научному работнику: пли!

Только что закончил вычитку верстки моей с коллегой статьи для «Социологического журнала». С точки зрения профессионализма его редактора – ни малейших замечаний! Все четко, грамотно, хороший литературный язык и т.д. Но вот сноски в тексте и в конце статьи – опять «палочная система», то есть [1]; [2]; [3] и т.д.! Доколе это издевательство над наукой и здравым смыслом будет продолжаться?

Во-первых, *все наши журналы* и, тем более – иностранные, уже давно перешли на мировой стандарт [Иванов, Петров, Сидоров, 2016]. Во-вторых, чтобы вычитать зашифрованную абракадабру сносок, научному работнику нужен не день или два, а, как минимум, неделя! В-третьих, а вдруг какая-то сноска пропущена, значит, надо менять всю нумерацию? Опять – потерянное впустую время!

В-четвертых, и это самое главное, потенциальный читатель, он, ведь, тоже – научный работник. Если фамилии авторов, на которых ссылается автор, названы, то читатель не только резко экономит время, но сразу может определить кругозор и теоретические предпочтения автора. А это – чрезвычайно важно для налаживания научной коммуникации.

В-пятых, поскольку рядом с фамилией цитируемого в статье автора стоит еще и год публикации, читатель видит временную глубину цитирования и опять же может оценить, стоит ли с таким автором иметь дело.

В-шестых, заинтересованный читатель всегда зорко следит за характером цитирования. Одно дело, когда «для галочки», и совсем другое, когда «по сути анализируемой проблемы». Если в тексте упоминается фамилия конкретного автора, тогда легче понять, «в теме» ли автор данной статьи, или же он набрал сносок по чужим статьям и книгам.

Я убежден, что цифровая система сносок, то есть [1], [2], [3] и т.д., разрушает научную коммуникацию, потому что приходится все время листать страницы и искать, на какой именно источник ссылается автор. А ведь при окончательной вычитке или уже в верстке какая-то цифра выпадет, и что тогда?

P.S. Для сведения редакторов: составлением и редактурой ГОСТов я занимаюсь более 60 лет. И никогда научный Институт, где я тогда работал, не выпускал ни одного пункта ГОСТа без предварительного его обсуждения со специалистами! А потом, публикуясь в журнале «Мировая экономика и международные отношения», я еще прошел там жесткую школу проверки всех моих сносок и цитат, где от меня часто требовали принести оригинал цитируемого текста. Так что тогда изображать свою «научность» было весьма трудно.

И мне непонятно, почему созданием кодов и форм для научных публикаций занимаются не сами ученые, а далекие от науки люди?

14.12.2016

Ох, уж этот редакционный процесс...!

Статья в научном журнале является главным связующим элементом между ученым, научным сообществом и обществом в целом. Однако, в очередной раз, скопировав недостатки западной практики, мы оказались под давлением бюрократической надстройки над институтом науки.

В чем действительный смысл внутренних редакционных рецензий? В том, чтобы оценить достоинства и недостатки поступившей в редакцию статьи и, тем самым, способствовать движению научной мысли. Но для этого «анонимный рецензент» (blind reviewer) должен, как минимум, знать состояние научной мысли в той области, в которой работает автор рукописи, направленной в редакцию.

А что происходит на самом деле? Редактор того или иного журнала, отечественного или зарубежного, *сразу* (!) переправляет поступившую статью рецензентам, причем в некоторых редакциях их выбор осуществляется «случайным образом», то есть тоже анонимно из некоторого заранее заготовленного списка. Однако где же тогда «редакционная политика»? Ведь в любом научном институте и обществе в целом всегда есть некоторый перечень приоритетных тем и научных направлений. Есть такой список и в нашем институте, и в других. Но вот уже много лет, публикуясь в отечественных и зарубежных журналах, я собственно редакционной политики не вижу. Да, рубрики есть, а политики с целью постановки приоритетных тем недостаточно.

Еще хуже, если автор предлагает какой-то новый подход, концепцию, парадигматику. Ранее во многих научных журналах была рубрика «дискуссии», теперь её нет. Число публикаций растет, а количество рецензий на них сокращается. А ведь такой разбор работ коллег есть важнейший инструмент научного исследования. Год назад я предложил одному из наших ведущих обществоведческих журналов апробированную на только что прошедшей международной конференции статью. И что же? После длительных редакционных поправок и переговоров, которые заняли почти год, мне было сказано, что моя статья может быть опубликована только в разделе «публицистика» и то только в следующем году. Разве научный доклад, сделанный на международной научной конференции, есть публицистика???

Большинство научных журналов перешло на 5-балльную систему оценки поступившей рукописи, причем анонимному рецензенту, как правило, сразу предлагается заготовка позиций, по которым он должен оценить рукопись. Даже в средней школе и, тем более, на серьезных конкурсах используется 100-балльная система оценок. А нас, как первоклашек, спущенная откуда-то сверху эта система оценки загоняет в 5-балльную!

Кроме того, в этом бюрократическом шаблоне оценки рукописи обычно существуют еще две маленькие графы: замечания для редактора и для автора. Для меня как автора *последняя графа самая важная, самая ценная*, потому что в ней рецензент может мне подсказать, куда двигаться дальше или, напротив, поставить под сомнение избранный мной теоретико-методологический аппарат или методику сбора эмпирических данных. К сожалению, эта графа, как правило, остается незаполненной. Что имел в виду анонимный рецензент, выставив мне ряд оценок типа 2, 3, 3, 4, 2, и после этого рекомендовал статью к публикации без замечаний – этот ребус так и остался для меня загадкой.

Еще один больной вопрос: о сроках рассмотрения и последующего движения рукописи. В советское время и сроки продвижения рукописи в редакции были регламентированы. Вот случай, который я наблюдал лично. Когда в 1963 г. я публиковал свою первую книгу, в редакцию вошел другой автор, поговорил с редактором и потом ушел. А, потом, как оказалось, он оставил рукопись своей книги на шкафу, и она там пролежала более двух месяцев. А это означало, что *рукопись является принятой*, и издательство было вынуждено выплатить автору 40% гонорара, хотя его книга так и не была опубликована!

Если вернуться к редакционной политике журналов, то там никаких сроков нет. Может быть, внутренние рецензии придут через месяц-два, а может быть, и более. Ну, хорошо, я старый человек, но у меня ведь тоже есть сроки. А как быть аспиранту или докторанту, которому вот-вот нужно защищаться? Еще хуже, когда я получаю анонимный ответ: «по мнению...» и т.д. Есть и другая формула: «Ваша статья переносится в портфель следующего года». Что это означает: или она уже принята, но будет опубликована в следующем году, или же – редакция только вернется к её рассмотрению, рецензированию и т.д., неизвестно. Когда я публикуюсь в интернет-журналах, там рецензия приходит буквально в считанные дни. Смысл этого абзаца

прост: если у научного работника есть поквартальный или годовой план, то и сроки рассмотрения его рукописи должны быть синхронизированы с этими планами.

И здесь я вынужден обратиться к более широкой проблеме функционирования института науки. Несколько самых больших университетов (не академических институтов, а именно университетов) буквально высосали из нашей обширной страны лучшие научные кадры, причем преимущественно самые молодые кадры. Поэтому разрыв между «столичной» и «провинциальной» наукой продолжает расти. А от редакторов требуют, чтобы в журнале были публикации не-столичных авторов. Как быть редакторам в этом случае?

Могу только сказать, что в советские времена редакция и его члены – это был целый институт, в ряде вузов были специальные факультеты, готовившие редакторский корпус и т.д. В общем, редактор – это была абсолютно необходимая в науке и весьма уважаемая профессия. Основной задачей редактора (если рукопись в целом принята) было максимальное прояснение и четкое изложение мыслей автора, его выводов и предложений.

Раньше в редакциях была четкая иерархия: главный редактор, старший редактор, редактор, младший редактор, а также вычитчики, корректоры и другие необходимые члены редакционного процесса. Но чтобы редактор, который редактировал мою статью, вписывал в мой текст какие-то *свои мысли*, как это некоторое время назад случилось со мной, – такого не было никогда.

Этически и юридически и автор, и рецензент должны быть, как минимум, равноправными участниками исследовательского процесса. На деле же часто происходит совершенно другое: именно редакция или редколлегия журнала или сборника определяют содержание и сроки исследовательского процесса. Я не знаю случаев, когда автор опротестовал бы результаты экспертизы, что опять же не соответствует базовым нормам любого соревновательного процесса. Это особенно опасно, когда речь идет об инновациях, а в нашем деле они нужны не менее чем в естественных и технических науках.

Последнее. Хорошо зная круг людей, которые периодически выступают в роли анонимных рецензентов, могу предположить, что их отрицательные или кисло-сладкие рецензии порождены подчас обычной человеческой завистью, которой не чужда ни одна наука. Или просто малой осведомленностью в данной области социологического знания. Такие «разногласия» всегда будут, рецензенты тоже научные работники, но вкусовщине – не место в редакционном процессе.

26.02.2018

Дополнение от 05.10.2018

Открыл утром почту и ахнул: некий Центр развития научного сотрудничества (при ВАК РФ?) предлагает свои услуги для публикации статей, в изданиях, индексируемых в базах данных Scopus, Web of Science, РИНЦ и др. Цена – «скромная», для публикации в изданиях Scopus от 45 000 руб. (сроком от 2-х до 4-х месяцев). Если надо срочно опубликоваться, то от 65 000 руб.

Поверить не мог, но дается и-мэйл info@vak24.ru и прочие необходимые реквизиты.

Для меня, социолога, это означает только одно – открытую дорогу к получению научных степеней людям сверхобеспеченным или с политическим или административным весом. И соответственно происходит торможение (научные журналы же не резиновые) публикаций работ молодых и талантливых, но бедных.

Разослал этот мейл некоторым моим коллегам. Они пишут: такого подразделения в ВАКе нет. Я так и думал. Тем не менее значит, есть какие-то «толкачи», которые

помогут опубликоваться в любом престижном журнале. То есть два пути в науку: прямой, официальный и теневой, окольный? Это – не новость, так случалось и ранее. Но вот чтобы так открыто рекламировать «теневые услуги» в сфере науки через Интернет, это что-то новое.

Недодуманное и недоделанное

Эти вопросы, поставленные нашим Нобелевским лауреатом акад. Виталием Лазаревичем Гинзбургом, весьма актуальны для меня, социолога, работающего в междисциплинарном поле. Но только ли для социолога? Речь идет о ближайшей и среднесрочной перспективе развития социологической науки. Попытаюсь, по крайней мере для себя, сформулировать, что именно надо бы додумать и доделать?

Первое, что сегодня является объектом научного исследования? С моей точки зрения, ее объект – это глобальный мир, включая его космическую оболочку и все то, что находится у нас «под ногами», то закономерностями.

Поэтому если в XX веке предметом исследования была биосфера, то сегодня, по моему мнению, *такой системой является социобиотехносфера* (сокращенно СБТ-система), то есть комплексная, глубоко интегрированная сложная система, которая подчиняется *несоциологическим, а каким-то более сложным, законам* функционирования и развития.

Поэтому для меня сегодня уже очевидно, что «поле социологии» (термин, введенный А.Г. Здравомысловым) постепенно сокращается. Я здесь не имею в виду ветви внутри самой социологии как особого социального института. Я, прежде всего, имею в виду, что непрерывно идущие трансформации внутри глобальной СБТ-системы и её динамика как целого неуклонно расширяют сферу интересов науки и практики вообще. И не потеряет ли социология при таком быстром расширении СБТ-системы свой собственный предмет?

Второе, если предмет исследования социолога – сложный и внутренне связанный, значит, *методом его исследования должен быть междисциплинарный подход*. Однако вследствие длительного (многовекового) периода дробления науки на все более узкие дисциплины сложился взгляд на этот социальный институт как на множество направлений, каждое из которых имеет свои институциональные рамки в виде организаций, сообществ, источников и каналов финансирования, систем отчетности и т.д. Поэтому Игорь Кон был прав: в век ведомственного разделения науки тем, кто пытается развивать междисциплинарные исследования, приходится очень трудно: необходимых ресурсов нет никаких, будь то деньги, инструментальная и приборная база или интеллектуальные ресурсы.

Третье, поэтому сегодня идет жестокая борьба между хранителями этих институциональных размежеваний и потребностью науки и практики в междисциплинарных исследованиях, на благо человека и общества. Однако пока междисциплинарные барьеры резко снижаются только в критических ситуациях, когда *на кону стоит выживание* местного общества, отрасли промышленности или глобального сообщества в целом.

Отсюда – другой вопрос: *не находится ли сегодня это глобальное сообщество в состоянии перманентного напряжения и мобилизации?* То, что мы сегодня называем гибридными войнами, есть, по моему мнению, комбинированные и быстрые воздействия на относительно простые системы, внутри которых идет борьба научных направлений, ведомств, политических партий, этнических и конфессиональных сообществ и т.д. То есть междисциплинарный подход плюс процесс ускорения принятия решения и реальных действий суть главные инструменты геополитической борьбы за ресурсы и политическое и экономическое доминирование на земном шаре.

Четвертое, вследствие сказанного полагаю, что *социология как отдельная отрасль общественнознания доживает свой век*. Её уже сегодня теснит та отрасль знания, которую ошибочно (или по старинке) называют геополитикой. Прав был Ф. Энгельс, который утверждал, что в будущем это будет одна наука. И этот процесс сегодня уже отчетливо виден на примере исследования глобальных экологических проблем и, прежде всего, уже начавшегося глобального потепления, которое сегодня себя проявляет как критические колебания погоды, то есть краткосрочные климатические изменения.

Но российские и зарубежные социологи, если и занимаются этой проблематикой, то только в плане поисков средств сокращения антропогенного воздействия на природные экосистемы. Они не хотят или не желают видеть очевидного факта: сами эти экосистемы уже не те, которыми они были 100–200 и более лет назад.

Пятое, множество одновременно идущих перемен разного происхождения и масштаба и с разными скоростями выдвигают на первый план проблему комплексного развития системы науки-практики. Или, иначе – *проблему одновременно идущих перемен, но с разными темпо-ритмами и последствиями*. Пока что современная, дисциплинарно раздробленная наука неспособна осмыслить эту новую сторону процесса глобализации. Именно поэтому У. Бек сказал, что *мы сегодня живем в век побочных последствий* тех трансформаций, которые мы не смогли вовремя предсказать. Это означает, что риск разрушения всего того, что создало человечество, растет по экспоненте.

Поэтому, например, причина глобального риска тотального разрушения заключена в произошедшем в XX веке сдвиге от науки – к политике и ее верному союзнику и пропагандисту масс-медиа. А это, в свою очередь, произошло потому, что к власти в мире пришли технократы, быстро нарастившие свой капитал при помощи новых технологий, которые, в свою очередь, были профинансированы этими глобальными монополистами. *Научное сообщество как социальный институт было практически отстранено от участия в политическом процессе*. Или же оно устранилось само, потому что так его членам безопаснее и спокойнее?

Шестое, таким образом, мы возвращаемся к проблеме *соотношения науки и политики*. Для глобального капитала выгодны войны и разрушения, поскольку в их ходе и после них капитал растет гораздо быстрее, чем в мирные годы. Именно эта закономерность присуща всем трем периодам XX века: годы перед Второй мировой войной, во время этой войны и в период послевоенного восстановления. С моей точки зрения, собственно научное производство все более подчиняется политически-ангажированной политике или просто вытесняется ею. Все большая часть научных работников, видящих, что их научная работа не обеспечивает прожиточного минимума, необходимого для полного погружения в научную проблему, становятся бюрократами от науки. И на этом поприще весьма преуспевают. То есть опять институт политики берет верх над наукой как социальным институтом. Поэтому отток перспективных молодых кадров на Запад растет с каждым годом.

Седьмое, серьезные изменения должны произойти в системе сбора и обработки информации. Прежде всего, она должна соответствовать ходу постоянных изменений, то есть быть непрерывной (мониторинг). Далее, эта система должна фиксировать не только множество взаимодействий (interactions), но и характер их результатов, касающихся изменения самой глобальной СБТ-системы. Затем, она должна учитывать темпо-ритмы происходящих в СБТ-системе перемен. Одни из них могут происходить годами и даже столетиями, тогда как другие взаимодействия качественно различных агентов дают мгновенный результат. Наконец, необходимо учитывать, что процессы взаимодействия отдельных элементов СБТ-системы, равно как и её общий характер,

суть нелинейные, а пульсирующие. Соответственно, в системе сбора и обработки исходной информации для Big Data тоже должны произойти серьезные изменения.

Восьмое, подготовка кадров для междисциплинарного анализа и проективной социальной практики повлечет за собой изменение института образования и профессиональной переподготовки. Это – отдельная и очень болезненная проблема, потому что педагоги в школе и высших учебных заведениях и так перегружены. Пока общественные науки в полной мере не осознают надвигающихся перемен, продолжая поддерживать моно-дисциплинарную (классно-урочную) систему обучения в средней школе и вузах. Или, опять же – не хотят, не считают нужным вводить хотя бы начатки междисциплинарного образования? И это – еще один аргумент в пользу постепенной бюрократизации институтов науки и образования.

Девятое, история России / СССР / РФ XX–начала XXI веков была отягощена войнами, революционными потрясениями и многочисленными перестройками «сверху». Но общество, как и всякий общественный организм, функционирует в «пульсирующем» режиме. Непрерывные его изменения «изнутри» и «снаружи» лишь уменьшают его устойчивость (sustainability), о которой столько лет и так безрезультатно пекутся западные политики и социологи. Да, устойчивость невозможна без перманентных изменений, но они должны перемежаться периодами формирования некоторого устойчивого состояния: всякая новая система должна устояться, чтобы быть готовой к новым переменам.

Десятое, но, похоже, XXI век представляет собой новое «переходное» состояние, которое А. Грамши и З. Бауман называли *interregnum*. Его специфические черты суть непрерывное изменение, ускорение с разными темпо-ритмами и неопределенными результатами (иногда их называют *unintended consequences*, то есть «неожиданными последствиями»). В свое время И. Пригожин определил это состояние как «управляемый хаос». Однако, с моей точки зрения, степень «управляемости» этого состояния все время снижается.

Соответственно, мир постепенно переходит в состояние «Броуновского движения» с той только разницей, что модель этого движения была создана для частиц одинакового размера и качества, тогда как мы сегодня имеем совершенно другую картину. С одной стороны, в рассматриваемом нами случае взаимодействуют между собой агенты разного размера и качества, а с другой стороны, сама среда, в которой все это происходит, не инертна, а напротив является совокупностью самых разных агентов, природных, социальных или технических, но, скорее всего, комплексных, интегрированных. Мир входит в состояние перманентных и ускоряющихся изменений разной направленности.

Кроме того, социология и другие общественные науки недостаточно учитывают то обстоятельство, что наша планета – тоже живой организм, со своими биогеохимическими закономерностями. У этого организма тоже есть критические (рискогенные) зоны и «переходные периоды». Если мы хотим создать динамическую концепцию глобальной СБТ-системы, то мы должны уметь анализировать взаимодействие природных и общественных процессов. Только такая *системная и динамическая концепция* способна отвечать на вызовы современности.

Одиннадцатое, как *противостоять процессу утери устойчивости глобальной СБТ-системы*? Авторитарный режим способен создать такую устойчивость только на короткий срок. Если раньше она измерялась годами и даже десятилетиями, то сегодня она сокращается до нескольких лет и даже месяцев. Причина? – Ускорение производства технологических инноваций, позволяющих повышать собственную устойчивость, одновременно используя относительную простоту и малую гибкость авторитарных социальных систем. Если общественные науки своевременно не перейдут на систему перманентного мониторинга глобальной СБТ-системы, то их

отставание от темпа развития технологических инноваций неизбежно. Утеря устойчивости этой системы уже оборачивается этно-конфессиональными конфликтами и гибридными войнами, сокращением рынка труда, массовыми вынужденными миграциями, заброшенными полями и малыми поселениями, процессами опустынивания. Напомню, что сложные системы, как правило, более устойчивы и жизнеспособны. Эта сложность обеспечивается не только многообразием агентов, составляющих некоторую СБТ-систему, но и множественными связями (сетями) между ними.

Двенадцатое, одномоментное формирование динамической концепции СБТ-системы и на ее основе – модели глобальной СБТ-системы невозможно. Поэтому обозначу лишь некоторые направления научной работы для достижения названных задач. Прежде всего, это движение научной мысли одновременно по многим векторам: изучение тех сфер науки и практики, в которых эти задачи уже решаются, но также и – наиболее потенциально опасных зон и ситуаций. Далее, это исследование уже существующих и назревающих критических узлов и конфликтов для того, чтобы понять, что на что влияет, и каков будет совокупный результат. Затем, нужно помнить, что «тело» Земли – это живой организм, и он тоже стареет или неожиданно для нас трансформируется. Сегодня совокупная деятельность человека ее ускоряет.

В заключение назову три, на мой взгляд, наиболее трудные задачи на пути разработки динамической концепции глобальной СБТ-системы. Одна – это постепенный поворот к междисциплинарному обучению, причем обучению с раннего детства. Работы в этом направлении уже ведутся, и они подтвердили свою эффективность, но институциональное разобщение препятствует внедрению этого метода в практику воспитания и обучения. Вторая – это разработка междисциплинарных научно-исследовательских проектов. Многолетний опыт разработки подобных проектов подтверждает такую возможность. Третья (на основе двух предыдущих) – это исследование потенциально наиболее взрывоопасных геополитических и геологических состояний и ситуаций. Исследования великих ученых, которых я вспоминал вначале этой работы, подтверждают необходимость такого подхода. Если бы он был излишен, то не было бы никаких теорий общества риска, безразлично, шла ли речь о социальных конфликтах или природных катаклизмах.

21.09.2018

Заключение: некоторые мысли о будущем социологии

В блогах нет возможности обсуждать эту важнейшую проблему детально и по существу. Поэтому здесь я ограничусь лишь некоторыми соображениями и ссылками на авторитеты. Позволю себе поставить вопрос шире и принципиальнее: а каковы вообще временные границы советской и российской социологии? Да и есть ли они вообще, или же в практической жизни «все связано со всем и все куда-то попадает, и ничто не дается даром», как говорил Б. Коммонер?

Начну с цитаты из Ю.А. Левады, который утверждал, что *представление о том, что социология – это опросы общественного мнения, есть заблуждение*. Опросы – лишь «прикладные занятия» в самых разных областях, от медицины до маркетинга. И никто не доказал, что социологию можно свести к опросам разного рода! Более того, некоторые российские авторы пытались и пытаются написать «отдельную» советскую социологию, что, на мой взгляд, тоже заблуждение. Пока были живы её носители, пока существовали библиотеки и другие хранилища знания не только социология, но наука вообще продолжали развиваться. Поэтому трудно понять, почему сторонники «отдельной» советской социологии исключают преемственность развития науки вообще и гуманитарного знания в частности. *Развитие науки идет непрерывно везде и всегда.*

Уже много лет в ходу понятие «макросоциологии», что, на мой взгляд, вполне закономерно в условиях все более тесно экономически и информационно-интегрированного глобального сообщества. Но глобальная социология не может возникнуть на пустом месте. Поэтому мой *следующий тезис заключается в непрерывности развития науки*, в том числе общественных наук. И изолировать, скажем, теорию и практику строительства социализма в СССР от марксизма, ленинизма, маоизма, как и от всех разновидностей либерализма и других макросоциологических теорий, было бы ошибкой.

Далее еще и еще раз: по своей сути, *научное знание всегда было и есть междисциплинарным*. И способы его практической реализации всегда требуют многих умений и практических навыков. Невозможно ни вспахать поле, ни собрать урожай, ни построить город, ни сконструировать и опробовать новейший самолет, не умея объединять ученых и практиков. Нобелевский лауреат акад. П.Л. Капица говорил, что эксперимент важнее теории, потому что экспериментатор способен соединять несоединимое. То есть реализовать и опробовать новую теорию практически. Междисциплинарный подход особенно важен *в переломные моменты истории, когда ученые и политики пытаются практически воплотить свои идеи и утопии*, как это пытался сделать В.И. Ленин, П.А. Кропоткин. Или же – занимались теоретизированием, включая вопросы синтеза естественных и социальных наук. Как,

например, это сделал А. Богданов в своей работе «Всеобщая организационная наука (тектология)», опубликованной в 1925 г.

Уже будучи в эмиграции, многие русские ученые, старались комплексно осмыслить историю России и смысл русской революции (Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков, П.Б. Струве). Более того, *в дореволюционной русской науке никогда не было непереходимой грани между естественными и общественными науками*, которая существует и углубляется сегодня. В.И. Вернадский, Н.Я. Данилевский, И.П. Павлов, В.С. Соловьев, несмотря на различие в их научных интересах и методических подходах, указывали на необходимость комплексного анализа объекта исследования, тем самым развивая связи между естественными и гуманитарными науками. Даже в самые тяжелые годы революции и гражданской войны ученые пытались научного осмыслить их события. Достаточно вспомнить работы тогда молодого П. Сорокина, который до и после эмиграции собирал материал о воздействии физических лишений и тягот на сознание и поведение человека (см. его монографию «Голод как фактор...»), восстановленную и опубликованную силами сотрудников Института социологии РАН).

Теперь – относительно общечеловеческой, гуманистической основы междисциплинарных связей. До Октябрьской революции и долго после неё не было таких глубоких институциональных размежеваний между естественниками и гуманитариями, какие есть сегодня. Примером того служит «братство» молодых геохимика В. Вернадского, филологов Д. Шаховского и Ф. Ольденбурга, историка и культуролога И. Гревса и других. Эти столь разные ученые умели находить общий язык, и *это был язык стоящих перед обществом проблем*. Российская социология пока никак не прореагировала на событие международного масштаба – я имею в виду слияние советов ЮНЕСКО по естественным и гуманитарным наукам в единый совет по науке, что отнюдь не было бюрократическим актом привычного для нас «укрупнения». Напротив, оно отражало реальную взаимозависимость этих отраслей знания.

Обращусь теперь к проблеме связи науки и практики. Вот только один пример. В России/СССР долгое время развивалась *комплексная дисциплина «Научная организация труда» (НОТ) как совокупность экономических, организационных, психофизиологических и санитарно-гигиенических мер по обеспечению эффективного, безопасного и важного для людей производства*. То есть основной принцип НОТ – это соединение эффективного, безопасного и интересного труда. К сожалению, с переходом современной России на рельсы рыночной экономики эта комплексная дисциплина практически перестала существовать, уступив место господству принципа «минимакса»: минимум затрат – максимум прибыли.

Некоторые российские социологи столь уверовали в универсальность методов массовых опросов, что практически *забыли о существовании других, прежде всего, качественных методов получения необходимых знаний*. Вынужден напомнить о них: биографический метод, устные истории, письма, мемуары и другие личные документы. Затем, наблюдение, включенное и простое. Потом, социальное проектирование и эксперимент, фокус-группы и, наконец, разного рода интервью. Я в своей работе предпочитаю глубинные полу-структурированные интервью, а также поэтапное и скрупулезное изучение государственных программ и результатов их реализации.

Следующий принципиальный момент. Видимо находясь под влияние работ западных социологов, российские социологи все более предпочитают *дискурс-анализ, хотя они отлично понимают, что этот анализ может быть использован как инструмент политической манипуляции, осуществляемый властными и бизнес-структурами посредством СМИ*. Но и вне их это – метод анализа не реальных явлений, а их отражения в политических процессах и других видах социально-сконструированного знания и затем распространяемого через СМИ. В этом случае социолог и само население становятся заложниками политики. Например, широко

культивируемое понятие «устойчивое развитие» (sustainable development) не говорит ничего, если неизвестно, в каком контексте оно реализуется, и какие ресурсы для этого требуются. С моей точки зрения, сегодня этот подход есть не что иное, как геополитический маневр: сначала успокоить «слабого» контрагента, а потом внезапно подчинить его своим интересам.

Метод социального эксперимента заслуживает специального анализа. Этот метод широко использовался и был практически реализован в СССР, начиная с 1920-х гг., в проектах новых индустриальных центров и домов «коллективного быта». Знаменитая дискуссия о социалистическом городе (1929-31 гг.), где столкнулись группы урбанистов и дезурбанистов, фактически закончилась серией социальных экспериментов при строительстве новых промышленных центров СССР (городов Магнитогорска, Сталинграда и др.). Массовое строительство пятиэтажных жилых домов по всей стране в 1950-70-х гг., как и новейшие проекты их «реновации», включая усадьбную застройку в старом центре Москвы (!), суть тоже социальные эксперименты, но уже без широкомасштабных дискуссий.

Однако, как бы мы ни отстаивали «самостоятельность» социологии, в условиях нарастающей глобализации, развития информационных технологий и быстрого роста экономического и военного могущества США, Китая и Индии, а также вследствие формирования геополитических альянсов типа ОДКБ или АСЕАН, на первый план выходят экономика, новейшие технологии и геополитика. *Социология как обособленная отрасль гуманитарного знания теряет свое самостоятельное значение, особенно в условиях быстро меняющегося международного контекста.* Этот процесс характерен не только для России – он в той или иной мере присущ всему миру. Однако эта новая ситуация не означает смерти социологии, а её «реинкарнацию» в системе научных дисциплин и её новых задач в связи со столь же быстро меняющейся практикой.

Наконец, еще об одном (универсальном) факторе происходящих перемен. Все науки и политика *должны учитывать фактор быстро меняющегося времени, его непрерывного ускорения.* Более трех четвертей века назад Вернадский писал, что произошла победа времени над расстоянием. Вследствие чего возможность общения людей оказалась вне зависимости от расстояния. Благодаря информационным технологиям взаимодействие людей, сообществ и институтов может происходить почти мгновенно. Сегодня уединенных людей и полностью обособленных человеческих сообществ практически не существует. Человек «победил» пространство, но не уничтожил его. Отсюда два вывода. Первый, ученый-гуманитарий всегда должен всегда быть «в гуще жизни», какой бы сложной и быстро меняющейся она ни была. Второй, пора, наконец, политически и социально осмыслить структуру и динамику этого пространства, но не по частям, а как целостную социобиотехническую систему. В одиночку российская социология этого сделать не может – нужны перманентные международные связи и контакты, для поддержания которых нужны ресурсы и взаимное доверие.

Итак, *мы уже живем в информационной среде, в «информационной галактике»,* как её определил М. Кастельс. Мир уже окончательно разделился на материальную и виртуальную сферы, поэтому блоги и социальные сети – часть нашей общей коллективной памяти. Люди её конструируют и разрушают, перестраивают и создают её новые формы и конфигурации.

Этот процесс «разделения—интеграции» есть одновременно и метафора, и реальность. Метафора потому, что весь мир жизни сегодня уже не может существовать вне глобальной информационной системы. Реальность потому, что она есть одновременно благо и бедствие, поле новых возможностей и глобальных рисков, так как подвержена борьбе человеческих интересов и желаний. Социальные сети суть одновременно социальный конструкт и социально-технологический организм,

живущий и развивающийся по собственным законам. Эта среда одновременно расширяется и сжимается, становится то более разнообразной, то одномерной. Она сегодня предстает перед нами то, как данность, то, как организм, законы которого мы еще плохо знаем. То есть её динамика и статика диалектичны, как и тот мир, в котором мы сегодня живем.

Эта «информационная галактика» столь же всеобъемлющая и всепроникающая, как и биосфера. Поэтому существующие сегодня попытки управлять этой «галактикой» из какой-то одной точки есть утопия, но утопия, угрожающая глобальной катастрофой, которую, надеюсь, удастся избежать. Поэтому все люди и, в первую очередь, ученые, конструируя все новые сетевые системы, должны быть бдительными, помня что «слабость есть сила», что микро-риск может вызвать глобальную катастрофу.

Предметный указатель

А

Авария 45, 75, 76, 96, 122, 142

Авторитарный режим 155

Агент 7, 15, 16, 43, 68, 75, 76, 78, 84, 85, 92, 113, 116, 121, 122, 136, 138, 141, 143, 146, 154-156

Активизм социальный 15, 64-66, 70, 74

Арктика 9, 55, 56

Археология 35, 52, 142

Архитектура 10, 14, 31, 32, 34, 44, 45, 59, 60, 79, 131, 142

Архив семейный 126

Архив экологический 12, 18, 61, 133

Б

Биосфера 11, 19, 20, 29, 38, 54, 62-64, 69, 72, 128, 136, 139, 140, 146, 153, 160

Блоги 6, 12, 41, 47, 124, 133, 157, 159

Борьба 6, 17, 19, 20, 23, 24, 53, 55, 58, 59, 63, 69, 70, 72, 77-79, 81, 85, 89, 90, 92, 93, 95, 97, 101, 104, 107, 111-113, 116, 118, 136, 141, 153, 159

Бразилия 10, 11, 14, 58, 88, 146

Броуновское движение 155

Будущее 54, 72, 83, 95, 105, 114-116, 119, 137, 140, 144, 146, 157

В

Включенное наблюдение 11, 46, 69, 88, 98, 125, 158

ВНИИСИ 31

Война 40, 53-57, 81, 83, 84, 88, 90, 93, 95, 97, 103, 104, 108-122, 125-127, 137-139, 141-145, 153-156, 158

Волонтеры 36, 74, 107, 113, 116, 125

Востоковеды 15, 16

Врач 11, 12, 22, 33-36, 66, 71, 89, 118, 120, 142

Время 8, 17, 30, 93, 120, 138

Г

Генетика 6, 47, 71

Геополитика 23, 53, 71, 88, 91, 110, 113, 122, 142, 144, 148, 154, 159

Глобализация 14, 16, 17, 42, 46, 50, 51, 53, 54, 63, 78, 79, 82-84, 86, 87, 90, 91, 97, 99, 101, 103, 104, 108, 112, 115-117, 125, 138, 139, 141, 143, 154, 159

Глобальное потепление 63, 119, 154

Город 6, 11, 23, 29, 33, 34, 40, 41, 44, 49, 59-62, 64, 71, 72, 79, 80, 96-103, 108, 112, 121, 126-128, 131, 135, 139, 140, 142, 159

Градостроительство 27, 31, 34, 59-61, 79, 121, 127

Гражданское общество 17, 21, 26, 39, 54, 68, 69, 73, 75, 81, 101, 104-106, 113, 146, 147

Гуманитарные проблемы 120

Д

Движения социальные 11, 12, 18, 32, 66, 73, 81, 108, 116, 117, 130, 146
Де-модернизация 79-82
Дестабилизация 90, 137
Детерминизм технологический 95
Диалектика 23, 93, 101
Динамика социальная (социодинамика) 15, 42, 50, 78, 87, 88, 93, 139, 143, 145

Е

Естественные науки 6, 23, 25, 29, 32, 42, 70, 71, 91, 124, 128, 140, 142, 144, 148, 152, 157, 158

Ж

Желание 43, 47, 110, 121, 140, 159
Желаемое будущее 144
Железный занавес 57, 58, 104
Жизненный опыт 25

З

Знание научное 12, 37, 47, 50, 67, 73, 75, 76, 102, 114, 120, 157
Знание-практика 26

И

Идеология 9, 28, 38, 47, 49, 58, 59, 82, 83, 86, 95, 109, 114-116, 137, 145
Идея 6, 17, 32, 34, 47, 51, 64, 80, 92, 95, 115, 135
Изобретение 47, 72, 104, 130
Индивид 8, 16, 17, 26, 31, 75, 93, 95, 99-103, 106, 119, 122, 135
Инновация 18, 91, 92, 97, 102, 104, 152, 155, 156
Инсайдер 11, 61, 68, 74, 78, 106, 139
Институт социальный 17, 37, 53, 68, 73, 92, 111, 114, 136, 147, 148, 153, 154
Интеграция 80, 82, 95, 138, 139, 141, 143, 159
Интернет 6, 36, 48, 49, 59, 68, 74, 84, 88, 94, 96, 106, 109, 125, 127, 135, 147, 153
Интеллигенция 9, 10, 15, 49, 57, 134
Исследование 12, 13, 16, 25, 27-30, 46, 50, 54, 61-72, 88-91, 96, 98, 110, 112, 113, 117, 122, 124, 125, 127-129, 131-134, 139-141, 146, 148, 149, 151, 153, 154, 156
История болезни 94
История науки 6, 19, 22, 33, 134

К

Капитал социальный 8, 103, 136
Капитализм 69, 99, 101, 103, 105, 108, 130, 144, 145, 148
Катастрофа 28, 30, 37, 38, 53, 74-77, 96, 103-106, 108, 116, 117, 122, 125, 127, 137, 142, 160
Климат 15, 87, 114, 119, 141, 146
Коммуникация 33, 39, 43, 52, 73, 89, 101-103, 116, 127, 150
Конгресс 28, 34, 62, 108, 120, 121, 128, 131, 133, 135, 137, 139, 144, 147-149
Конфликт 17, 20, 44, 54, 61, 62, 67-70, 74-76, 78, 80, 82, 83, 85, 86, 88, 89, 93, 94, 104, 114, 117, 119, 121, 125, 138, 141, 142, 156
Кризис 17, 20, 42, 46, 69, 80, 81, 91, 103, 107-109, 119, 125, 127, 145
Критическое состояние 119

Культура 13, 52, 55, 58, 71, 75, 88, 92, 98, 100, 105, 146

Л

Либерализм 157

Личность 8, 16, 19, 25, 26, 30, 49, 55, 56, 88, 89, 96, 101, 103, 130, 134

Личный опыт

М

МАРХИ 60, 79

Междисциплинарный подход 11, 12, 16, 19, 25-27, 30, 71, 112, 138-142, 145, 148, 153, 157

Метаболизм 116, 141, 143

Метод 12, 16, 36, 46, 55, 60, 61, 64, 66-70, 72, 76, 78, 86, 88, 99, 100, 116, 117, 124, 126, 128, 131, 133, 139, 142, 144, 146, 148, 149, 151, 153, 156, 158, 159

Мир 6, 8, 20, 46, 78, 83, 84, 86-91, 104, 113-115, 118, 121, 124, 135, 137, 139, 142, 155, 159

Мобильность 8, 101, 114, 161

Мобилизация добровольная 121

Молчание 30, 81

Модернизация 14, 30, 71, 76, 80-82, 114, 119, 130, 138

Модернизм 79,

Н

Научный коллектив 21, 140

Непрерывное обучение 17,

Несущая способность 143

Новые (новейшие) технологии 88, 91, 96, 154, 159

НТР-4 91-93, 95, 96, 101, 141

О

Обучение 17, 21, 46, 57, 63, 65, 74, 86, 155, 156

Общество 16, 17, 55, 99, 125

Общество риска 15, 63

Общественная жизнь 6, 28, 71, 118

Общественное мнение 11, 16, 22, 27, 34, 41, 83, 89, 98, 122, 125, 133, 148, 157

Опасность 8, 38, 44, 75, 77, 84, 94, 103, 111, 114, 122, 136, 141

Опустынивание 63, 71, 141, 156

П

Пагуошское движение 18

Память 25, 38, 40, 41, 88, 96, 100, 139, 159

Побочные эффекты 75, 94, 104, 122

Политика 26, 37, 51, 52, 63, 88, 122, 127, 159

Политическая технология (политтехнология) 144

Популяризация 37

Постмодернизм 148

Потребление 77, 83, 87, 92, 136

Природа 15, 37, 38, 54, 79, 89, 99, 118, 141

Просвещение 9, 14, 22, 23, 47,

Пространство социальное 50, 51, 80, 88

Публикация 6, 21, 36, 45, 46, 63, 112, 133, 137, 147, 149-152

Публичный человек (фигура) 6, 18, 19, 25, 36
Публицистика 15, 32, 133, 151

Р

Революция научно-техническая (НТР) 28, 34, 64, 86, 91, 92, 99, 102, 103, 135
Регион 15, 16, 41, 63, 67, 77, 85, 86, 90, 91, 93, 118, 121, 126-128
Режим колебательный 143
Ресурсы 23, 38, 51, 52, 69, 70, 74, 77, 78, 90, 107-109, 111, 113, 115, 116, 119-122, 134, 136, 138, 141, 143, 148, 149, 153, 159
Риск 8, 14, 15, 26, 39, 63, 75, 76, 87, 97, 99, 103, 104, 111-113, 117-119, 121, 122, 136, 137, 141, 143, 144, 148, 154, 156
Россия 19, 21, 22, 34, 37, 38, 40, 45, 46, 51, 52, 53, 60, 66, 71, 80, 82, 87, 91, 108, 110, 111, 114, 123, 124, 128, 130, 133, 143, 155, 158, 159

С

Связи межличностные 131
Семья 6, 8-13, 16, 17, 19, 26, 28, 30, 47, 48, 56, 66, 67, 84, 94, 130, 141
Сети 6, 11, 39, 48, 52, 59-61, 64, 70, 71, 74, 87-89, 93, 94, 100, 107, 109, 111-113, 115, 118, 119, 121, 122, 128, 136, 137, 141, 142, 159
СБТ-система 116, 153-156
Системный подход 31, 91, 97
Сжатие 8
Социализация 17, 19, 48, 136
Социальная психология 89, 130
Социолог 6, 8, 12, 13, 15, 16, 22, 27, 61, 66, 71, 74, 76, 129, 130, 158
Социология как наука 86, 113, 140, 142
Среда обитания 10, 50, 57, 75, 116, 146
Студенческое движение охраны природы 19, 67, 70, 139
Съезды 6, 50, 133, 135, 144

Т

Темпо-ритмы 101, 143, 146, 154, 155
Теория 8, 12, 20, 30-32, 46, 59, 60, 62, 64, 77, 79, 86, 99, 108, 109, 121, 124, 126, 133, 134, 142, 148, 156, 157
Технические науки 6, 18, 29, 128, 139, 140, 148, 152
Техногенный 30, 74, 77, 116, 122, 127, 136, 148
Технологический детерминизм 95
Технотронный 40

У

Управление социальное 9
Урбанизация 11, 28, 34, 59, 62, 69, 79, 99, 102, 130, 131, 134
Ускорение 8, 92, 93, 115, 141, 143, 153, 155, 159
Устойчивость 51, 101, 139, 143, 144, 155, 156
Участие 6, 19, 29, 30, 51, 62, 64, 66, 71-73, 78, 85, 92, 95, 107-109, 113, 131, 134, 139, 140, 142, 147, 154

Х

Хакерство 111, 119, 141

Ц

Цифровая революция 92, 96

Ч

Человеческий фактор 41, 67,

Чикагская школа 11, 59, 133, 134, 145

Ш

Шаблон 151

Школа Анналов 24, 35, 134

Э

Экология 11, 19, 29, 31, 47, 59, 62, 84, 86, 88, 98, 102, 119, 145

Экономика 15, 38, 50, 52, 54, 56, 70, 80-82, 87, 94, 104, 127, 145, 158, 159

Экспертиза 21, 72, 74, 76, 142, 152

Эксперт 68, 70, 72, 74-77, 82, 83, 86, 97, 105, 106, 111, 128

Эпистемология 21, 144

Этика 21, 26, 38, 45, 46, 49, 54, 132, 145

Этические принципы 20, 132

Ю

Юг как научная категория 93, 132, 147

ЮНЕСКО как международная организация 11, 29, 62-64, 69, 91, 128, 139, 140, 142, 158

Именной указатель**А**

Адамов Г. 10, 47, 56, 120
Аитов Н.А. 130
Айвазова С.Г. 130
Амундсен Р. 56
Альбац Е.М. 110
Антонов А.И. 130
Андропов Ю.А. 130
Анциферовы Н. и Т. 50
Араб-Оглы Э.А. 11, 62
Артемов В.А. 129
Арчер М. 81, 83
Арутюнян Ю.В. 130
Ахиезер А.С. 34, 131
Ахматова А.А. 13

Б

Баглай М.В. 62
Барджесс Ю. 133
Барщ М.О. 60, 72
Бахтин М.М. 26, 44, 62, 73
Бауман З. 14, 16, 17, 20, 22, 25, 47, 81, 86, 88, 115, 143, 148, 155
Бердяев Н.А. 124, 158
Бек У. 14-17, 55, 63, 75, 83, 84, 86, 104, 122, 148, 154
Беккер Г. 131
Бестужев-Лада И.В. 131
Бехтерев В.М. 89
Блок М. 134
Бойден Ст. 63
Богданов А.А. 60, 158
Болгов В.А. 129
Бороноев А.О.
Босков А. 130
Боффил Р. 120, 121
Брежнев Л.И. 130
Брунов Н.И. 60, 79
Булгаков С.Н. 158
Бунин И.А. 39, 58
Буравой М. 83

В

Вайнер Д. 19, 65, 133
Вавилов Н.И. 46
Валлерстайн И. 80
Вебер М. 46, 49, 145
Вернадский В.И. 12, 13, 22, 33, 46, 50-55, 61, 71, 134, 158, 159
Веснин В.А. 60
Виноградов А.П. 29, 32, 62
Вознесенский Н.А. 127
Волков В.П. 7, 12, 13, 32, 33, 55
Вульф В.Я. 62
Выготский Л.С. 89
Вышинский А.Я. 10

Г

Гайденок П.П. 10, 62
Галкин А.А. 130
Гарриман А. 56
Гидденс Э. 14, 81, 93, 148
Гиляровский В.А. 50
Гинзбург В.Л. 19-22, 153
Гинзбург М.Я. 72
Глазычев В.Л. 31, 32, 34
Глинка Е.П. 35, 36
Гольденвейзер А.Б. 10
Гольдман В.Б. 7, 36, 37
Гопкинс Г. 56
Горбачев М.С. 110
Гоффман И. 55, 89, 146
Градов Г.А. 23, 79
Гранин Д. 13, 140
Грачева Т. 90, 91
Гречухин В.А. 41
Грамши А. 17, 25, 143, 155
Гревс И.М. 50, 158
Грехэм Л. 133
Грушин Б.А. 21, 110, 133
Гуревич А. Я. 11, 13, 24, 25, 62, 134

Д

Давыдов Ю.Н. 11, 12, 22, 124, 134

Давыдова Л.А. 56
Дарвин Ч.Р. 20
Дейнека А.А. 60, 79
Деелстра Т. 64
Дилигенский Г.Г. 129, 130
Диккенс Ч. 130
Дмитриев А.В. 130
Докторов Б.З. 133, 134
Достоевский Ф.М. 58, 79, 138
Дюкло Д. 62, 131
Дюркгейм Э. 145, 148

Ж

Житков Б.С. 47, 58

З

Заборов М.А. 11, 62, 130
Замошкин Ю.Н. 11, 62, 130
Здравомыслов А.Г. 62, 132, 153

И

Ильин М. 47, 58, 141

К

Кавтарадзе Д.Н. 7
Кантор В.К. 110, 134
Кантор К.М. 62
Калашников А.Г. 22, 58
Калашникова А.З. 22, 58
Кампанелла Т. 71, 140
Капица А.П. 23
Капица С.П. 23
Капица П.Л. 19, 22, 23, 46, 58, 157
Кастельс М. 34, 39, 47, 62, 86, 118, 127, 131, 159
Керженцев П.М. 129
Кирпичев М.В. 10, 57
Коган Л.Б. 33, 34, 131
Ковалевский М.М. 53
Коммонер Б. 84, 104, 143, 157
Кон И.С. 13, 25, 26,
Кондратьев Н. 80
Коста Л. 14
Кравченко А.И. 57
Кравченко С.А. 39, 86, 118, 132
Крестовский В.В. 79
Кринский В.Ф. 60
Кругман П. 82
Куприн А.И. 40
Кузьмин Н.С. 60

Л

Ландау Л.Д. 21, 46
Лапин Н.И. 31, 129
Лауристин М.И. 130
Левада Ю.А. 28, 62, 100, 135, 157
Ле Корбюзье 44, 45
Лихачев Д.С. 45
Ляпин А. 79
Лаппо-Данилевский В.В. 50
Левитан И.И. 39, 40, 57
Ленин В.И. 145, 157
Лихачев Д.С. 13, 45, 50, 134, 140

Лэш С. 14

М

Мамардашвили М. 11, 62
Макиндер Х.Д. 142
Маркс К. 30, 46, 49, 77, 95, 99-103
Мартинелли А. 140
Маршак С.Я. 13, 141
Менделеев Д.И. 46, 50, 52, 71
Мережковский Д.С. 49
Мерперт Н.Я. 34, 35
Мертон Р. 20, 21, 55, 62, 133
Мерсье Л. 79
Минджоне Э. 34, 131
Мирский Г.И. 15, 16
Мозговая А.В. 128, 136
Мор Т. 71
Мусил И. 71, 127

Н

Наумова Н.Ф. 30, 31, 62, 130,
Нежданова А.В. 10
Нестеров М.В. 39, 40, 57
Никифоров Д.Н. 35, 57, 134
Нимейер О. 10, 14, 23, 58, 69, 79
Новиков Н.В. 11, 61, 130, 131

О

Обручев В.А. 10, 47, 56, 120
Окамото Ю. 106, 107
Ольшанский В.Б. 130
Осипов Г.В. 62, 131
Орлов Г.М. 60

П

Пал Р. 62
Павлов И.П. 20, 158
Пайпс Р. 133

Парк Р. 55, 133, 145
Парсонс Т. 55, 62, 131, 146
Патрушев В.Д. 129
Переведенцев В.И. 129
Пири Р. 56
Пирогов Н.И. 19, 71

Претесей Э. 34, 62, 131
Пригожин И. 155
Прокофьев С.С. 58
Прохоров А.М. 46
Пруденский Г.И. 129
Путин В.В. 87, 89, 112, 137

Р

Распутин В.Г. 141
Рузвельт Ф. Д. 56
Ружже В.Л. 60
Румянцев А.М. 28, 29, 103, 131
Рыжов Ю.А. 18

С

Селени И. 62, 131
Семенов-Тянь-Шанский П.П. 50
Сенковский О.И. 79
Серов В.А. 39, 40
Смирнов В.И. 13, 22
Соколов В.Е. 29, 62
Соколов Э.В. 130
Солженицын А.И. 39, 41
Соловьев В.С. 71, 158
Сорокин П. 49, 50, 71, 78, 124, 131, 136, 138, 140, 158
Спенсер Г. 20, 145
Сталин И.В. 56, 130
Струве П.Б. 124, 158
Струмилин С.Г. 129

Т

Тамаш П. 79, 80
Тимофеев Т.Т. 28, 29, 62
Тихонов А.В. 128
Толстой Л.Н. 39, 40, 58, 138
Тощенко Ж.Т. 164
Турэн А. 11, 18, 66, 104, 131

У

Уайт Э. 30, 63, 131

Урри Д. 8, 17, 86
Усачева О.А. 7
Устинов Д.Ф. 10
Ушаков Г.А. 56

Ф

Федосеева И.Р. 59
Филиппов А.Ф. 15, 129
Фирсов Б.М. 129-132, 134
Фридман Д. 90

Х

Хазанова В.Э. 60
Хан-Магомедов С.О. 60
Харчев А.Г. 130
Хрущев Н.С. 58, 60, 79

Ч

Черчилль У. 56, 111

Ш

Шарковский А. 84, 85
Шафф А. 62, 131
Шваб К. 88, 91-97
Шибутани Т. 131
Шильникова М.А. 57
Шкаратан О.И. 128
Шмидт В.О. 10, 57
Шмидт В.Ф. 126
Шмидт С.О. 21
Шмидт О.Ю. 129, 55
Шретер И.В. 57

Я

Яблоков А.В. 18-20, 73, 74
Ядов В.А. 28, 46, 62, 110, 124, 129, 132
Яницкая И.Н. 56
Яницкая Е.Л. 35
Яницкий Н.Ф. 24, 69
Яницкий О.Н. 11, 62, 97, 120
Яницкий Ф.Ф. 12

Список основных публикаций О. Н. Яницкого

Монографии и сборники моих статей на русском и английском языках

- Хайт В.Л., Яницкий О.Н. 1963. *Оскар Нимейер*. Москва: Стройиздат.
- Бельчук А.И., Маклярский Б.М., Яницкий О.Н., отв. ред. 1985. Экологические проблемы капиталистического города. М.: Наука.
- Яницкий О.Н., отв. ред. 1972. *Урбанизация, научно-техническая революция и рабочий класс*. Москва: Наука.
- Яницкий О.Н. 1975. *Урбанизация и социальные противоречия капитализма. Критика американской буржуазной социологии*. Москва: Издательство «Наука».
- Яницкий О.Н. 1984. *Экология города. Зарубежные междисциплинарные концепции*. Москва: Издательство «Наука».
- Яницкий О.Н. 1987. *Экологическая перспектива города*. Москва: Мысль.
- Яницкий О.Н. 1991. *Социальные движения. Сто интервью с лидерами*. Москва: Московский рабочий.
- Яницкий О.Н. 1996. *Экологическое движение в России. Критический анализ*. Москва: Институт Африки РАН.
- Яницкий О.Н., отв. ред. 1998. *Россия: риски и опасности переходного общества*. Москва: Издательство института социологии РАН.
- Яницкий О.Н. 2002. *Россия: экологический вызов (общественные движения, наука, политика)*. Новосибирск: Сибирский хронограф.
- Яницкий О.Н. 2003. *Социология риска*. Москва: Издательство LVS.
- Яницкий О.Н. 2007. *Экологическая культура. Очерки взаимодействия науки и практики*. Москва: Наука.
- Яницкий О.Н. 2008. *Экологическое мышление эпохи «великого передела»*. Москва: Российская политическая энциклопедия.
- Яницкий О.Н. 2009 *Досье инвайронменталиста*. Москва: Институт социологии РАН
- Яницкий О.Н. 2012. *Семейная хроника (1852—2002 гг.)*. Москва: Таус.
- Яницкий О.Н. 2012. *Природоохранные сети России и их социальный капитал (гносеологические и теоретические проблемы)* / Институт социологии РАН, Яницкий О.Н. // Официальный сайт ИС РАН - 2012. 185 стр., 27 илл. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.isras.ru/publ.html?id=2446>
- Яницкий О.Н. 2013. *Социальные движения. Теория. Практика. Перспектива*. Москва: Новый хронограф.
- Яницкий О.Н. 2013 *Экологические катастрофы: структурно-функциональный анализ* / Институт социологии РАН, Яницкий О. Н. // Официальный сайт ИС РАН 258 стр. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.isras.ru/publ.html?id=2794>
- Яницкий О. Н. 2018. Глобализация. Город. Человек: [монография]. [Электронный ресурс] / О.Н. Яницкий; предисл. Л.М. Дробижевой. – Электрон. текст. (объем 1,58 Мб). – Москва: ФНИСЦ РАН, 2018. – 177 с. // Официальный портал ФНИСЦ РАН: [веб - сайт]. URL: http://www.isras.ru/index.php?page_id=1198&id=5961
- Tjeerd Deelstra and Oleg Yanitsky, eds. 1991. *Cities of Europe: The Public's Role in Shaping the Urban Environment*. Mezhdunarodnye otnosheniya Publishers: Moscow.
- Oleg Yanitsky. 2000. *Russian Greens in the Risk Society*. Helsinki: Kikimora Publications.
- Oleg Yanitsky, ed. 2008. *Modernization in Russia: Challenges to Research and Education*. Moscow: Institute of Sociology of Russian Academy of Sciences.
- Oleg Yanitsky. 2010. *Russian Environmentalism. The Yanitsky Reader I*. Moscow: TAUS.
- Oleg Yanitsky. 2016. *On Globalization and its Environmental Consequences. The Yanitsky Reader II*. Moscow: Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences.

Главы в российских и зарубежных монографиях

Яницкий О.Н. 1998. Социология города, в кн.: *Социология в России*, отв. ред. В.А. Ядов. Москва: Институт социологии РАН, С. 148-159.

Яницкий О.Н., 1998. Экологическая социология, в кн.: *Социология в России*, отв. ред. В.А. Ядов. Москва: Институт социологии РАН, С. 496-516.

Oleg Yanitsky .1984. Integration of social and natural sciences for urban planning, in: F. Di Casrti, F. Baker and M. Hadley, eds. *Ecology in practice. Part 2*. Paris: UNESCO. The social response, pp. 30-46.

Oleg Yanitsky. 1986. Urbanization in the USSR: theory, tendencies and policy. *International Social Journal of Urban and Regional Research*. Vol. 10, No 2, pp. 265-287.

Oleg Yanitsky. 1991. Environmental movements: Some conceptual issues in East—West comparisons. *Journal of Urban and Regional Research*. Vol. 15, No 4, pp. 524-541.

Oleg N. Yanitsky. 1996. The Ecological Movement in Post-totalitarian Russia: Some Conceptual Issues. *Society and Natural Resources*, No. 9, pp. 65-76.

Oleg Yanitsky. 1991. Lefortovo, Moscow: Resolving Conflict between Urban Planners and Residents, in: Deelstra T. and Yanitsky O., eds. *Cities of Europe: The Public's Role in Shaping the Urban Environment*. Mezhhhdunarodnye otnoshenia Publishers: Moscow, pp. 356-371.

Oleg Yanitsky. 1993. Environmental Initiatives in Russia: East-West Comparisons, in: A. Vari and P. Tamas, eds. *Environment and Democratic Transition. Policy and Politics in Central and Eastern Europe*, pp.120-145.

Oleg N. Yanitsky. 1999. Russian Environmental Movements, in: K. Conway, K. Keniston and L. Marx, eds. *Earth, Air, Fire, Water*. Amherst: Univ. of Massachusetts Press, pp. 184-205.

Oleg N. Yanitsky. 2001. Risk Society and Environmental Policy in Russia, in: I. Massa and V.-P. Tynkkynen, eds. *The Struggle for Russian Environmental Policy*. Helsinki: Kikimora Publications, pp. 27-48.

Oleg Yanitsky. 2014. The Russian Environmental Movement between 1985 and 2010: Changing Trends, Shifting Values, in: *Environmental Movements around the World*, Santa Barbara, California: Prager, pp. 117-138.

Oleg N. Yanitsky. 2018. Global Risks Networks: A New Field of Interdisciplinary Studies *International Journal of Research in Sociology and Anthropology*, 4(1) : 8-15

Oleg N. Yanitsky. 2018. The Development of the Russian Environmental Movement in the beginning of XXI Century. *International Journal of Humanities Social Sciences and Education (IJHSSE)*, vol 5, no. 6, pp. 23-31. doi: <http://dx.doi.org/10.20431/2349-0381.0506004>.

Oleg N. Yanitsky. 2018. On the Actuality of the Tempo-Rhythms Research. *International Journal of Research in Sociology and Anthropology (IJRSA)*, vol 4, no. 2, pp. 31-39. doi: <http://dx.doi.org/10.20431/2454-8677.0402004>.

Oleg Yanitsky. 2019. On the relationships between the geopolitics and social ecology in the digital age [Электронный ресурс] // Официальный портал ФНИСЦ РАН. – 12 стр. URL: <http://www.isras.ru/publ.html?id=7026>

Oleg N. Yanitsky. 2019. Cyberspace of the Fourth Scientific and Technological Revolution. *International Journal of Social Research*, 3:24.

Статьи в ведущих российских журналах

Ахиезер А.С., Коган Л.Б., Яницкий О.Н. 1969. Урбанизация, общество и научно-техническая революция. *Вопросы философии*, № 2, С. 43-53.

Яницкий Н.Ф. 2015. *Экономический кризис в Новгородской области XVI века. (по писцовым книгам)*. Киев: Типография Импер. Ун-та Св. Владимира. / Яницкий О.Н., составитель и ред. Москва: ТАУС, 2007 (репринтное издание).

Яницкий О.Н. 1982. Методологические вопросы исследования социально-экологических проблем. *Вопросы философии*, № 3, С. 91-99.

Яницкий О.Н. 1983. Методология К. Маркса в анализе проблем капиталистической урбанизации. *Вопросы философии*, № 3, С. 03-17.

Яницкий О.Н. 1986. Человеческий фактор социалистической урбанизации: становление новых ориентиров. *Социологические исследования*, № 2, С. 36-46.

Яницкий О.Н. 1989. Экологическое движение. *Социологические исследования*, № 6, С. 26-37.

Яницкий О.Н. 1992. Экологическое движение и контекст: становление гражданского общества в посттоталитарной среде. *Социологические исследования*, № 12, С. 40-50.

Яницкий О.Н. 1993. Энвайронментальная социология вчера и сегодня. *Общественные науки и современность*. № 2, С. 76-91.

Яницкий О.Н. 1994. Альтернативная социология. *Социологический журнал*, № 1, С. 70-83.

Yanitsky O.N. 1994. Environmentalism, an Ideology for the Future? *Science in Russia*, No2 (80), pp. 82-89.

Яницкий О.Н. 1998. Экологическое движение в «переходном» обществе: проблемы теории. *Социологические исследования*, № 8, С. 22-33.

Яницкий О.Н. 1999. Транснационализация гражданского общества: на примере экологических организаций в трех постсоветских странах. *Мир России*, № 1-1 (21-22), С. 135-150.

Яницкий О.Н. 1999а. Экологическая социология как риск-рефлексия. *Социологические исследования*, № 6, С. 50-60.

Яницкий О.Н. 2001. Социология политического «перехода»: механизмы самосохранения рисковенных политических систем. *Социологический журнал*. № 2, С.5-18.

Яницкий О.Н. 2002. Экологическая политика как сетевой процесс. *ПОЛИС. Политические исследования*, № 2 (67), С. 44-57.

Яницкий О.Н. 2003. Социология риска: ключевые идеи. *Мир России*, № 1, С. 3-35.

Яницкий О.Н. 2007. Перестройка и общественные движения 1980-х. *Свободная мысль*, № 9 (1580), С. 158-172.

Яницкий О.Н. 2008. Российская эко-социология за 50 лет. Итоги и новые вызовы. *Социологические исследования*, № 6, С. 139-145.

Яницкий О.Н. 2013. Метаболическая концепция современного города. *Социологическая наука и социальная практика*. № 3, С. 16-32.

Яницкий О.Н. 2015. Критические состояния среды обитания: методологические и теоретические проблемы. *Полис. Политические исследования*. № 5, С.145-159.

Яницкий О.Н. 2016. Социальные изменения и управление. *Политические исследования*. № 5, С.134-143.

Яницкий О.Н. 2015. Профессиональные гражданские организации: опыт интегративной интерпретации. *Социологическая наука и социальная практика*. № 2 (10), С. 70-87.

Яницкий О.Н. 2016. Социобиотехнические системы: новый взгляд на взаимодействие человека и природы. *Социологическая наука и социальная практика*. № 3 (15), С. 5-22.

Яницкий О.Н. 2016. Дискуссия по проблемам глобальной безопасности. *Власть*. № 5(26), С. 7-12.

Яницкий О.Н. 2017. Качественная модель осажденного города: случай Алеппо (Сирия). *Социологическая наука и социальная практика*. № 1, С. 129-144.

Яницкий О.Н. 2017. О соотношении стабильности и мобильности глобальных систем. *Социологическая наука и социальная практика*. № 2 (18), С. 30-46.

Яницкий О.Н. 2017. Органическая модернизация vs. информационная архаизация. *Общественные науки и современность*. № 4, С.153-164.

Яницкий О.Н. 2018. Междисциплинарные исследования: проблема и пути ее решения // *Социологические исследования*. 2018. № 3. С. 126-135.

Яницкий О.Н. 2018. Дискуссия по глобальной безопасности. *Власть*, № 5, С. 17-19.

Яницкий О.Н. 2018. Наука как институт и как сообщество. *Власть*, № 7, С. 83-88.

Яницкий О.Н. Российские мегаполисы в условиях глобальных социально-экологических вызовов // ОНС. 2018. № 1. С. 5-16. URL: <http://ons.naukaran.com/stati/rossiyskie-megapolisy-v-usloviyakh-globalnykh-sotsialno-ekologicheskikh-vyzovov/>

Яницкий О.Н. 2018. К проблеме модернизации гуманитарного знания // *Социологическая наука и социальная практика*, Т. 6. № 1. С. 7-22. URL: <http://jour.isras.ru/index.php/snsp/article/view/5734>

Яницкий О.Н. 2018. Идеальный город как символ будущего // *Сборник ИНИОН*. М.: ИНИОН, С. 256-268.

Яницкий О.Н. 2018. Глобализация: от теории к измерению // *Россия реформирующаяся*, Вып. 16/ отв. ред. М.К. Горшков. М.: Новый Хронограф, с. 145-170.

Яницкий О.Н. 2019. Ретроспективный анализ трех международных проектов с российским участием (1987-2001 гг.) (рукопись)

Яницкий О.Н. 2018. Четвертая научно-техническая революция, глобализация и институты // *Научный результат. Социология и управление*. Т. 4, № 4, С. 52-63.

Яницкий О.Н. 2019. Биосфера и социосфера: как совместить их исследование? // *Общественные науки и современность*, № 1: 178-189. DOI: 10.31857/6904990003947-3

Яницкий О.Н. 2019. К созданию модели идеального города // *Коэволюция и ноосфера: исследования, аналитика, прогнозирование*. № 4 (6). С. 5-25.

Яницкий О. Н. Миграционный кризис или кризис Евросоюза? // *Социологическая наука и социальная практика*. 2019. № 1. С. 21-36.

Яницкий О. Н. Вызовы и риски глобализации. Семь тезисов // *Социологические исследования*. 2019. № 1. С. 29-39.

Яницкий О.Н. 2019. Глобализация. От теории к измерению, в кн.: *Россия реформирующаяся* /Горшков МК., отв. ред. Москва: Новый Хронограф, с.145-170.

Статьи в международных журналах

Oleg Yanitsky. 1982. Towards an eco-city: problems of integration knowledge with practice. *International Social Science Journal*, No 93, pp. 469-480.

Oleg Yanitsky and Zhanna Zaionchkovskaya. 1984. Soviet sociology relating to rural migrants in cities. *International Social Science Journal*, No 101, pp. 469-485.

Oleg Yanitsky. 1994. Environmentalism, an Ideology for the Future? *Science in Russia*, No 2, pp. 82-88.

Oleg Ianitski, 1995. Industrialism and Environmentalism. Russia at the Watershed between Two Cultures. *Sociological Research*. January-February, Vil. 34, No 1: 48-66.

Oleg Yanitsky. 1999. The Environmental Movement in a Hostile Context: The Case of Russia. *International Sociology*. Vol. 14, No 2: 157-172.

Oleg Yanitsky. 2000. Sustainability and Risk: The Case of Russia. *Innovation: The European Journal of Social Sciences*. Vol. 13, No 3: 265-277.

Oleg Yanitsky. 2005. The Value Shift of the Russian Greens. *International Review of Sociology*, Vol. 15, No 2, pp.363-380.

Oleg Yanitsky. 2005. Dialogue between Science and Society. *Social Sciences*, Vol. 36, No 2, pp. 78-90.

Oleg Yanitsky. 2007. The Ecological Paradigm as an Element of Culture. *Social Sciences*, Vol. 38, No 1, pp. 110-123.

Oleg Yanitsky. 2008. The Russian University, Professors, and Students in 1910-1915. *Russian Education and Society*, July, Vol. 50, No 7, pp. 70-92.

Oleg Yanitsky. 2009. The Shift of Environmental Debates in Russia. *Current sociology*, Vol. 57, No 2: 747-766.

Oleg Yanitsky. 2010. Russia's Changing World: Resources, Networks, Localities. *Social Sciences*, Vol. 41, No. 4, pp. 103-122.

Oleg Yanitsky. 2011. The Struggle in Defense of Baikal: The Shift of Values and Disposition of Forces. *International Review of Social Research*, Vol.1, Issue 3, pp. 33-51.

Oleg Yanitsky. 2012. From nature protection to politics: the Russian environmental movement in 1960-2010. *Environmental Politics*, Vol. 21, No 6, pp. 922-940.

Oleg Yanitsky. 2016. Modern Networks and Infrastructures in the Light of the Risk-Society Theory. *Mir Rossii*, Vol. 25, No 3, pp. 37-55.

Oleg Yanitsky. 2018. On Transition from the Second Industrial to the Fourth one *International Journal of Media, Journalism and Mass communication*, Vol. 3 (2): 1-10. URL: <https://www.arcjournals.org/international-journal-of-media-journalism-and-mass-communications/volume-3-issue-2/1>

Oleg Yanitsky. 2018. Global Risks Networks: A new Field of Interdisciplinary Studies. *International Journal of Research in Sociology & Anthropology*, Vol. 1(1): 8-15. URL: <https://www.arcjournals.org/international-journal-of-research-in-sociology-and-anthropology/volume-4-issue-1/2>

Oleg Yanitsky. 2018. Russian Environmentalist Oleg Yanitsky: Reflections on my Own Life-Story. *International Journal of Humanities, Social Sciences and Education*, 2018, Vol. 4 (12): 118-126. URL: <https://www.arcjournals.org/international-journal-of-humanities-social-sciences-and-education/volume-4-issue-12/15>

Oleg Yanitsky. 2018. Globalization and a New Silky Road Project. *Advances in Social Sciences Research Journal*. Vol. 5, No. 4. Pp. 13-23. URL: <http://scholarpublishing.org/index.php/ASSRJ/article/view/4354>
(DOI: <http://dx.doi.org/10.14738/assrj.54.4354>)

Oleg Yanitsky. 2018. Come+ON! 50 Years of the Club of Roma: Reflections and criticism. *Advances in Social Sciences Research Journal*. Vol. 5. No 1. Pp. 279-289. URL: <http://scholarpublishing.org/index.php/ASSRJ/article/view/4106>
(DOI: <http://dx.doi.org/10.14738/assrj.52.4106>)

Oleg Yanitsky & Olga Usacheva. 2017. History of the "Green City" in Russia. *Journal of History Culture and Art Research*, 6(6), 125-131. DOI: <http://dx.doi.org/10.7596/taksad.v6i6.1330> URL: <http://kutaksam.karabuk.edu.tr/index.php/ilk/article/view/1330/954>

Oleg Yanitsky. 2018. On the Actuality of the Tempo-Rhythms Research //IRSA Vol.4, Issue 2: 43-51.
<https://www.archjournals.org/international-journal-of-research-in-sociology-and-anthropology/volume-4-issue-2/>

Oleg N. Yanitsky. 2018. The Development of the Russian Environmental Movement in the beginning of XXI Century. *International Journal of Humanities Social Sciences and Education*, Vol. 5, no. 6, 2018, pp. 23-31. DOI: <http://dx.doi.org/10.20431/2349-0381.0506004>. <https://www.archjournals.org/international-journal-of-humanities-social->

sciences-and-educaton/volume-5 –issue 6/ 4 или на
<https://www.researchgate.net/publication/325756396>

Oleg Yanitsky. 2018. Globalization: Challenge to Social Sciences // Power, Violence and Justice: Reflections, Responses and Responsibilities. View from Russia [Electronic resource]: collected papers XIX ISA World Congress of Sociology Power, Violence and Justice: Reflections, Responses and Responsibilities (Toronto, Canada, July 15-21, 2018) / Editor-in-Chief V. Mansurov. Moscow: RSS; FCTAS RAS. Pp. 15-28.

Yanitsky O. 2018. On Z. Bauman's book 'A Chronicle of Crisis: 2011-2016', with the preface by Dr. N. Lawson. London, UK: Social Europe Edition 2017. 163 p. ISBN 978-1-9997151-0-6 in Advances in Social Sciences Research Journal. Vol.5, No.7. Pp. 39-46

Oleg Yanitsky. 2018. Ecology as a Geopolitical Issue. *International Journal of Political Science. International Journal of Political Science. Volume 4, Issue 1. Pp. 43-52.*

Oleg Yanitsky. 2018. The Fourth Scientific and Technological Revolution and Its Social Outcomes. *International Journal of Research in Sociology and Anthropology*. Vol. 4, Issue 4, Pp. 46-54.

Oleg Yanitsky, 2019. From Brasilia to a Network City: The Reflections of a Russian Sociologist. *Advances in Social Science Research Journal*. Vol.6, №2. Pp.254-264.

Oleg N. Yanitsky. 2019. Cyberspace of the Fourth Scientific and Technological Revolution. *International Journal of Social Research*, 3:24.

Сведения об авторе: Яницкий Олег Николаевич (1933 г.р., г. Москва), доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук; доктор филос. наук, проф., главный научный сотрудник виртуальной научно-исследовательской лаборатории «РНФ-17-45ВП» ИСФНиМК Казанского федерального университета.

Автор 23 монографий (на англ. и русском яз.) и более 500 статей в российских и международных журналах. Участник программы ЮНЕСКО «Человек и биосфера», проект «Города Европы: участие населения в охране среды обитания», международного проекта «Новые социальные движения в России», а также ряда других исследовательских проектов. Яницкий – один из основателей Исследовательского комитета по городской и региональной социологии МСА, а также Исследовательского комитета по социальным проблемам градостроительства Советской социологической ассоциации. Круг интересов: процессы глобализации и их социальные и экологические аспекты, теория общества риска, социология города, междисциплинарные исследования.

06.02.2019

Научное издание

Яницкий Олег Николаевич

Жизнь в блогах:
короткие заметки по истории социологии и других наук

Публикуется в авторской редакции

Компьютерная верстка: Башева О.А.

ISBN 978-5-89697-311-9

Издатель:

Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук
Адрес: 117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5
Тел.: (499) 125-00-79, e-mail: isras@isras.ru

Подписано в печать 28.05.2019

Усл. печ. л. 14,4

URL: http://www.isras.ru/index.php?page_id=1198&id=7080